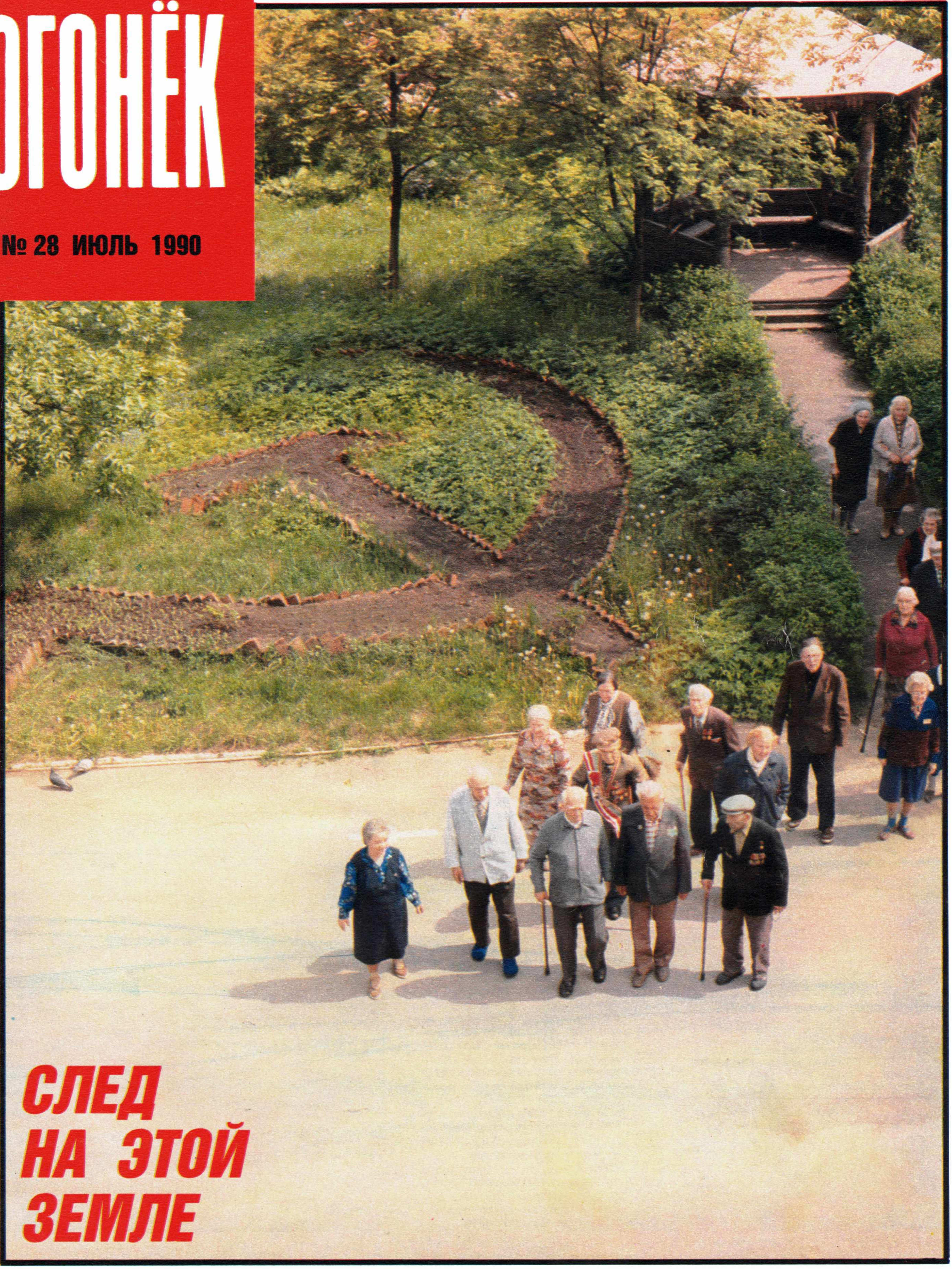
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 28 ИЮЛЬ 1990

СЛЕД НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 28 (3286)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

7 — 14 июля

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Обитатели подмосковного Дома ветеранов партии на прогулке. (См. в номере материал «Это невыносимо светлое будущее».)

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 18.06.90. Подписано к печати 03.07.90. А 00324. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2479. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

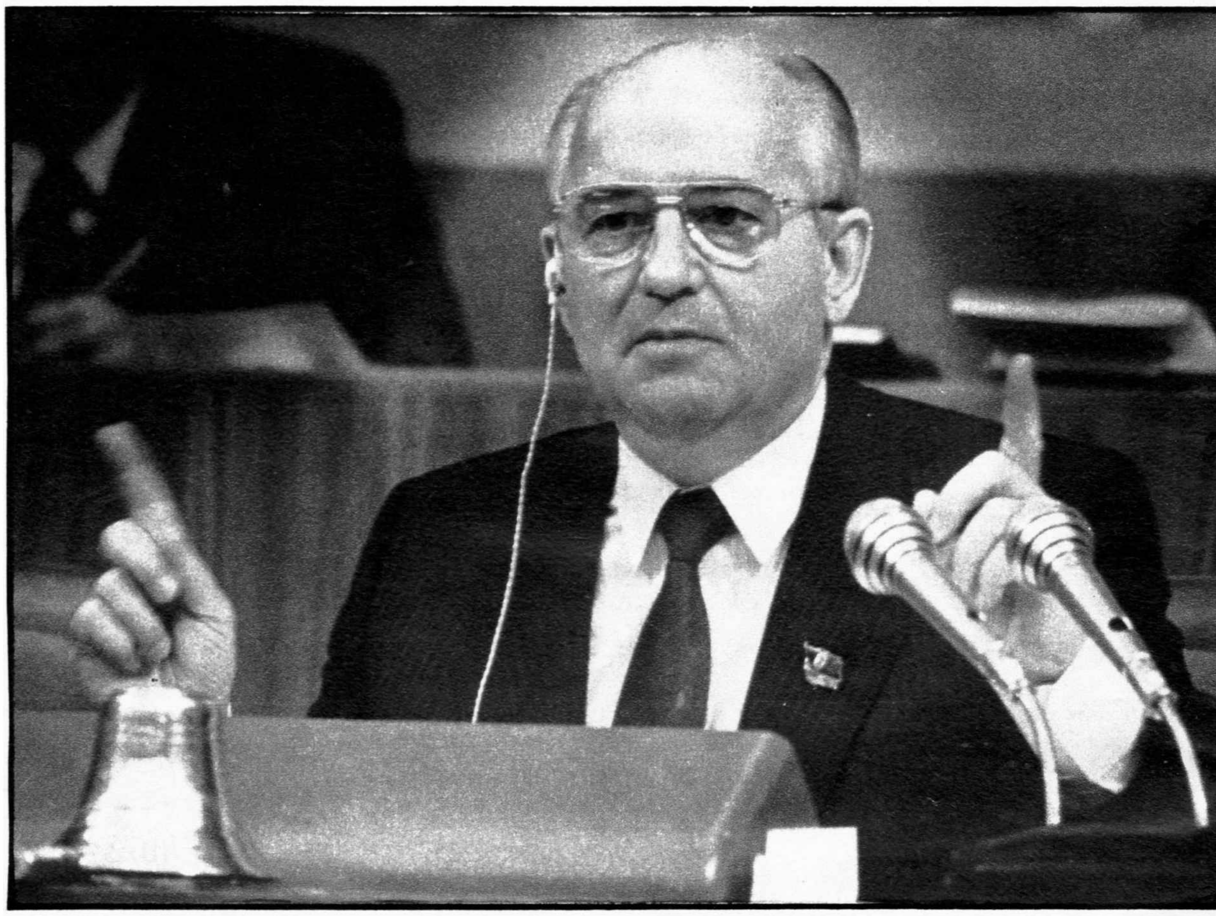
Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

За пять лет мы сделали революционный рывок во всех сферах жизни. И это позволило нам выйти на главный перевал. Вопрос сегодня стоит так: либо советское общество пойдет вперед по пути начатых глубоких преобразований — и тогда, убежден, наше великое многонациональное государство ждет достойное будущее, либо верх возьмут контрперестроечные силы, и тогда страну, народ ожидают, давайте смотреть правде в глаза, мрачные времена.

(Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на XXVIII съезде партии)

МЕРА

Фото Алексея ГОСТЕВА и Юрия ФЕКЛИСТОВА

Второго июля в Москве открылся XXVIII съезд КПСС. Его делегатами избрано 4 683 коммуниста.

С докладом «Политический отчет Центрального Комитета КПСС XXVIII съезду КПСС и задачи партии» выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

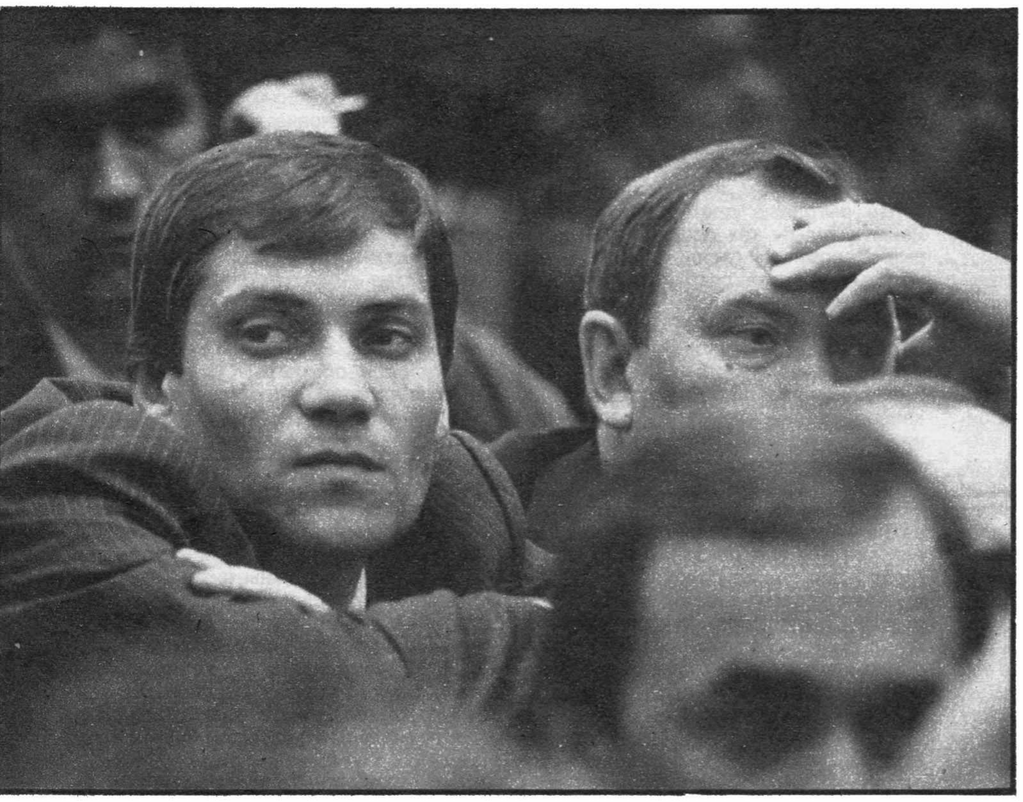
Делегатам съезда предстоит обсудить отчеты членов и кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК КПСС, Центральной Ревизионной Комиссии КПСС, программное заявление «К гуманному, демократическому социализму», Устав партии, доклад о ее бюджете и имуществе, положение о Центральной Контрольной Комиссии КПСС, выбрать центральные органы.

Многое сегодня, прозвучало на съезде, зависит не только от меры мужества и меры совести, но и от способности достойно пройти муки нового прочтения нашего бытия. Будем надеяться, что партия в начале этого пути.

МУЖЕСТВА И МЕРА СОВЕСТИ

БЕЗ ДИКТАТУРЫ

Когда председательское место в Ленсовете было еще вакантно, «Ленинградская правда» попросила читателей назвать возможных кандидатов. Из 40 человек, позвонивших в течение часа, 22 сказали: «Собчак». Собственный корреспондент «Огонька» Дмитрий ГУБИН встретился с профессором Ленинградского университета, народным депутатом СССР, председателем Ленсовета Анатолием СОБЧАКОМ.

— Анатолий Александрович, вы возглавили городской Совет, в котором большинство мест принадлежит сторонникам радикальных экономических и политических реформ. Та же ситуация в Москве, Свердловске, но, в общем, немногих местах. Вы не боитесь, что приписываемая вам иными критиками попытка построить капитализм в «одних, отдельно взятых» городах окончится провалом?

— Нет, не боюсь, потому что мы капитализм строить не собираемся. Скорее собираемся реорганизовать управление городом на основе здравого смысла. Я знаю, как опасно говорить о конкретных делах, но все же несколько примеров приведу.

Сейчас, чтобы поменять жилье или встать в очередь на квартиру, каждый гражданин собирает бесконечные ходатайства, характеристики жилой площади, справки о составе своей семьи и идет со своей просьбой к должностному лицу — скажем, в исполком райсовета. Должностным лицом эти документы изымаются и подшиваются в «дело», чтобы дать отчет: приходил человек, но ему отказано. Но проситель, естественно, не успокаивается, он идет дальше, в исполком горсовета, и ему нужно собирать всю эту кипу бумаг заново. Зачем все это? Кому требуется? Ведь можно элементарно упростить порядок делопроизводства! Другой пример. Мы в Ленсовете недавно стали просматривать решения нашего исполкома, принятые с января уже этого года, и за голову схватились. При том ужасающем положении с жильем, которое мы имеем в городе, десятки тысяч квадратных метров жилья только за первые месяцы этого года переданы под нежилые нужды: организациям, совместным предприятиям, конторам и так далее. Отданы с поразительной легкостью, хотя законом это делать запрещено! Третий пример. Сколько у нас квартир в жилом фонде занимают всякие домкомы, опорные пункты охраны общественного порядка, партийные бюро и так далее? Мы сотни, а может быть, и тысячи квартир освободим, если выселим все эти организации в нежилой фонд.

— И вы уверены, что при помощи «наведения порядка» можно что-то изменить — хотя бы в жилищной проблеме?

— Нет, просто я назвал меры, не требующие ни капиталовложений, ни дополнительной рабочей силы. Конечно, я понимаю, что это все крохи перед лицом пятимиллионного города. Своими «отдельно взятыми усилиями» мы не выйдем из кризиса, даже если воспользуемся недавно принятыми законами о местном хозяйстве и местном самоуправлении и о налогообложении населения, согласно которым у нас будет больше прав и больше денег. Ленинград на глазах ветшает, и меня поражают заявления нашего прежнего руководства, говорящего о том, что сдает город «в полном порядке». Экологическая катастрофа в Ленинграде — это не преувеличение. Заключение последней комиссии комитета по экологии Верховного Совета СССР однозначно: строительство дамбы и экологически, и экономически необоснованно. И об этом, кстати, давным-давно предупреждали гидрологи, и я помню статьи, в которых говорилось, что два миллиарда проектной стоимости дамбы обернутся десятью миллиардами, необходимыми на возвращение ситуации в прежнее положение. А состояние домов, улиц, наших памятников архитектуры? Целые кварталы требуют ремонта, а он даже в тех домах, из которых жильцы отселены, десятилетиями не производится... Даже если Верховный Совет примет закон о налогообложении предприятий и у Ленсовета будет оставаться значительная часть их прибыли, это положения не изменит. Нужны более революционные меры. Прежде всего Ленинград должен получить статус свободной экономической зоны. Чтобы предприятия смогли выйти из подчинения министерств и ведомств, действовать в качестве самостоятельных, экономически и юридически независимых производителей, могли сотрудничать, создавать совместные предприятия, чтобы у нас были созданы благоприятные условия для вложения иностранного капитала... В кратчайшие сроки нам надо решить две задачи: во-первых, превратить Ленинград из центра военно-промышленного комплекса, каким он является сегодня, в центр культуры, науки и производства товаров широкого потребления. Для этого придется решить судьбу недостроенных объектов: продавать их тем, кто предложит наиболее выгодные для города условия. Решить судьбу тех предприятий, которые экономически нерентабельны, тех, которые представляют экологическую угрозу. Не должно быть такого, чтобы в центре города, на Васильевском острове, монтировался атомный реактор на атомном ледоколе, а газеты об этом еще и писали с гордостью! А если авария? Нельзя держать в постоянном напряжении жизнь города...

— Вы сказали, что есть и вторая задача.

— Да, нужно научиться зарабатывать самим деньги за счет туризма. При невероятной привлекательности Ленинграда для международного туризма у нас не хватает отелей, вообще туристской сервисной инфраструктуры. А «Интурист», этот монополист-спрут, высасывает у Ленинграда практически всю заработанную на городе валюту, не оставляя нам ничего, кроме таких проблем, как проституция и преступность. Поэтому нам нужно создавать свои структуры международного туризма, при помощи иностранного капитала строить новые гостиницы и переоборудовать под них старые здания. Опыт других стран показывает, что именно за счет туризма можно в считанные годы разбогатеть и поправить городское хозяйство. С парламентскими делегациями я побывал в столицах нескольких стран и посмотрел, как решаются эти проблемы. Вот, скажем, сувенирный бизнес. В Метрополитен-мьюзеуме, осмотрев превосходную экспозицию, вы можете купить репродукцию любой картины, копию любой статуи или посуды — копию абсолютно всего, что есть в музее! Все это продается по очень высоким ценам, потому что имеет штамп музея, но я считаю, что это правильная постановка дела. И наши Эрмитаж, Русский музей могли бы при разумной постановке дела давать колоссальную прибыль.

— Говоря о проблемах, стоящих перед городом, вы не упомянули политическую: в Ленинграде междувластие — ситуация, явно ненормальная. Вы член Коммунистической партии, так что уместно задать вопрос: как, на ваш взгляд, должен вести себя обком КПСС по отношению к новому Ленсовету?

— Я не могу решать за обком, но думаю, что самое разумное — это пойти на сотрудничество с советской властью и на добровольную ликвидацию последствий партийной монополии в городе. Если партийные органы хотят сохранить свое влияние в решении городских вопросов, они должны оказывать максимальную помощь городским властям. Если же они встанут на путь сопротивления или саботажа, мы тогда будем вынуждены принять в рамках закона все предусмотренные законом меры.

— Что вы имеете в виду под последствиями монополии одной партии?

— До последнего времени областной

комитет партии давал прямые указания, как и что делать должностным лицам государственных организаций, как вести хозяйственную деятельность, то есть продолжал решать вопросы, которые всегда решал, но которые по закону в компетенцию партийных органов никогда не входили. Больше этого не будет. И я думаю, в деятельности нового Ленсовета и его исполкома мы должны провести мысль о том, что любое должностное лицо, которое посмеет выполнить прямое указание партийного органа любой партии, будет уволено с должности. Если партийный комитет считает, допустим, что надо выделить жилье какому-то члену партии, он может обратиться как обычная политическая организация в Ленинградский исполком с ходатайством: вот, учитывая то-то и то-то, на основании такого-то закона просим улучшить жилищные условия члену партии... И уже государственные органы, городские власти будут решать вопрос — удовлетворить эту просьбу или нет, соответствует она закону или не соответствует. Причем я понимаю, как трудно этот процесс будет происходить чисто психологически, потому что еще вчера, скажем, завотделом обкома считал, что он лицо в последней инстанции, которое решает вопрос, кому быть директором завода, а сегодня он может решать только внутрипартийные проблемы.

— Ленсовет каким-нибудь образом отреагирует на сочувственное по форме предупреждение Бориса Гидаспова, что в лице новой российской компартии Ленсовет может получить гораздо более серьезного противника, чем ОФТ?

— Я уже сказал однажды, что если в платформе этой партии появится тезис о диктатуре пролетариата, то я лично буду предлагать Ленсовету запретить деятельность этой компартии на территории Ленинграда, поскольку требование диктатуры есть требование насильственного свержения существующего строя, чьим бы именем эта диктатура ни прикрывалась. И я думаю, что предупреждения Бориса Вениаминовича должны быть обращены к областной партийной организации, которая помогает консолидации всех реакционных, консервативных сил КПСС. Ведь не секрет, что инициаторами создания РКП выступили секретари парткомов крупнейших предприятий военно-промышленного комплекса. Кстати, сам товарищ Гидаспов тоже дитя этого комплекса...

— Вы не думаете, что в сегодняшней напряженной ситуации исполком займет не сторону Ленсовета, а прибегнет к омскому варианту, то есть к саботажу путем полной отставки?

— Что касается нынешнего исполкома, то он уже практически бездействует, под занавес пытаясь спешно передать государственные здания на баланс партийных, комсомольских и различных других организаций. Мы уже приняли решение о прекращении этой практики и будем еще разбираться с законностью подобного рода решений. По поводу же омского варианта... Я думаю, у нас его не будет, потому что формировать исполком станут депутаты, и я надеюсь, что демократический состав исполкома будет обеспечен. Но здесь я хочу особо подчеркнуть, что при формировании кадрового состава всех органов управления городом мы должны исходить из сочетания опыта старых работников с инициативой, решительностью и честностью демократов (назову их так), приходящих к управлению городскими делами. Такое сочетание, на мой взгляд, поможет сгладить консерватизм первых и недостаток опыта вторых. Демократы своей инициативой и принципиальностью могут принести большую пользу в областях, непосредственно обращенных к людям: в торговле, сфере бытового обслуживания, здравоохранении, культуре, жилищном хозяйстве... А в управлении промышленностью, транспортом, строительством на первый план выходят умение, опыт, знания хозяйственников.

— Можно надеяться, что в скором времени экономические преобразования из лозунгов оппозиции превратятся в решения городской власти. Но строгость российских решений, как известно, с лихвой компенсируется необязательностью их исполнения, идущей, так сказать, «снизу». Поддержат ли ленинградцы ваши планы создания свободной экономической зоны? Не бойкотируют ли, прикрываясь недопущением «распродажи национальных богатств»?

— В ходе предвыборной борьбы и наши националистические организации, и консервативные силы в КПСС активно эксплуатировали этот тезис — что, вот, распродают Россию и так далее... Но я верю в здравый смысл людей и верю, что они поймут: мы ничего не собираемся распродавать, а, напротив, собираемся с помощью иностранного капитала здесь, у нас, развивать и строить то, что может нам принести колоссальную помощь — те же фирмы и предприятия по производству стройматериалов, из-за отсутствия которых невозможно построить свой дом, даже если у тебя есть голова, руки и деньги... Конечно, если мы пойдем по пути создания только валютных ресторанов и баров, это будет вызывать у наших граждан изжогу. Но думаю, что, развивая туристскую инфраструктуру, мы должны иметь в виду, что там будут иметь хождение и валюта, и рубль. Кроме того, статус свободной экономической зоны позволит каждому человеку совершать сделки с валютой и получать в валюте зарплату. Пока, как известно, это уголовно наказуемое деяние.

— Обратитесь ли вы к гражданам с традиционным для свободной экономики призывом: «Обогащайтесь!»?

— Могу твердо обещать: я приложу все силы, чтобы поощрять создание и частных, и кооперативных, и совместных, и смешанных предприятий. Но поощрять, учитывая интересы города. Приведу пример. Сегодня, какому-то предприятию, кооперативу сдается в аренду помещение, совершенно не учитывается, прибыльно это предприятие или нет, нужно оно или нет городу. Арендные ставки для всех одинаковы, и, когда приходят и просят помещение сразу несколько человек, скажу прямо, начинается простор для махинаций и взяточничества. Я думаю, мы должны сдавать помещения в аренду на конкурсной основе и в зависимости от того, какие услуги или какую продукцию будет производить это предприятие и по каким ценам намеревается реализовывать и устанавливать арендную плату. Думаю, что в тех случаях, когда предприятие будет производить чрезвычайно нужные городу товары, обязуясь реализовывать их по ценам не выше государственных, мы можем и вовсе освободить его от арендной платы. Это все в нашей власти. И если кто-то обогатится, обогащая при этом город,— это можно только приветствовать.

— Анатолий Александрович, вы как юрист являетесь специалистом в области жилищного права...

— Я даже читал в университете курс жилищного права...

— ...и потому хочется услышать от вас более подробно о намечаемой жилищной политике. Вопрос больной и для Ленинграда, и для всей страны.

— Сейчас мысль о том, что квартиры можно и нужно продавать и покупать, воспринимается довольно спокойно, но я помню, что, когда в 1964 году впервые было принято постановление о широком кооперативном строительстве, не поверите, был период, в Ленинграде уже построенные кооперативные дома оставались незаселенными. Как это, платить за жилье? Все не платят, а ты вдруг выложишь две, три, четыре тысячи? Это было непривычно... Я давно исповедую идею, что человек должен быть собственником своего жилья. Во-первых, это соответствует принципу социальной справедливости. А ведь сейчас такая несправедливость существует, как грань между городом и деревней, в которой более 80% населения живет в собственных домах, построенных за свой счет в отличие от бесплатного жилья горожан... Что, кстати, было не последней причиной бегства селян в город. Другая сторона вопроса: городское государственное и городское кооперативное жилье. Почему один должен покупать себе квартиру, а другой нет? Но есть и еще одна сторона, самая важная: уважение одного человека к другому человеку начинается с уважения к его собственности, с уважения к чужому добру. Не зря и в Библии «не укради» — один из первых принципов нравственного устройства общества. А мы это утратили, и от ежедневного общения с государственной, анонимной, ничейной собственностью в массовом сознании произошел самый ужасный, с моей, юриста, точки зрения, сдвиг: воровство перестало быть нравственно осуждаемо. И народное сознание отметило это в языке, назвав воров «несунами».

— С правом собственности связана возможность ею распоряжаться: ничье нельзя и украсть...

— Недавно я был с парламентской делегацией в Финляндии и в университете Турку разговорился с одним профессором. Он сказал, что собирается переезжать, перешел на работу в университет в Хельсинки. Я говорю: «Как вы решаете жилищную проблему? У нас первое дело — мы не можем пригласить талантливых, известных ученых поработать к себе именно потому, что нет прописки, жилья». А он: «Ну, это очень просто. Я продал свою квартиру в Турку и уже договорился о покупке квартиры в Хельсинки. Мне придется, правда, доплатить, учитывая, что это столица». Вот так во всем мире и решается вопрос: в зависимости от того, насколько человек состоятелен, каково у него в этот момент с деньгами, он либо покупает, либо снимает квартиру. А у нас вместо этого прописка, которой мы пытаемся сдерживать миграционные процессы. И, естественно, жилищный кризис.

— Анатолий Александрович, ведь вас, если не ошибаюсь, проблема прописки тоже в свое время задела?

— Я всегда учился с наслаждением и за все время обучения в Ленинградском университете не имел ни одной четверки. Но, несмотря на свой красный диплом, я не смог остаться в аспирантуре, потому что не имел ленинградской прописки. И я уехал в Ставропольский край, о чем, кстати, ничуть не жалею.— это была хорошая жизненная школа.— и лишь потом переехал в Ленинград, обменяв двухкомнатную квартиру в Ставрополье на комнату в коммуналке... Есть другие способы решения жилищных проблем, просто морально неприемлемые. Несколько лет назад у нас на факультете, например, исключали из партии человека, который для улучшения жилищных условий пять раз фиктивно женился и разводился. За моральное разложение. Но, боюсь, это как раз был человек редкой моральной стойкости, потому что все пять раз он разводился и женился на своей собственной жене! Это шутки ради, но выход из положения должен быть нормальный, экономический.

— Можно представить, как на эту идею отреагируют, скажем, «фронтовики» из ОФТ: «Ага, завтра все эти кооператоры, все эти подпольные миллионеры вылезут из щелей и будут иметь роскошные квартиры, а мы ничего иметь не будем!»

— Во-первых, те, у кого на самом деле есть миллионы, жилье себе давным-давно сделали без особого труда. Мы же только делаем вид, что купли-продажи у нас нет, а пойдите на рынок обмена, и любой маклер вам назовет точную цену одного квадратного метра жилплощади. Под видом обмена идет самая обычная торговля жильем, которую, правда, очень тяжело доказать по суду. Во-вторых, первоначально предполагается продажа квартир тем, кто их занимает, а также очередникам. Причем оценка будет производиться по остаточной инвентаризационной стоимости, с обязательным учетом района и типа дома,— это выйдет не очень дорого. И только тогда, когда и очередники, и съемщики своих квартир будут удовлетворены и в городе появятся свободные квартиры, может быть решен вопрос об их свободной продаже любому желающему. Тогда наглядно будет действовать принцип: хочешь иметь получше жилье, ну так лучше работай и больше зарабатывай.

— Но ведь сегодня очень многим государственным работникам едва хватает на одежду и еду. Значит, они смогут квартиры только арендовать. И, если возрастет квартплата, это пребольно ударит их по карману. А инвалиды, пенсионеры, многосемейные?

— Смысл намечаемых преобразований не в том, чтобы повысить плату за аренду жилья, а в том, чтобы сделать ее дифференцированной. Ведь сегодня, если один человек живет в трехкомнатной квартире, он это мало ощущает, сумма квартплаты чисто условная. Я не говорю уж о том, что миллионы людей в стране за квартиру годами вообще не платят,— и ничего, сходит с рук. Так вот, арендная плата должна взиматься с учетом, во-первых, размера квартиры, во-вторых, места расположения, в-третьих, типа дома: блочный дом или кирпичный. На Невском или в Шувалово-Озерках. Шесть метров кухня или двенадцать. Что касается малообеспеченных людей, то здесь нет проблем. Дешевое муниципальное жилье существует во всех странах мира. И бывшим блокадникам, ветеранам войны, престарелым людям может предоставляться муниципальное жилье либо вообще бесплатно, либо на льготных условиях.

— Кто будет определять размер арендной платы или стоимости жилья?

— Собственник: тот, у кого вы снимаете жилье. По закону сейчас весь жилищный фонд является собственностью местных Советов.

— И последний вопрос вам как председателю Ленсовета. Вы не думаете, что в самом скором времени, оставив решение ленинградских проблем, вам придется иметь дело уже с проблемами санкт-петербургскими?

— Я знаю, что сегодня у переименования города довольно много сторонников. Но я не любитель поспешных решений. С нынешним именем город пережил самый тяжелый период, блокаду, и это имя вне всякой зависимости от политики уже сроднилось с жителями. Я думаю, славное имя Петра, основателя города, мы можем восстановить в каких-то других вариантах. Скажем, Ленинградский университет сегодня не имеет имени... Единственное переименование, на котором я буду настаивать и которое буду предлагать Ленсовету,— это переименование площади Диктатуры Пролетариата перед Смольным в площадь Академика Сахарова. Потому что это переименование связано для меня с определенным манифестированием того, что мы собираемся делать в городе. Мы собираемся проводить в жизнь идеи великого нашего соотечественника и гуманиста, те идеи многопартийности, классового сотрудничества, приоритета общечеловеческих ценностей, что предполагают отказ от любых диктатур, как бы они ни назывались.

— «Огонек» желает вам успеха.

P. S. А пока что предложение о переименовании площади Диктатуры Пролетариата не набрало в Ленсовете необходимого числа голосов...

Ленинград

Почта «Огонёк»

ПАРТВЗНОСЫ — В ФОНД ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ ● СИМВОЛ ТРЕХ ИСТОКОВ РОССИИ... ● НЕ ПРИЮТИТЬ ЛИ ХОНЕККЕРА В МАГНИТОГОРСКЕ? ●

■

В связи с провокационным заявлением гражданина Тюлькина на учредительном съезде Компартии РСФСР, поддержанным аплодисментами присутствующих, член Политбюро ЦК КПСС тов. Н. И. Рыжков сказал («Известия», № 173), что ему было «страшно», но он считает, что «люди сами должны разобраться, что к чему».

Я разобрался, что к чему.

46 лет тому назад я вступил в ряды Всесоюзной коммунистической партии. Партии большевиков-интернационалистов, верных заветам Ленина, в том числе и такому: «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть».

Был и остаюсь верным делу Ленина, но уплату партвзносов на содержание аппарата, не способного (или не желающего) остановить черносотенцев, прекращаю.

Денежные суммы в размере причитающихся с меня партвзносов впредь буду переводить в фонд помощи беженцам из Азербайджана — членам семей военнослужащих.

Л. КИКИНЗОН,
член ВКП(б) с 1944 г.
Москва

■

Как известно, постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года «О журналах «Звезда» и «Ленинград» отменено. Но мало кто помнит, что существует и, судя по всему, не потеряло силы принятое несколько позже как бы «дочернее» постановление ЦК ВКП(б) «О журнале «Знамя» (проверка выполнения редакцией журнала «Знамя» постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград»)».

Это постановление было напечатано в газете «Культура и жизнь» 11 января 1949 года, в самый разгар борьбы с «безродным космополитизмом».

ЦК ВКП(б) пришел к выводу, что редакция «Знамени» «не справляется с возложенными на нее задачами и в своей работе допустила ряд серьезных ошибок». Так, «крупной ошибкой журнала является опубликование повести Н. Мельникова (Мельмана) «Редакция», в которой работники нашей фронтовой печати изображены либо тупицами и чванливыми самодурами, либо серенькими, неприметными людьми, совершенно равнодушными к своему делу. Вместе с тем в повести возвеличен образ военного преступника». В напечатанной «Знаменем» повести Э. Казакевича «Двое в степи» «подробно расписываются переживания малодушного человека, приговоренного военным трибуналом к расстрелу за нарушение воинского долга. Автор морально оправдывает тягчайшее преступление труса, приведшее к гибели воинской части».

Опубликованные в «Знамени» рассказы украинского писателя Ю. Яновского, отмечалось в постановлении, «лишены жизненного правдоподобия, построены на вымученных психологических домыслах, заимствованных из образцов упадочной буржуазной литературы». (Эта оценка не помешала тому же Ю. Яновскому в том же 1949 году получить Сталинскую премию...)

Суровые нарекания вызвал критический отдел журнала. В статье Б. Костелянца о романе В. Пановой «Кружилиха» «высмеивается правильное и естественное желание советских читателей видеть героями нашей литературы полноценных, духовно здоровых людей». В статье Б. Рунина о романе Г. Коновалова «Университет» «идеологическая выдержанность героев романа, представителей передовой советской науки осуждается как признак их умственной ограниченности».

Работа редколлегии журнала была признана неудовлетворительной. Как водится, последовали оргвыводы.

Каждая строка постановления о журнале «Знамя», документа забытого, но чрезвычайно поучительного, заставляет вспомнить вдохновляемый Сталиным командно-бюрократический стиль, присущий главному партийному идеологу сороковых годов А. А. Жданову.

Спрашивается: сказав «а», не следует ли сказать «б» и отменить последовавшее за постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград» постановление «О журнале «Знамя»?

Л. ЛЕВИН,
член Союза писателей СССР

■

В армию меня призвали в 1988 году, осенью. Наш строительный батальон послали в Подмосковье. После трех месяцев службы москвичей из нашей части со ссылкой на приказ министра обороны отправили на Кавказ.

В нашей, раньше довольно благополучной роте началась настоящая межнациональная война. Все разбились на кучки по национальному признаку. Кучки заключали между собой союзы, устраивали заговоры, дрались. Жизнь превратилась в бесконечную баталию. Шла война за все: за возможность не «пахать» за кого-то на работе, за порцию масла и лишнюю ложку каши, чистое белье в бане и т. д. Часто уже и не помнилось, из-за чего произошел конфликт.

Парни с Кавказа и из Средней Азии образуют группы земляков, выбирают вожака, обычно того, у кого больше кулаки.

Офицеры этой «войне» не препятствуют, разве что пожурят за плохую дисциплину и накажут кого-то, как правило, невиновного.

Лидер господствующей группировки и его приспешники-земляки должны поддерживать активную тиранию. Ослабили ее — и забитые группировки поднимают головы, объединяются. Группировка диктатора остается в меньшинстве, его свергают — и снова борьба за власть.

Наказывают виновных в нарушении дисциплины только с целью укрепления тирании. Тиранами очень редко бывают офицеры — в этом нет необходимости, они занимаются этим лишь для собственного удовольствия. Один из распространенных способов развлечения — построение солдат перед едой на морозе в одних гимнастерках. Стоять на холоде приходится долго. Чувствуешь, как превращаешься в загнанную скотину.

Обстановка в части тягостная: в любой момент могут напасть, постоянно надо быть начеку. Можно наблюдать, как нормальные люди превращаются здесь в зверей. А ведь поначалу нет в ребятах и капли злости...

В армии нас перемешали, как винегрет, а ведь мы все разные. Однажды меня заставили мыть казарму с одним кавказцем, который заявил, что мыть пол не будет, так как он мужчина. Я ответил, что в таком случае тоже не буду и обоим попадет. Он испугался, и казарма была вымыта, но с тех пор он и его земляки стали моими злейшими врагами, хотя до этого я не раз выручал парня. Ничего нельзя было объяснить.

Может быть, надо организовывать батальоны по национальному признаку, пусть только офицеры будут разных национальностей. Но проходить службу таким батальонам лучше не на национальной территории. Не нужно, чтобы каждая республика, как удельное княжество, имела свое войско. Что, если бы Армения и Азербайджан имели свои армии?

Почему бы не сделать так: не подошел для строевой части — оставайся в собственном городе и строй его. Раз служишь в родном городе и нет претензий на работе, не нужна и казарма. Солдат может жить и питаться дома. А казармы — для нарушителей дисциплины и тех, кто плохо работает. Так можно было бы в крупных городах отказаться от лимита, ведь многие, наверное, после службы захотят остаться на стройке, и это будут не рабы, а люди, сделавшие сознательный выбор. А почему бы не использовать солдат там, где не хватает рабочих рук, скажем, санитарами?

Желательно, чтобы помимо офицеров и сверхсрочников в армии были бы и солдаты-профессионалы. Они помогли бы обучению новобранцев. И служить лучше год — это сократило бы численность армии и высвободило средства для содержания ее профессионального ядра. Тогда исчезнут дедовщина, землячество — наиболее жестокая форма солдатского варварства. Жестокость может развалить армию, ведь не случайно ребята уклоняются от службы. А армия, что ни говори, все же нужна.

К. АВИЛОВ,
рядовой
Москва

■

Я думаю, что если бы ветераны нашей гвардейской Красносельской ордена Ленина Краснознаменной стрелковой дивизии знали, что в Ленинград их приглашают не на встречу, посвященную 45-летию Победы, а на вечер с участием Нины Андреевой, они бы не поехали.

В соответствии с полученными приглашениями 6 мая 1990 года в клуб сталепрокатного завода на Васильевском острове пришли не менее 500 ветеранов дивизии.

Большинство уже очень пожилые, больные люди. Но, видимо, им, как и мне, вспоминалась прекрасная встреча пятилетней давности — празднование ветеранами дивизии 40-летия Победы. Тогда был прекрасный концерт, нас тепло поздравили руководители Василеостровского района. В этот раз ничего такого не было. В президиум даже не были приглашены члены совета ветеранов дивизии. Было оглашено стандартное приветствие, произведено награждение клуба грамотой за помощь в организации встречи, ветеран дивизии прочел свое стихотворение, а потом... председатель совета ветеранов дивизии предоставил слово Нине Андреевой.

Надо сказать, что на собрании она появилась, когда оно уже шло, ушла после собрания сразу, уклонившись от разговоров с фронтовиками.

На мои вопросы по поводу весьма странного празднования Дня Победы председатель совета ветеранов В. В. Румянцев конкретно не ответил. Те же вопросы я задал нашему командиру полка С. Кадецкому. Он тоже был возмущен тем, что наш праздник практически сорван, и сказал, что члены совета ветеранов не были поставлены в известность...

Нашу встречу, что называется, «пустили под откос». Кому это было нужно? Что хотели доказать нам, ветеранам? В чем хотели убедить этой встречей, на чью сторону переманить?

И. З. БРЕНЕР,
ветеран гвардейской
Краснознаменной
Красносельской пехотной дивизии
Киев

■

Уважаемая Елена Георгиевна Боннэр!

Прочел в «Огоньке» вашу публикацию «Голодовка», в которой рассказывалось о ссылке А. Д. Сахарова в Горький, и был неприятно удивлен той ее частью, где она касается моей персоны.

Вопреки Вам моя память о нашей встрече в поезде сохранила все в более достоверном, привлекательном и, что главное, во взаимоуважительном свете... Жаль, что я ошибся.

Видимо, желание поэффектнее высказаться на тему «всеобщего страха» толкнуло вас на путь «сочинительства», неизменно ведущего к забвению первой заповеди всякого пишущего — говорить правду!

Представив меня читателям в образе малодушного пьяного труса, вы взяли грех на душу, Елена Георгиевна, смешав в одну кучу и правду, и вымысел.

Вы не только оскорбили мое чувство глубокого уважения и восхищения личностью покойного Андрея Дмитриевича, высказанное мною тогда от всего сердца и без каких-либо придуманных вами «страхов», но, к сожалению, родили во мне сомнения в объективности остальной части вашей публикации, не касающейся меня.

Я невольно подумал: а прибавит ли что светлой памяти Андрея Дмитриевича обещанная читателям книга ваших воспоминаний о нем? Извините.

Георгий ЖЖЕНОВ

P. S. Надеюсь, до публикации Вашей книги Вы вспомните, кого из попутчиков вы приглашали к себе на чашку кофе. С кем Вам захотелось перепутать меня?

■

Мы, христиане-католики из московского прихода св. Людовика, хотим по мере наших сил участвовать в общехристианском деле возрождения нравственных принципов в обществе, способствовать ослаблению социальной напряженности. Возможность этого мы видим в возрождении активной приходской жизни: здесь могут формироваться взгляды юношества на добро и зло, приходы возьмутся ухаживать за одинокими и бедными, больными и старыми, облегчать страдания умирающих, заботиться о воспитании сирот. Сейчас активизируется приходская жизнь в братской Православной церкви. Мы просим помочь в том и нам.

До гонений на Церковь нашему приходу принадлежали два дома по Малой Лубянке, №№ 10 и 14, которые сейчас находятся на балансе КГБ. Думаем, что было бы справедливо возвратить нам эти дома для размещения в них пансионата для престарелых, воскресной школы и для приходских нужд. Ремонт произведем на собранные средства.

Это будет символом нового мышления, если здание следственного отдела, наводившее ужас на всю страну, вернет свою прежнюю функцию милосердия. Передача домов от КГБ христианам может стать актом доброй воли, примером позитивного диалога с христианами-католиками, общим добрым делом и в то же время важным политическим шагом, который будет иметь положительный международный резонанс.

Душа болит от того состояния ненависти, которое распространено повсеместно. Надо возрождать доверие, и делать это немедленно.

Давайте думать о будущем, оставим все темное и злое в прошлом и начнем строить новые отношения на основе добрососедства и взаимного уважения, как граждане одной страны, потому что то, что сделаем мы совместно сейчас, даст добрые плоды в будущем.

**Прихожане Католической церкви св. Людовика,
всего 150 подписей**

■

В четвертом номере «Военно-исторического журнала» за 1990 год на развороте соседствуют Декларация движения «Гражданское действие», опубликованная в № 8 «Огонька», и обращение Русского Комитета, которое в 1942 году подписал генерал Власов. Эмблема «Огонька» воспроизводится на стилизованном изображении воинского эполета, на поле которого нарисована нарукавная нашивка бесславной власовской армии. И все это сопровождается броской шапкой: «Такую «демократию» мы уже проходили в 1942 году».

На наш взгляд, этот материал является публичным оскорблением журнала «Огонек» и людей, подписавших Декларацию движения «Гражданское действие», многие из которых являются народными депутатами СССР, известными деятелями науки и искусства. Среди них Е. А. Гаер, В. И. Кириллов, А. Н. Мурашов, Б. Ш. Окуджава, Г. Х. Попов, Э. А. Рязанов, А. А. Собчак, В. И. Селюнин, С. Б. Станкевич, Р. К. Щедрин, А. В. Яблоков.

Не говоря о том, что две декларации, между которыми неизвестный автор пытается провести параллель, не имеют ничего общего по своим целям, в первую очередь следует отметить откровенно провокационный и клеветнический характер эмблемы в начале публикации и намеков, содержащихся в ее конце.

Очевидно, этот материал является продолжением обращения «группы депутатов» к тов. Лукьянову по поводу «общественно-политической деятельности журнала «Огонек», разве что акценты несколько смещены. Что ж, мы получили вполне определенное впечатление о моральном облике «борцов за объективность».

Мы считаем, что подобные публикации оскорбляют не только честь уважаемого журнала и авторов декларации, но и миллионов подписчиков «Огонька», и поэтому убедительно просим не оставлять без ответа этот выпад и защитить ваших читателей, а также участников движения «Гражданское действие» — если не в суде, то хотя бы на страницах «Огонька».

**А. ЖИГАЛОВ,
майор
С. ОНИЩЕНКО,
капитан
Ленинск Кзыл-Ординской области**

Конечно, легче всего промолчать. Но как молчаливо терпеть, когда унижают, грязно, разнузданно, беспредельно.

Давно уже нашему журналу не приходилось сталкиваться с тем уровнем дискуссии, который предложили сегодня некоторые генералы, прорвавшиеся на страницы средств массовой информации, а порой и владеющие каким-то количеством этих страниц по службе. Ругань самого низкого пошиба стала для упомянутых военачальников делом привычным; будто казарменная юность весело щекочет им память, вызывая оттуда дискуссионные приемы на уровне приемов рукопашного боя.

Так научены.

Так оболгали нас в «Военно-историческом журнале» № 4, отождествив с предателями родины, напомнив о законах военного времени и действиях оных предателей во время войны. Через два номера в редакторско-генеральском сочинении нас оскорбили снова, и снова на уровне уже традиционно грязном. Собственно говоря, оскорбили не только нас; мне кажется, что оскорбили прежде всего армию, поддерживая тезис о том, что нечего ждать от людей с широким лампасом речей рассудительных и тактичных.

Впрочем, всякое бывало в истории.

Однажды, как сообщают чеховские биографы, писатель оказался гостем в доме, где его усадили рядом с генералом от артиллерии. «А, писатель,— изрек генерал,— так почитай нам чего-нибудь!»

«А вы, генерал,— ответил, согласно легенде, Чехов,— чего-нибудь нам выстрелите!..»

У каждого общественные функции очерчены четко. Иногда — до обидного. Все-таки не хочется верить, что все генералы таковы. Тем не менее, когда генерал, редактирующий «Военно-исторический журнал», начинает в его июньском номере излагать свои мысли в письменной, а не в канонадной форме, чувствуется, как ему непривычно. Генералу хочется стрелять. Он ничего не слыхивал о традициях русского офицерства, на которые журнал время от времени ссылается. Ему ничего не стоит оскорбить женщину, как он это сделает в последнем номере. И делает он это в духе самых худших казарменных традиций.

Век живи — век учись. Из этого следует, что таких генералов учить не вредно. Надо, если они хамеют до беспредельности, возвращать им ощущение, что, кроме огневой мощи, существует еще мощь законов.

«Огонек» подал в суд на руководимый генералом журнал.

Виталий КОРОТИЧ

■

Происшедший 23 мая на Съезде народных депутатов России инцидент вокруг красно-сине-белых российских флажков произвел удручающее впечатление. Парламентские корреспонденты писали, что эти флажки были с «царской символикой» и назвали их «монархическими знаками».

Такая некомпетентность огорчительна. В этом флаге даже Временное правительство в апреле 1917 года не усмотрело никаких династических царских признаков или монархических эмблем, поэтому предложило сохранить и почитать его.

Откуда взялись и что символизируют цвета этих флажков?

При Петре I эти цвета закрепились за флагами русского торгового флота. Позднее трехцветные флаги вывешивались в торжественных случаях — например, в Париже в честь побед русской армии в заграничном походе 1813 года.

Теперь о символике. Красный цвет издавна считался русским цветом, это подтверждается фольклором. Неспроста в русском языке слово «красный» имеет ряд синонимов и оттенков, выражающих красоту, торжественность, праздничность. Знамя Ивана Грозного в 1552 году было красным. Знамена ополчения Д. Пожарского — тоже. Красный цвет стал фоном в гербе Москвы.

Синий цвет тоже был популярен у русских, широко использовался в народном творчестве — гжельская посуда, знаменитая финифть. Чтился этот цвет и на Украине, где казаки окрашивали в него жупаны и верхи знаменитых шапок. Напомню, что синий цвет взят фоном для герба Киева, столицы «Малой России».

Белый цвет, любимый россиянами, олицетворял чистоту, святость и величественность. Он был почитаем русскими воинами: уходя на бой, они одевались в белое. Стены церквей русские белили — например, этнографически этот цвет больше всего почитался в «Белой России». Центром ее был Смоленск, в гербе которого фон — белый.

Таким образом, красный, белый и синий цвета — символ трех истоков России, они олицетворяют братство и единство ее народов.

А монархический флаг был черно-золотисто-белого цвета — черный двуглавый орел, золотой фон и белые ризы Георгия Победоносца. Такой флаг установлен Александром II в 1858 году. Красно-сине-белый флаг к нему отношения не имеет и является флагом не просто национальным, а флагом народов России, воистину демократическим, который должен вызывать чувство глубокого уважения у каждого, кто чтит свою историю, кто родился на нашей земле.

**Г. РАЖНЕВ
Смоленск**

■

Каждый раз, когда я хочу позвонить в Ленинград, приходится заказывать разговор и ждать порой по нескольку часов.

Насколько мне известно, перед Олимпиадой 1980 года Москва и Ленинград были подключены к международной линии автоматической телефонной связи.

В июле 1982 года связь в СССР отключили, а два года назад снова установили, но только с Москвой. Причем с самого начала связь была односторонней: отовсюду в мире можно позвонить в СССР по автомату, а из СССР опять же приходится заказывать, а потом ждать от нескольких часов до нескольких дней. Для того чтобы заказать разговор, людям часто приходится стоять в очереди.

Все больше советских граждан едет за границу — как туристы или на постоянное жительство. Необходимость в международной телефонной связи постоянно растет, а средства намеренно поддерживаются на допотопном уровне.

И дело не в уровне жизни. Такую телефонную связь имеют Лесото, Мадагаскар, Нигерия, Уганда, Замбия и другие государства примерно такого уровня развития.

Для того чтобы пользоваться факсами, модемами и прочими современными средствами коммуникации, необходимы современные автоматические линии связи. Можно сколько угодно говорить о компьютеризации СССР, но без подключения компьютеров к международным банкам данных и без проведения международных компьютерных конференций по модему (все это — опять же через автоматические линии связи) вряд ли можно далеко уйти.

Восстановить автоматическую телефонную связь не так уж и трудно. Так за чем же дело стало?

**И. В. КОРЧНОЙ
Лозанна, Швейцария**

■

В последнее время на страницах некоторых изданий все чаще появляются призывы проявить милосердие к Э. Хонеккеру, оказавшемуся не только без «личных валютных счетов в швейцарском банке, но и собственной квартиры» («Правда», 28.06.90, «Пропагандистский террор»).

Во-первых, определить, есть ли у того или иного лица счет в швейцарском банке или нет, насколько мне известно, практически невозможно — таких сведений швейцарские банки не дают. Но даже если это не так, или Э. Хонеккер действительно не имеет вкладов за границей, его счет, а также счет его супруги Маргот Хонеккер в банках ГДР составляет 300 000 марок ГДР. Это означает, что, будучи в пенсионном возрасте, супруги могут обменять эту сумму следующим образом: 12 000 — 1:1, и остальное — 2:1, что составит сумму в 156 000 немецких марок ФРГ. (Эти сведения со ссылкой на Генерального прокурора ГДР были опубликованы во «Франкфуртер альгемайне цайтунг», 09.06.90.) Конечно, 156 000 марок не такие уж большие деньги на Западе, но и их более чем достаточно для того, чтобы снимать квартиру из трех — пяти комнат (как известно, стоимость квартиры в ФРГ в среднем 1000—2000 марок в месяц).

В. Шунин, приславший в «Правду» письмо с предложением приютить Э. Хонеккера в Магнитогорске («Правда», 11.05.90), просто не в курсе финансовых дел бывшего руководителя ГДР. Да и в Магнитогорске, я думаю, нет лишних квартир, как и в СССР в целом.

**А. МЕЗЕНЕВ,
референт московского бюро
еженедельника «Ди Цайт», ФРГ**

Пробовали ли вы в последнее время занять деньги у знакомых?
Если да, то наверняка вам ответили отказом.
Все срочно что-нибудь покупают сами, причем покупки бывают, прямо скажем, непривычные для советского человека: то кастрюли какие-нибудь за несколько сотен, то столовые приборы за несколько тысяч.
«Скоро денежная реформа,— объяснят вам в ответ.— Чем деньгам пропадать, лучше купить что-нибудь ценное.
Что? Правительство обещало не проводить реформу? Но оно и цены клялось не повышать.
А вы слышали, что в Латвии со сберкнижек уже ни рубля не выдают? Не-ет, будет реформа, будет...»
Впрочем, боятся ее не все. Многие уверены, что честный человек придет к рыночной экономике, как говорится, без штанов. Так что деньги изъять можно только у жуликов.
Ну и Бог с ними, лишь бы избавиться от дефицита, от роста цен...
Все мы знаем теперь, какой огромной разрушительной силой обладают слухи.
Взвинчивая покупательскую истерию, они порождают смерч, сметающий с прилавков все, до последней нитки. Знаем также, что лишь честное и открытое обсуждение больных вопросов способно конкурировать с этим допотопным средством массовой информации.
Вот почему мы пригласили выступить на страницах «Огонька» ученых, специально занимавшихся денежной реформой.
Один из них — убежденный сторонник реформы, другой — не менее убежденный противник.
Мы же надеемся не только на то, что в этом споре родится некая истина, мы рассчитываем, что он поможет нашим читателям определить свое отношение к этой проблеме.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

КТО ПРИНЕСЕТ ЖЕРТВУ

Над нами повисли две угрозы, которые никакими способами нельзя отвратить: или резкое повышение цен — о нем, по сути, уже сказал в своем докладе на третьей сессии Верховного Совета СССР Н. Рыжков,— или денежная реформа. Финансы наши расстроены, внутренний долг государства, согласно некоторым оценкам, приблизился к рекордной отметке — 400 миллиардов рублей,— дефицит госбюджета — 120 миллиардов. И как следствие — галопирующая инфляция, разгром потребительского рынка.

Попытки вылечить болезнь полумерами, скажем, при помощи печально знаменитого налога на прирост зарплаты, дали лишь обратный результат — ускорилось падение производства. Похоже, не больший эффект даст и новая система налогов на население. Терапия уже не помогает, нам придется прибегнуть к хирургической операции. И весь вопрос лишь в том, что выбрать — реформу цен или реформу денег. Обе они способны пока что и поодиночке оздоровить обстановку, обе связаны с жертвами. Разница заключается лишь в субъекте жертвоприношения. Если повысим цены, жертву принесем все мы, живущие от зарплаты до зарплаты, считающие копейки в пенсиях. Решимся менять деньги — пострадают лишь те, кто за десятилетия застоя и годы перестройки сколотил капиталы, обворовывая казну, вымогая взятки, спекулируя на черном рынке. Мое глубокое убеждение — для нас предпочтительнее второй путь.

По масштабам теневой экономики мы занимаем одно из печальных первых мест в мире. Согласно оценкам академика О. Богомолова, доля нелегального бизнеса составляет в СССР около двадцати процентов валового национального продукта. Примерно такую же цифру называет и заместитель министра МВД СССР Н. Демидов, уточняя, что в нем занято около двадцати миллионов человек.

Теневая экономика годами развивалась по многим направлениям: прямые хищения на государственных предприятиях (только на железных дорогах ежегодно разворовывается на десять миллиардов рублей различной продукции), подпольное производство из похищенного сырья и оборудования, спекуляция товарами из фондов госторговли (все вместе — около 15 миллиардов рублей), наркобизнес (чистый доход — 10—12 миллиардов в год), самогоноварение (15 миллиардов). Даже годовой доход проституток приближается к миллиарду рублей.

Но на инфляцию больше всего влияют не заправилы черного бизнеса, а работа «серого» рынка. Самую большую путаницу в денежное обращение вносят приписки. В строительстве, например, они составляют 70 процентов объема выполненных работ, на автотранспорте — более ста. В добывающих отраслях приписываются 30—40 процентов рабочего времени и продукции, в лесном хозяйстве — 50. Заторы в каналах денежного обращения создают и безвозвратные банковские кредиты, и превращение безналичных банковских счетов предприятий в наличные деньги кооперативов. По свидетельству самих кооператоров, сложился даже теневой рынок обмена безналичных в наличные по курсу 1:3.

В целом же совокупное достояние нелегального бизнеса — движимое и недвижимое имущество, деньги, драгоценные металлы, произведения искусства и т. д.— по самым умеренным оценкам исчисляется суммой в пятьсот миллиардов! Годовой оборот теневой экономики — 150—170 миллиардов, а чистая выручка — 60 миллиардов. Если в оценке двух первых сумм мнения различных исследователей расходятся, то с последней согласны все, включая Госкомстат СССР и НИИ Прокуратуры СССР.

Но теневая экономика не только катализатор инфляции. Она та самая черная дыра, где исчезают горы импортных и отечественных товаров. В самом деле, если не на черный рынок, то куда же уплыли товары, так и не дошедшие до прилавка? Цифры свидетельствуют, что общий объем товаров и услуг сегодня не меньше, а больше доходов населения (включая и официальные данные о зарплате кооперативов). Значит, товары в магазинах должны прямо-таки лежать. Но, поскольку ничего подобного не происходит, можно сделать вывод, что есть таинственный покупатель, обладающий столь большой суммой денег, что способен перекупить львиную долю товаров, предназначенных для всех нас.

Нельзя забывать и о нарастающем политическом влиянии теневиков. После кровавых столкновений в Армении, Азербайджане, Фергане в печати не раз сообщалось, что финансовую поддержку экстремистам оказывают мафиозные и коррумпированные круги, в распоряжении которых находятся крупные капиталы.

Комментарии, как говорится, излишни. Объект, за счет и против которого нужно проводить денежную реформу, определен. Поэтому возьму на себя смелость кратко описать модель денежной реформы, предложенную рядом экономистов (в том числе и мной) и названную социальносправедливой.

Суть ее в том, что обмен старых денег на новые производится только в соотношении 1:1, но при следующих условиях. Он должен производиться не по числу вкладов, а по физическим вкладчикам. Каждый взрослый человек сможет без всяких объяснений поменять 10 тысяч рублей и получить соответствующую пометку в паспорте. (Именно эта сумма определена действующим законодательством. Финансовые операции в ее пределах не требуют предоставления декларации.) Деньги сверх 10 тысяч тоже будут меняться один к одному, но уже после заполнения декларации и ознакомления с финансовой и иной ответственностью за неверные сведения. Причем никаких оправдательных документов предъявлять не надо. Проверкой по своим каналам займутся правоохранительные органы и вновь создаваемая налоговая инспекция.

По нашему мнению, денежную реформу нужно дополнить прогрессивным налогом на наследство и ежегодным заполнением деклараций о доходах, размерах имущества. Это позволит точно знать, кто имеет трудовые (пусть и огромные) доходы, а кто паразитирует на государстве.

Социальная справедливость нашей модели в том, что при такой процедуре ни один честно заработанный рубль не может пострадать.

Во сколько же нам обойдется реформа? Некоторые экономисты пугают: в 20 миллиардов рублей. Специалисты Госбанка СССР называют 3—5 миллиардов. Но эксперты считают и эту сумму завышенной, потому что реформа ведь будет проходить на нынешней материальной базе — в отделениях банков, кассах предприятий.

Если бы правительство решилось провести реформу два года назад, то сумма выведенных из обращения денег превысила бы нынешний дефицит госбюджета. Но и сейчас еще не поздно. Мы можем рассчитывать примерно на сто миллиардов рублей. В любом случае эффект от реформы многократно превысит расходы на нее.

На втором Съезде народных депутатов СССР Н. Рыжков сказал, что правительство рассмотрело и отклонило предложения о денежной реформе конфискационного типа. Это же неоднократно утверждал и Л. Абалкин. Но заметим, нигде не прозвучало ни одного принципиального возражения против модели, которую мы предлагаем. Более того. Мне часто приходится бывать в трудовых коллективах, приходилось и разъяснять нашу модель реформы. И практически ни у кого — ни у рабочих, ни у инженеров, ни у управленцев — она не вызвала возражений.

Не понравится она лишь взяточникам, спекулянтам, кооператорам, связанным с теневиками. А также опреде-

ленной категории коррумпированных работников аппарата, накопивших деньги криминальным путем, но еще не пустившихся в теневой бизнес. Они ждут своего часа, ждут, когда наступит время свободного предпринимательства. Таким людям нужна совсем другая реформа — распродажа земель, природных ресурсов в частную собственность, аукционы драгоценностей, магазинов, гостиниц, предприятий... И очень странно в их хоре различать голос профессора П. Бунича, который утверждает, что конфисковать деньги теневиков невозможно,— они, мол, давно перевели их в недвижимость и нетленные ценности. Разве не знает уважаемый профессор, что на нашем скудном рынке перевести сколько-нибудь значительные суммы в ликвидную форму невозможно было ни год назад, ни теперь? Да и не нужно это было делать — теневикам постоянно требуются крупные суммы в наличных, и эти суммы у них есть. Странно было и наблюдать, как с трибуны первого Съезда народных депутатов СССР Н. Шмелев сравнивал денежную реформу с происками ЦРУ.

Оба этих крупных ученых просто не могут не знать, что денежная реформа почти всегда — спутница радикальных экономических преобразований, особенно в условиях сильного расстройства финансов. После второй мировой войны к ней прибегли почти все страны Европы и Япония. Нэп сопровождался реформой 1922—1924 годов. И даже реформа 1947 года дала исключительные положительные результаты: финансы стабилизовались, исчез дефицит госбюджета, не возобновлялась эмиссия. Если казна была пуста, то министр финансов отказывал в выделении денег самому Сталину! О росте покупательной способности рубля свидетельствовало снижение цен не только в госторговле, но и на колхозном рынке. И, хотя это была конфискационная реформа жесткого типа (старые деньги обменивались на новые по курсу 10:1; вклады в сберкассах от трех до десяти тысяч — 3:2; свыше десяти тысяч — 2:1; облигации госзаймов — 3:1), интересы большинства населения не пострадали. Солдаты, вернувшиеся с фронта, труженики тыла сбережений не имели. Удар пришелся по спекулянтам и мародерам, нажившимся на народном горе.

Сейчас, однако, о конфискации не может быть и речи. Неизвестно, кем и для чего распространяются подобные слухи, ясно лишь, что они основательно напугали теневиков, которые теперь судорожно ищут (и находят) каналы для легализации своих доходов — через фиктивные кооперативы, совместные предприятия, казино...

И если мы сейчас согласимся с предложениями правительства, совершим глобальный переворот в экономике, не проведя денежной реформы, нам придется реабилитировать дельцов подпольного бизнеса. И что самое страшное — толкнуть народное хозяйство не к регулируемому, а к дикому рынку колумбийского типа. Специфика этого рынка заключается в том, что торговля там происходит не по законам экономики, а под давлением рэкетиров и боевиков. Соответственно и цены диктует отнюдь не свободная конкуренция.

Без помощи денежной реформы мы никогда не подорвем мощь мафии. Ведь усилия сотен и тысяч следователей помогают вернуть государству лишь сотую часть награбленного. И, пока у мафии есть деньги, нерушима ее связь с коррумпированными чиновниками. А именно эта «дружба» — главный тормоз всем крупным экономическим преобразованиям как на местах, так и в центре.

Без денежной реформы мы не сможем и прочно ослабить инфляцию, преодолеть дефицит бюджета и, конечно, не сумеем поставить всех в равные условия перед надвигающимся рынком.

Но отстаивая идею реформы, я, разумеется, ни на минуту не забываю, что она даст долговременные результаты лишь в комплексе регуляторов и механизмов рыночной экономики, контуры которых уже предложило правительство и теперь обсуждают депутаты. Свое слово должен сказать и народ.

Кайсын ХУБИЕВ,
доцент МГУ,
кандидат экономических наук

В ПЛЕНУ СТАРЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Нельзя не признать, что предложения о денежной реформе возникли не на пустом месте. Объем товаров и услуг падает, а доходы населения растут, производство сокращается, а банковские счета предприятий увеличиваются. Товаров нет, денег много. И сам собой напрашивается вывод: значит, деньги лишние. Если их изъять — упадет покупательский спрос, исчезнет дефицит, экономика, наконец, начнет нормально развиваться. Но так ли это?

Прежде всего зададимся вопросом: а сколько нужно изъять денег, чтобы достичь желанного равновесия спроса и предложения? За последнее время стало модным определять размер неудовлетворенного спроса в астрономических цифрах, возникло даже нечто вроде состязания — кто назовет большую. Многие экономисты сходятся на сумме в 250 миллиардов. Методики расчета не приводятся, скорее всего они различны, но в любом случае меньше, чем из-за 250—300 миллиардов рублей не стоит затевать подобную реформу, иначе все равно не сбалансируешь рынок. А теперь посмотрим, есть ли у нас возможности собрать столько денег.

Допустим, сто миллиардов удастся конфисковать из той суммы, что находится на руках у населения (реально, правда, это почти неосуществимо). Тогда еще двести миллиардов рублей выпадает на долю вкладов в сбербанках.

По опубликованным данным, вклады более пяти тысяч рублей составляют тридцать пять процентов сбережений — это примерно сто миллиардов рублей. Если их изъять, то до контрольной цифры все равно недостает около ста миллиардов. Волей-неволей придется обратить свои взгляды на вклады размером менее пяти тысяч рублей, то есть на основной массив счетов в сбербанке. Чтобы набрать искомые миллиарды, придется полностью изъять деньги со всех видов вкладов, превышающих две с половиной тысячи рублей! Надо ли объяснять, что подобная дискриминационная акция бьет по самой активной и не такой уж состоятельной части населения? А если пойти по более справедливому пути — изымать не целиком вклады, а только определенный процент от них,— тогда владельцам крупных вкладов, конечно, останется коекакая сумма денег, но зато удар придется по вкладам ниже двух с половиной тысяч рублей! Эта мера вызовет просто социальный взрыв.

Ситуация тупиковая. Видимо, самое большее, на что может рассчитывать денежная реформа,— двести миллиардов рублей. Но тогда она не даст нам сбалансированного рынка. Ведь доходы населения только за прошлый год увеличились почти на 64 миллиарда рублей, а в нынешнем году темп роста усилится. Выходит, через два года нужно будет проводить новую реформу? Разумно ли это? Ведь она стоит немалых денег, и выигрыш от нее меньше изъятой суммы. Да и где в конце концов набраться терпения, чтобы выдержать столь частые конфискации?

Но в полемике выяснилось, что у сторонников денежной реформы имеется сверхзадача — достичь социальной справедливости. Их главный козырь — сотни миллиардов рублей, которыми якобы распоряжается теневая экономика. Подробные расчеты можно найти в пятом номере за этот год журнала «Экономические науки». Профессиональному финансисту сразу же бросается в глаза их тенденциозность, желание попугать публику. Вот авторы — А. Шулус и А. Сергеев — рассчитали, например, валовой доход теневой экономики. Минимум — 60 миллиардов, максимум — 170. Произведя подсчет с более точными и достоверными данными, я обнаружил, что вместо 60 миллиардов у меня получается чуть ли не отрицательная величина, а вместо 170 — 50. Но и мой результат вовсе не истинная сумма теневого оборота. Просто он показывает: и методика авторов, и их счет некорректны.

Никто не сомневается, что в нашей жизни есть взяточники, спекулянты, дельцы наркобизнеса. Но не трудно убедиться, что из всех мер борьбы с ними денежная реформа не самая подходящая. В нынешней обстановке вообще трудно определить, где та грань, которая отделяет предприимчивого руководителя от махинатора, делового человека от дельца. Кого, например, мы подчас записываем в воротилы теневой экономики? Кооператоров, имеющих, на наш взгляд, слишком большие доходы? Но эти люди, равно как и некоторые научные работники, ухитрившиеся заработать в виде премий до девяноста окладов в год, получили свои деньги при соблюдении действующих законов. Доказать, что они подлежат изъятию у какого-то конкретного владельца, невозможно. Были приняты неудачные решения, их надо исправлять, а не принимать взамен еще худшие.

Другой аргумент, с которым, кажется, согласны все специалисты,— дельцы теневой экономики не хранят свои капиталы в сбербанке. Оборотные деньги изъять у них также невозможно — они всегда найдут подставных лиц. Наивны и надежды на заполнение деклараций — подобный опыт уже есть, когда мы ввели аналогичный порядок при покупке дорогих вещей. Фактически полученные сведения не поддаются проверке или же проверка стоит дороже вещи, ради которой она проводится. Заметим, в скобках, что с экономической преступностью надо бороться совсем другими методами, экономическими. Ведь пока что сама наша система управления хозяйством зачастую способствует экономической преступности — отсутствие цен, обеспечивающих равновесие спроса и предложения, небывалая монополизация производства, сбыта, торговли. Никакая денежная реформа не решит этих проблем.

Но раз доходы нелегальщиков сколько-нибудь существенно затронуть не удастся, значит, основная тяжесть денежной реформы ляжет на плечи честных тружеников. И тут уже вовсе не реальными выглядят предложения некоторых экономистов менять деньги один к одному в пределах десяти тысяч и даже сверх того, если декларация будет заполнена убедительно. Конфискации не избежать, и коснется она, повторюсь, многочисленной армии вкладчиков, а иначе не собрать нужной суммы.

Часто сторонники денежной реформы ссылаются на удачные примеры послевоенной Европы, на нашу богатую историю. Отвечу: успех денежной реформы 1922—1924 годов объясняется не просто введением золотого червонца, а переходом к нэпу, резким сокращением армии, устранением бюджетного дефицита. Кроме того — одна из главных предпосылок успеха,— в двадцатых годах у населения еще сохранились навыки работы в рыночной экономике. Нэп был новой экономической политикой только для большевиков. Основная же масса людей восприняла ее как возврат к старому, хорошо известному порядку. Вот почему быстро выросли объемы производства, обороты торговли. На этом подъеме и вознесся червонец к вершине своего недолгого успеха.

Сейчас обстановка иная — всеобщая неприязнь к рыночным отношениям, полное отсутствие финансовой грамоты. Банковские служащие не знают, что такое вексель и как с ним обращаться, предприятия путают акции и облигации. Повторить нэп — ни в целом, ни в частностях — сейчас мы уже не сможем.

Неожиданно воскрес и еще один миф — о реформе 1947 года. Мол, удалось тогда и сбалансировать рынок, и отменить карточки, и не навредить населению. Это иллюзия. На самом деле после реформы на руках у населения денег осталось почти в пять раз меньше, вклады в сберкассах сократились почти в четыре раза. (Если с такими мерками подойти к нынешним условиям, то надо изымать 350 миллиардов рублей!) Проиграли даже те, кто не скопил и копейки. Ведь одновременно с денежной реформой происходила реформа цен — государственные цены выросли в три с половиной раза. Правда, они все-таки были ниже, чем цены коммерческой торговли. Но коммерческие магазины работали в крупных городах, так что большинства людей их цены раньше не касались. И для них реформа оказалась просто повышением цен. Таким крупным, что за все семь последующих снижений довоенного уровня так и не удалось достичь.

Еще одна из характерных черт реформы 1947 года — все тяготы ее легли на плечи населения. Государство и хозяйство ничем не поступились. Но если сегодня пойти таким путем, то сперва нужно позаботиться о соответствующих политических предпосылках.

Были ли вообще в мире удачные денежные реформы, которые не ограбили население и помогли вылечить больные финансы? Обычно в качестве примера приводят денежную реформу ФРГ, которая стала началом немецкого экономического чуда. Но, во-первых, эта реформа (довольно длительная во времени) стала лишь звеном в цепи восстановления рыночного хозяйства. Прежде всего по американскому образцу ФРГ изменила банковскую систему (она стала двухуровневой), разукрупнила гигантские концерны, ввела новую налоговую систему. Затем пересчеты старых денег в ходе реформы велись по высоким и очень разнообразным коэффициентам. Для наличных — одни, для денег во вкладах — другие, для акций — третьи. Жертвы населения все равно оказались значительными, но потери в равной мере понесли и банки, и предприятия, и государство. Однако общая сумма потерь была столь велика, что решиться на подобную реформу могла только военная администрация держав-победительниц, которой пришлось оказать Германии и значительную помощь, прежде всего в виде поставок по «плану Маршалла». Но главное отличие наших ситуаций в том, что в ФРГ происходил переход от одной стадии рынка к другой, более высокой, а в СССР предполагается переход от нерынка к первичным рыночным отношениям.

Конфискационная реформа во всем мире считается крайней, исключительной мерой, на которую государства решались только после разрушительных войн. В мирное время ее избегают. Доказательство тому — нынешние ситуации в некоторых капиталистических странах. Как бы ни был высок темп инфляции в Латинской Америке, как ни быстро росли цены в Греции, Италии, Аргентине — ни в одной из этих стран не проводилось таких денежных реформ. Даже у наших соседей, стран Восточной Европы, которые решают сходные с нами задачи и переживают похожие трудности, избран совершенно иной способ лечения денежного обращения. Это контроль за ростом доходов, развязывание хозяйственной инициативы за счет преобразований собственности, свободное ценообразование и антимонопольные меры.

А мы снова хотим идти «другим» путем, не считаясь, что наш народ пережил реформу 1922—1924 года, обмен денег в 1935—1937 годах, конфискацию в 1947-м и деноминизацию в 1961-м. Не многовато ли экспериментов как для людей, так и для рубля?

Еще причина, почему нам ни в коем случае нельзя идти на подобную меру, заключается в парадоксальной ситуации. С одной стороны, в нашей стране

сейчас много денег, а с другой — страшно мало. Если взять все деньги, имеющиеся в нашей стране, наличные и безналичные, и соотнести их с величиной национального валового продукта, то это соотношение окажется значительно ниже, чем в странах с развитой экономикой. У нас, условно говоря, оно выглядит как 1:1, а в США, скажем, 1:1,5; 1:2. В нормальной рыночной экономике сбалансированность спроса и предложения прекрасно уживается с большими денежными накоплениями. Потому что возникает совсем иная структура потребностей. Повседневный спрос там уже давно удовлетворен. Наоборот, люди стремятся вкладывать деньги в дело, хранить их в банке и таким образом богатеть. Все деньги находят эффективное применение, они стимулируют развитие производства. Мы же каждый рубль доходов, полученный сверх наличной массы продукции, объявляем излишним, потому что, кроме как в товары, нам некуда его вкладывать. А ведь деньги нам нужны для разгосударствления собственности, создания акционерных обществ, рынка ценных бумаг, выкупа государственного имущества, строительства новых предприятий. Но их нет, и поэтому в том числе переход к рыночным отношениям у нас сильно затруднен.

Если мы в условиях громадного дефицита капитала пойдем на конфискацию сбережений, мы просто срубим сук, на котором сидим. Ведь вклады в сбербанке и наличные на руках — главный источник наших кредитных ресурсов. Не будет их — банки не смогут выдавать предприятиям обычные ссуды, начнется дезорганизация хозяйственных связей. Сокращение вкладов волей-неволей придется компенсировать дополнительной эмиссией, и весьма значительной, что поведет к обесцениванию денег. Если же наложить это на трудности, которые всем нам предстоит пережить при переходе к рыночным отношениям, то легко догадаться, к каким социальным последствиям приведет эта реформа.

Где же выход? Какие средства есть в нашем распоряжении для того, чтобы нормализовать денежное обращение? Сократить бюджетный дефицит, регулировать налогообложение, создать рынок труда и, наконец, изменить цены и ценообразование. Кстати говоря, последняя мера значительно лучше решает проблему сбалансированности товарного рынка, чем денежная. А уж совмещать их и вовсе не следует. Реформа цен — само по себе очень сильное средство, зачем еще усиливать нажим на население с другой стороны?

В общем движении к равновесию на рынке, возможно, и придется вводить некоторые ограничения на использование сбережений. Например, установить предельную сумму, которую можно снять с вклада в сбербанке, обязательными могут стать безналичные перечисления. Но это временные ограничения, ничего общего не имеющие с конфискацией.

Да, деньги играют известную самостоятельную роль в развитии производства. Но все же они не столько регулируют экономику, сколько сами регулируются ею. И нельзя тешить себя иллюзиями, что, уменьшив их количество, мы коренным образом изменим экономические отношения. Последствия будут, но самые негативные. Пострадают не махинаторы, упадет трудовая активность практически всех людей, создастся самая неблагоприятная обстановка для дальнейших перемен в организации производства.

В политическом же плане денежная реформа весьма напоминает известные в нашей истории методы решения социальных проблем — продразверстку, раскулачивание. Стоит ли сегодня будить подобные воспоминания?

Станислав ЛУШИН,
директор научно-исследовательского института финансов Минфина СССР, доктор экономических наук

ЗАПОЛНЯЯ АНКЕТУ

Думаю, что подавляющее большинство читателей не имеют никакого представления о том, что это такое — советская немецкая литература... Между тем она восходит своими истоками к Октябрьской революции. Среди зачинателей ее на заре становления Страны Советов были сатирики Франц Бах и Александр Вульф, а также писатель, общественный деятель и «красный комиссар» Георг Люфт... До недавнего времени публикации произведений советских немецких авторов на русском языке носили характер случайный. На родном языке немецкие писатели худо-бедно печатались (сейчас печатаются активнее) в основном в сборниках, выпускаемых издательствами «Радуга» (Москва), «Казахстан» (Алма-Ата), на страницах газет «Нойес Лебен», «Фройндшафт», «Роте фанэ» (соответственно Москва, Алма-Ата, Славгород)... Предлагаемая подборка знакомит читателей со стихами некоторых поэтов этого чуть ли не двухмиллионного народа нашей страны.

ПЕРЕВОДЧИК

Роберт ВЕБЕР

ЗАПОЛНЯЯ АНКЕТУ

**Говорят,
что греки — красивы,
армяне — весьма остроумны,
музыкальный народ — итальянцы,
арабы — мудры,
щедростью русские славны,
немцы — прилежны,
к романтике склонны цыгане,
усердны евреи,
темперамент живет в испанцах,
китайцы — воздержанны,
выносливы негры,
грузины — гостеприимны...**

**Будут наши потомки
щедры,
остроумны,
мудры,
музыкальны,
красивы,
романтичны,
прилежны,
усердны,
выносливы,
темпераментны,
воздержанны,
гостеприимны.
И, заполняя анкету,
на вопрос отвечая:
«Национальность»,—
они будут писать:
«Человек».**

**Скоро ли будет это,
и — нужна ли потомкам анкета?..**

МОРОЗЫ 1945-го

**Отцы
атакуют вражеские позиции.
Дети отцов
пританцовывают.
Отцы добивают врага,
и, похоже,
по этой причине
дети отцов
похлопывают в ладоши.
Под зимним небом,
синие от мороза,
стоят дети за хлебом:
в ладоши хлопают,
пританцовывают...
В дыры валенок их и варежек
понадуло
победного орудийного гула.**

УЗОРЫ

**От холода подвывает
пес на дворе.
В окна метель стучится.
Сидят женщины —
ткут, вышивают,
играют в их пальцах
иголки, спицы.
Мороз крепчает,
рисует на стеклах
узоры чистые.
Зима в России —
что нить веретенная:
длинна, пушиста.
Мастерица устанет,
вязанье оставит,
щеку подопрет рукой...
Глядит в синь окна,
и в глазах ее —
тихий покой.**

**...Помнится, на базаре
один иностранец,
на ковры бросая
удивленные взоры,
пытал переводчика:
«И откуда у вас
такие очаровательные узоры?..»**

Фридрих БОЛЬГЕР

* * *

**«Глянь — ласточка поет!..
И все ей трын-трава!..»
Злословная округа говорила.
А ласточка рыдает:
злая пацанва
гнездо ее бездумно разорила...
О ласточка! Будь мудрой —
только и всего.
Свою печаль
чужим нести не стоит:
в округе никому
нет дела до того,
чтоб новое гнездо тебе построить...**

Виктор ГЕЙНЦ

* * *

**Дом сносят...
Напрочь!
Только пыль клубится.
Деревья здесь росли,
здесь пели птицы —
давным-давно...
Медлительно вокруг него ступаю:
с пронзительностью боли
понимаю —
уходит мое детское кино...**

**Дом сносят...
Впору
лбом об стенку биться.
А тем, кто съехал,
впору веселиться.
Давным-давно
жила одна девчонка в доме этом,
по вечерам мерцало тихим светом
ее незамутненное окно...**

**Дом сносят...
Напрочь!
Только пыль клубится.
Здесь — моя юность,
ей не возвратиться.
Но, как в кино,
на этом месте вырастет громада
многоэтажья...
Видно, так уж надо.
Так быть должно...**

Роза ПФЛЮГ

* * *

**Двери на замок закрыты,
окна наглухо закрыты,
даже форточки закрыты —
крепко заперто жилье.
Но
является без стука
(как всегда)
моя подруга,
надоевшая подруга —
одиночество мое...**

Ванделин МАНГОЛЬД

ГРОМКОГОВОРИТЕЛЬ

**Высоко на столбе
громкоговоритель висит,
огромный!
Далеко
разносится голос его,
и нету в том
удивительного ничего:
он не может говорить тихо —
только громко
о самом обыкновенном
и даже
о сокровенном.**

Авторизованные переводы с немецкого Бориса ПЧЕЛИНЦЕВА

ЭТО НЕВЫНОСИМО СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ

Александр ТЕРЕХОВ

Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

ОНИ. И вот один дед попал сюда из общего интерната для престарелых. Живет, гуляет, питается в столовой и вдруг приметил знакомое лицо: вроде узнает товарища, с которым басмачей гонял и который его, раненного, помирать в пустыне бросил и умотал. Дед к нему подкрался и прямо в лоб: «Ну говори, ты или не ты?!» Тот засмущался, говорит: «Ты погодь, погодь, вот я сейчас за бутылкой сгоняю, мы тогда и поговорим, и выясним». Побежал за коньяком — его инфаркт и догнал по дороге, и все. А тот дед развыступался: «Не буду я тут лежать, коли у вас тут таких держат!» И уехал обратно. В свой общий интернат.

РАДИО. «Как обычно в этот день в нашем доме ветеранов партии вышел в свет третий номер стенной газеты «Ленин всегда с нами». По традиции в левом верхнем углу портрет В. И. Ленина. Далее отрывок из работы «Что делать?». Пришла весна-красна, и обитатели нашего дома тоже зашевелились, они выходят на природу».

ОН. «Ну, ну, да — это я Татьяна Васильевна, санитарка. Самые тяжелые — мои. Я ему — ложку в миску, хлеб — в левую руку, жуй. А он ведь не понимает: день — ночь. Лежит — радио крутит. Или чудит: «Татьяна Васильевна, я не обедал». Как не обедал — я тебя с ложки кормила! Или зовет: заблудился, ходит по комнате, а кровати нету. Самый первый день дежурила, приходит: «Мне укол утром делали, а иголку забыли». Старики! 87 лет — средний возраст. Рекордсмен к сотне тянет, грозится сто пятьдесят одолеть. Жить можно — комнаты отдельные, телевизоры, телефоны и кормежка — сейчас, правда, хуже, спецбазы закрывают, вот и икры поменьше стало... Трудный народ. И разный. Одна член Шведской компартии — Эмма, как ее... Генриховна! Если начинают скандалить: я — секретарь обкома, а я — директор завода, а у меня пенсия больше! А мне все равно: Госплан ты или генерал. Но раньше покруче был народ: в столовую ходили продукты взвешивать, на подсобном хозяйстве распоряжались — как управиться, а сейчас все больше: на какой программе телевизор смотреть. Или обижаются на глухого, что радио орет. Или ателье плохо платье пошило, или каша ему не нравится. А каша-то нормальная, все же кушают.

Ох, ему же соврали: «Подлечишься, отдохнешь — и домой». И начинается: «Доктор, когда я поеду домой?» А какое домой — жилье сдали давно. И вот лежит он ночью: один на один со своей судьбой.

Во, опять звонит, ох, дождется он у меня...»

ОТКРЫТКА 7 НОЯБРЯ. «Будем надеяться, что взбаламученный мир успокоится, пройдет очернительство тех идеалов, которыми мы жили, и справедливость восторжествует, и мы придем в светлое будущее».

ЗАПОРОЖЕЦ П. К. ПОЛКОВНИК. «Про Николая II пишете, а он палач! палач! А ленский расстрел? А Кровавое воскресенье?! Все наши вероятные противники считали: прежде всего — разложить изнутри. Вы выполняете заказ Людендорфа! Я два раза перечитал сочинения Карла Маркса и Энгельса — я понял диалектику. А послушаешь этого, по телевизору,— это же балдей! Болванство допускается, наши экономисты обалдуи! Они не знают диалектики! А по телевизору — эти трясуны с гитарами?! Вот так вот, вот так вот! А я на шахте работал, я сто рублей получал, и за эти деньги мог купить лакированные туфли «Скороход» — вы таких не купите нигде! И пиджак за двенадцать рублей! Я войну начал командиром полка. Когда докладывал под Сталинградом, у Рокоссовского румянец играл, как у девушки. Ста грамм водки за жизнь не выпил. Ты мне дай сорок бутылок коньяка — все разобью, ни одной не выпью, а попробуй мою руку, ну как? Вот, товарищ Перекоп штурмовал и каждый год в Фонд мира пятьсот! И я каждый год пятьсот! А есть такие, что один рубль, а сыну тысячу! Он же пропьет! Я своим детям — никогда! Сами работайте! Мы знаем, когда стране плохо, надо подставить плечо!»

ДЕНЬ. Душным пахнет трава на нагретых местах, высокие колени сосен в рыжем пушке, и легкий скрежет отставшей коры, и жаркий рюкзак солнца на спине, и ветер гонит мальчишку на велосипеде — тот бороздит лужу, взметнув серебряные вожжицы брызг, и ветер наполнен слабым скрипом инвалидных колясок, и ветер гнет цветы на крохотных огородиках под корпусами и неумолимым казенным железом кашляет в близкой колокольне, и прыгает сорока, приносящая вести, по огромным серпу и молоту, выложенным кирпичами на газоне, но это не беда, если закрыть глаза, то ветер возьмет тебя в легкое, быстрое, теплое, тесное, где нет места колумбарию Востряковского кладбища и последней, последней стене...

СОН. «Вот ты не обижайся — а жили мы веселей. Стукнут в окошко: «Надька, ты дома? Мы к тебе!» Отварим картошечки, кислая капуста и чай. Песни пели. Засидимся в райкоме, десять парней сидят: «Надька, мы тебя идем провожать». Ни один парень не обидел. Ни словом, ни чем, никаких гнусных предложений. Это было невозможно! Все, что у меня тогда было, я готова была отдать, поделиться. Хоть

и был 37-й год, приходила на работу и замирала: кого еще? И потом, когда ленинградское дело — ко мне пришла старая большевичка с шестнадцатого года, у нее билет был на процесс, и говорит: «Надя, ты представляешь, Капустин сам во всем сознался!» Мы не знали про этот театр.

А теперь мы в дурацком положении».

МАЛЧЕНКО А. Л. «Скучно, скучно — у многих ведь нет ничего за душой, кроме стажа, работали, руководили, а культуры нет. Соберутся говорить и только о болезнях, как спал, как мочился, завидуют тому, кто здоровей. Я говорю: «Что все о болезнях? Давайте о любви!»

Я 35 лет на партийной работе, я ни разу на работу не устраивался — меня направляли. Здесь лучше всего... Там девятый этаж — как меня хоронить понесут с девятого? Смеетесь, да? Но я хочу вам сказать — я всегда очень верил в светлое будущее. Я и сейчас верю. А вы?»

ОНИ. Сейчас их 260. Две трети женщины. Активных — половина. Когда они «поступают», они рассказывают свою биографию всей парторганизации. Шутят: «Для некролога». Оптимисты поступают доживать, пессимисты — умирать. Довольно легко воспринимают смерть детей. Врачи переживают больше, прежде чем сказать.

Их трудности — все лидеры, генералы — все, а солдат не хватает. Кем командовать? Политкаторжане, вымершие четверть века назад, жили дружно, весело. Нынешние грызутся.

Не утихает мучительная борьба за лидерство в партбюро. Отчетно-выборные собрания идут два дня. Вплоть до инсультов. Директора выживают недолго. Администрация лишь в этом году осмелилась не отчитываться парторганизации проживающих, намекнув, что коммунистам пора сосредоточиться на идеологических вопросах.

Внимательно учитывается, кто сколько не пожалел в Фонд мира. Один дал 10 000. Кто совсем мало, на собрании могут притянуть к ответу. Памятник Ленину отгрохали на свои кровные. Пишут письма в Кремль.

Скончался ветеран партии. Осталась супруга. Не ветеран. Общественность, требованиями выселить доводившая женщину до рыданий, успокоилась лишь после перевода ее в худший корпус. Бывают жестокие споры: у кого весомей стаж. Предмет гордости — до Октября. Один ветеран обвинил другого в раздувании заслуг. Дело о клевете решили слушать на партбюро. Врачи запретили категорически.

Но старость революционера мудра — она собрала их вместе. Последняя шеренга ленинской гвардии сумела дожить до конца похода, и на ее несчастные, седые головы пал жестокий, неукротимо осветивший все вокруг пламень этого невыносимого светлого будущего, когда стало больно смотреть по сторонам, увидев разом все. Они собрались еще раз перед последними вратами, узнавая друг друга как однокашников по Промакадемии, Институту красной профессуры, Университету имени Зиновьева, они — как листья, терпевшие под снегом, дождались весны, чтобы прильнуть на помощь к корням любимого дерева, им не хочется видеть, что остался лишь пень, они хотят не замечать этого, дожить в цельности — они уже отдали жизнь, им нечем оплатить перемены, ну зачем им перерасчет?

И мне страшно знать, кто садится на стул у их кровати и шепчет, когда ночь путается своими космами в чернеющих кронах, и человек начинает слышать свое неутешительное тело, и жизнь чувствуется, как сосулька в горячей руке, и не поймешь: есть ли еще она или уже просто — мокрая, чуть немеющая рука — и сжимаешь, сжимаешь, пытаясь удержать, ухватить, остаться...

СОН. «Летом 18-го года я пришел в партизанский отряд Некрича — это известная партийная персона. Мне не нравился тогдашний строй на Украине — то петлюровцы, то немцы, то деникинцы — и все резали евреев. А я — еврей. Я хотел избавить от этого Украину, а люди приходили из Москвы, хвалили ту власть...

Получил два ранения: правое плечо прострелили насквозь и саблей разрубили бок. Белогвардеец ударил саблей через шинель, а уже в госпитале я подхватил тиф... Раны — это не бумажные справки, это — документ.

Шесть лет помощником Кирова был, тут еще один говорит, что был помощником, не верьте — я.

Ну, а в 36-м меня посадили за контрреволюционную агитацию на пять лет. Получилось не пять, девять — на шахте в Воркуте. Ошибка? Что? Ну не такой уж я дурак. Взяли всех без исключения, кто работал с Кировым. Исключение, что я выжил. Вышел на полгода и опять взяли, на семь лет в Красноярский край, село Долгий мост. Пилил лес.

Киров был человеком ленинского склада. Мы приехали в Москву на Политбюро перед 1 Мая. В пятницу он позвонил мне в гостиницу «Националь» и спросил: вы хотите в Москве остаться на праздники или домой, к жене? Я ответил: вообще-то к жене, да билетов где уж взять. Он решил: поедете со мной. В двухместном купе интернационального вагона! Поговорили час о деле. Так, говорит он, а он меня на десять лет старше был, так, где вам удобней спать: вверху или внизу? Это он мне говорит: вверху или внизу? Вот такой человек был Киров».

ЛЮБОВЬ. Главврач сказал: «Я поощряю дружбу между лицами разного пола».

Люди сходятся, тяжко — вдруг бред ревности или характеры не сошлись. Просят иногда: поселите вместе, без брака. Врачи: «Это безнравственно». Жаль, пили бы чай, говорили, вместо того чтобы дергать звонок. Персонал частично осуждает, но любит подсматривать: как там у «молодых» выходит?

А иногда сбывается, хорошие семьи рождаются, случается, спускается солнце под тяжелые камни, и находится глоток воздуха, которым можно еще задохнуться, и ухватывает тебя на прощание неотвратимый водоворот первого взгляда, первого слова, первого прикосновения...

Привезли женщину на лето. Дети захотели ее подлечить, пока они в отпуске отдохнут. И они встретились. Чай пили вместе, если в кино, то рядом, в театр, он цветы ей носил. Убежало лето, приехали дети: пора домой. А женщина говорит: «Нет. Нет, я не поеду. Это моя последняя любовь. Вы понимаете? Как я могу ее оставить?» И дети отступились.

Они прожили год. Ну и через год ее не стало, случаются, конечно, смерти, как сказал главврач...

А товарищ этот, ну который последняя любовь и все такое, у него потом другая была какая-то, а потом у него была еще острая непроходимость кишечника, а потом у него была опухоль, и погиб, короче...

И что вам еще сказать?

СТАРКОВ В. В. Его возят на собрания, к нему заходит партгрупорг и делает устную информацию, он двигается по комнате, опираясь на стул перед собой, нависнув над ним, как над тяжелой тачкой, он толкает стул вперед и подтягивает вслед свое рыхлое, полунедвижное тело. На нем мятая голубая рубаха, он держит голову боком, ухом ко мне.

— Трудился... Работал... Восстанавливал... Активно участвовал... В комсомоле с 1924-го, в партии с 1929-го. А? Все, все время было счастливым. А что мне будущее? Будущее — это когда работаешь, пользу можешь приносить.

И вдруг он не слышит меня, бросает двигать свой стул и нависает над мной, весь запнувшись разбухшим горловым комком:

— Яа... Вот я-а... одного понять не могу. Как жена моя умерла?

Он судорожно стискивает зубы, задрожав щеками, из него подраненной птицей рвется легкий стон, оперенный серым хрипом:

— Так. Хорошо. Жили. Пятьдесят лет!

Он объясняет мне, сжимая ватными ладонями спинку стула, обернутого тряпицей:

— Она была активная комсомолка.— И, как налетев с размаху на проволоку грудью, он замирает пошатнувшись и перестает наконец-то видеть меня, и глаза видят что-то над головой, будто он разгибается, и наливаются силой мертвые клетки.— Вот только во сне,— говорит он протяжно и дышит в перерывe.— Вот, появляется как-то... Но только мелькает, быстро... И уходит сразу. Вот куда? — Он отрешенно молчит и выдыхает.— Неизвестно-о!

У него три фотографии. Внук с невестой плюс белые розы. Жена с внуком, под елкой. Жена одна в саду. Улыбается.

ВАНЕЕВ А. А. У нас тут все явные сторонники компартии. Отступников нету, чтобы на других платформах. Устав со всеми проработали, специального товарища посадили по радио новости читать. Читал генерал, но заменили, слабо читал и выражения допускал. У меня из сорока коммунистов в столовую ходить могут только трое. Часто еще хлеще бывает, приехал, партбилет сдал и помер. Если кому тут не нравится, говорим: не держим, собирай свои манатки, денег на дорогу мы дадим. А то тут один: на год приехал, а уже пять лет живет. А сам, я узнал, двадцать лет на учете в жэке стоял. Понял? Обсуждаем хозвопросы, медицину, призываем товарищей не опускаться, следить за собой. Хлеб вот возили в столовую незакрытым, черствел. Месяц боролись — и добились. А еще: триста человек у нас обслуживающего персонала, на каждого — по белому халату. А не много ли? Тут надо глянуть с партийной точки зрения. На партконференцию выбрали десять делегатов в район, поехали, правда, пятеро — нездоровье. Но вот почему директор на отдельной машине поехал? Что же бензин не бережет?

Устаю, конечно, летом можно было бы и отдохнуть, а то собрания и собрания, но я всем говорю: товарищи, кончилось время, когда все сверху спускали. Пора бороться в партии, работать за идею. А то в выперет нас народ к чертовой матери!

ОНИ. Радость революционера жестока. И старость революционера жестока. Общее дело — это поход, оно любит молодые руки и ноги, у него туго по части пенсий.

ЦЕДЕРБАУМ Ю. О.

— Вы ничего сейчас не боитесь?

— Нет. Ко мне приходила лет пять назад женщина из Института марксизма-ленинизма, спрашивала про Кирова, ничего не сказал, я не хочу сидеть в тюрьме. А теперь... Умру, что мне жить-то — полгода. Врачей нет, питание отвратительное, у меня язва, я слепой, ноги нет, глухой. У меня нет никого. Жену тоже здесь угробили. Кому я нужен теперь в тюрьме? Когда меня арестовали, сыну было семь лет, когда я увидел его снова, ему было двадцать пять, пьяница, наркоман, семь жен сменил... Что мне осталось в жизни. Жаль, что мог бы сделать больше, лучше... Кого мне бояться, вас что ли?

— Нет, я просто хотел спросить... Вы не боитесь смерти?

— Смерти? Каждый день в шахте, где я работал, уносили несколько трупов. В селе Долгий мост, где была ссылка,— вешались под мостом, я выжил... Год бы еще хотя бы пожить, но жить страшно тяжело и каждый день хочешь все кончить. Кончать жизнь самому недостойно. Но здесь могут довести до этого. Это даже можно сделать как демонстрацию... Но хотелось бы каждый день знать, что будет завтра. Знать, чем все это закончится. Это меня держит. Нет, нет, я не устал сидеть. Партийные дела для меня важнее, что вы говорите?

— Вы не думали обратиться к религии?

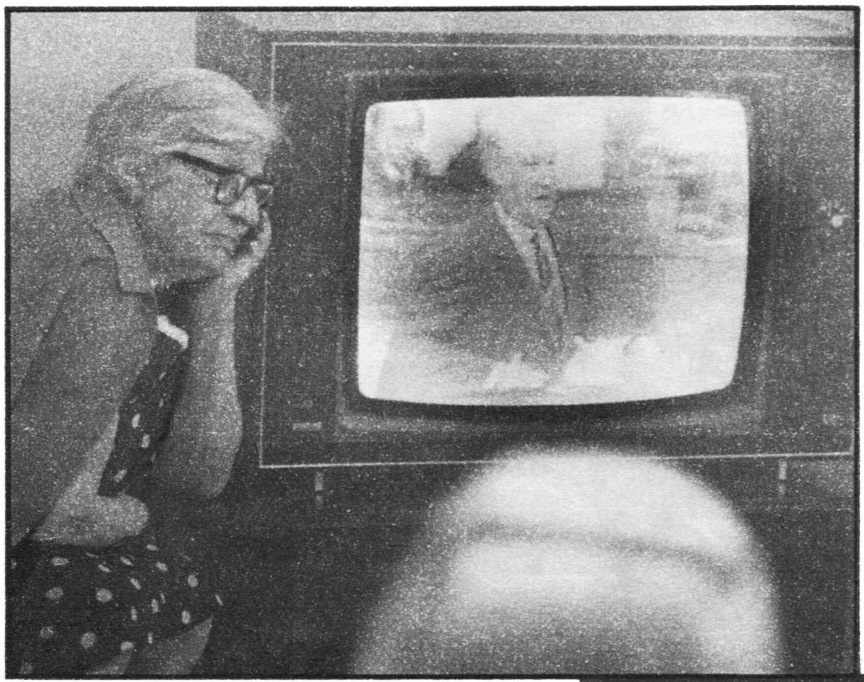
— Что? Как? Да что вы на самом деле?!

— Вы не жалеете, что свою жизнь связали с партией? Ведь сейчас говорят по-разному...

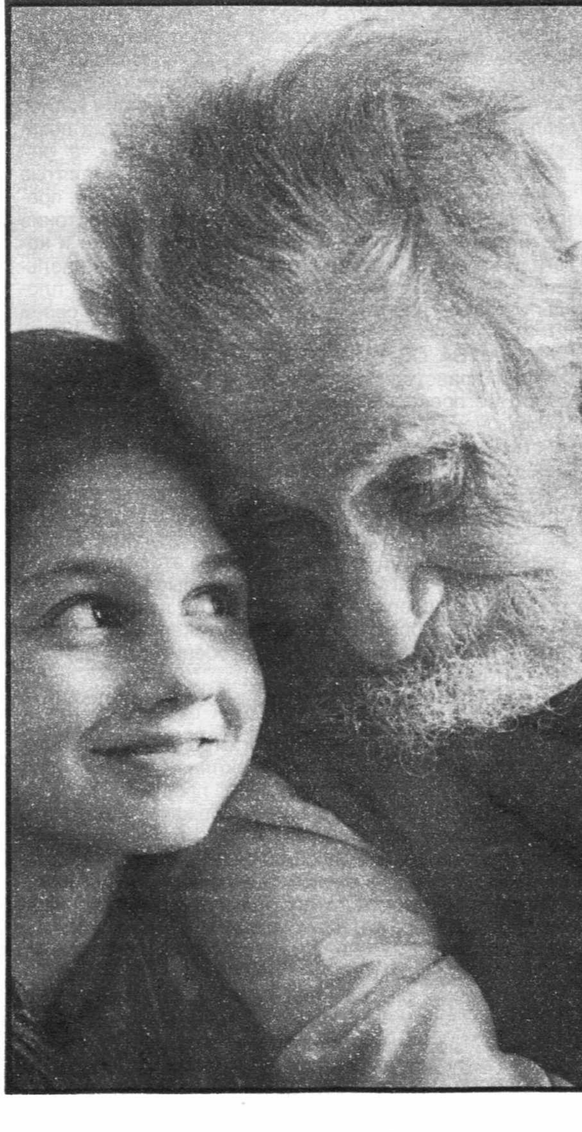
— Чепуха! Контрреволюционная болтовня! Я семьдесят лет в партии и считаю: были ошибки, но у нас было особое положение. Мы подняли массы безграмотных людей до таких высот! Ерунда! Сталин, я скажу по-партийному, отбросил страну на полвека назад. Прожили бы Ленин еще с десяток лет, мы бы были совершенно другими, о-о-о, какими мы были бы. На нас бы все равнялись! Но вот случилось так, что Ильич погиб...

СОН. УЛЬЯНОВ В. И.
«Как-то я с одним из делегатов, моим соседом в зале, вышел в коридор покурить. Мы с товарищем стояли у окна и обменивались мнениями о ходе съезда. Вдруг мы увидели в коридоре Владимира Ильича. Приблизившись к нам, он узнал моего собеседника и, обращаясь к нему, воскликнул:
— Товарищ Чурилин, сколько лет, сколько зим! Помните, как мы учились в Париже?..
Великим, мудрым, но простым запечатлелся Ильич в моей памяти».
КРЖИЖАНОВСКИЙ Г. М. «Я пишу некрологи. Это у меня поручение — писать об умерших. Парторгов же не заставишь — они только биографию мне на стол кладут. И я выбираю наиболее важные эпизоды. Я уже написал всего штук четыреста. Каждый год, примерно, сорок — пятьдесят. Мою работу читают все. Висит на стенде «Памяти ушедших из жизни». Идут позавтракать и читают. Кто плохо видит — вслух прочтут. Начинается «Партбюро сообщает...». Что вы сказали? Память навечно останется в наших...? Нет, у меня концовка другая — «Выражаем соболезнования родным и близким». Вот так.
Переживать очень не переживают, что вы хотите от этих людей, если выходит человек из кино, спросишь: понравилось? Очень. А про что? Уже не помню. Если умирает человек — надо же проводить,— нет возможности людей отобрать, кто поедет в крематорий — полтора часа туда, полтора обратно, и там еще...
И в 17 лет, и по сей день мое сердце принадлежит Ленину, партии, Родине. И мы всегда работали честно. Все это... уляжется. Я не сомневаюсь ни минуты. И будущее будет таким, за которое мы боролись. Иначе не стоит жить на земле».
СОН. Погоди, я отвлекусь, тут надо мне с товарищем поработать. Здорово, ты где лошадь свою взял? Я говорю: каталка эта — твоя? Да? Жалоба у меня на тебя — чужую каталку берешь, телевизор перекрутил, гляди! У тебя же есть квартира, езжай туда. Внучка там? А чего же тебе тут все не нравится? Нравится? А кто говорил: вас всех скоро отсюда разгонят? Не ты говорил? Точно? Ну гляди, гляди...
Так вот, наскочила банда, и наших прямо на площади и кончили. Марусю с братишкой водили долго, она просила: «Вы меня, конечно, рубите, а брата уж не трогайте». Когда мы ее нашли, у ней груди вырезанные. А когда братишку рубили, он, видно, ручонками закрывался, и ему прямо так, с руками...
Буденный шел с вокзала в город в бекеше, и шапка на нем хорошая была, а Троцкий как читал речь... За четыре часа ни разу за бумажкой не потянулся. Я был секретарем комсомольским, чоновцем, к кулакам меры принимали, а тут на Первомай мне секретарь укома говорит перед митингом, на горе у собора, научает меня: «Ты, как поп говорить закончит, цепляй ему на грудь алый бант». Я даже обмер, мы ж тогда и партийные пасху отмечали и христосовались. А тут поп взял и принародно от бога отрекся! Я ему — бант! Он потом в укоме консультантом по борьбе с религией работал. Это все Воронежская тогда губерния была, Валуйский уезд...
— Но вы жили не в городе. Вы жили за путями, на Пушкарке,— продолжил я,— все Калашниковы оттуда.

Он притормозил свою речь и пригнул ко мне свою голову:
— А ты откуда знаешь?
ВЕЧЕР.
Вечерними делами ведает служба из одного человека. Пока было место — хоронили на кладбище в Переделкине. Сейчас — Востряково, крематорий, стена.
Санитарка: «И уход хороший, да время — поневоле умирают. Я заранее вижу: вот этот помрет. Нос такой белый становится и вот так вот: нос, подбородок — весь треугольник, белый. А как бредят... Все про детей».
Они завидуют тем, кто умер легко, мигом, стоя.
Один вены пытался резать, напильником себя ударил в область сердца. Ну это смотря кто как понимает, а бывает: не смиряется его душа с этим, смертью, короче, и все. Ресурсы все исчерпаны, а он ходит за врачами, умоляет, помогите пожить, а пошел в сберкассу за деньгами, поволновался там и по дороге умер.
Они по-разному решают для себя вечер. Был такой безногий еще с гражданской войны, сильно пил — сестры ему приносили. А потом попытался поджечь себя электролампой. Не вышло — обуглился только немного. Тогда отказался есть и замолчал. И все время молчал. Так и умер. Молча. От нарушений обменных процессов, а фактически — голодной смертью.
СОН. «В жизни моей мне повезло, учился я в церковно-приходской школе, и был у нас учитель... Он был в партии с шестого года, тогда на нелегальном положении, и он нас учил, и спрашивал, вы книжки читаете? Слушайте, говорит, как надо сделать, вот так: а вы пойдите на свалку, отыщите там ведро дырявое, сделайте ведру этому дно и поставьте к себе в сарайчик. Прочтете книжку одну, пойдите на огород, наберите в рюмочку маленькую плодородной земли и высыпьте в ведро. Тут девочка одна руку подняла: Клавдий Иваныч, а если закон божий читала, сыпать? И закон божий. И псалтырь? И псалтырь. А заповеди? И заповеди. Я толкнул в бок друга Петьку Кирпотина — бежим в библиотеку. Дверь отворили, а там сидит такая, такая, и кружева у ней на воротнике...
Прошел год. У нас с Петькой ведро полное с верхом. Учитель спрашивает: у кого ведро полное? Три руки. А у кого ведра нет? Много рук. У того и голова пустая! А вот вы, у кого полное, насобирайте костей, лохмотьев, тряпок, отнесите старьевщику — пусть он вам даст взамен вазу какую-нибудь. Потом поработайте немного на армянина — пусть он заплатит вам семенами своими, посадите их в вазы с плодородной землей и вырастут у вас чудесные апельсиновые и лимонные деревья, и наступит светлое будущее...»
ВОПРОС.
Я макаю палец в прорубь телефонного диска, и диск превращается в карусель, моя бабушка живет в городе, где меловые холмы и от вокзала до центра горят всего два фонаря, где ходят в резиновых сапогах от непросыхающей грязи и в лисьих шапках для форсу, где взорвали церкви и собор и кто-то когда-то копал ночами землю, мечтая о несметных сокровищах, которые из церкви не вынесли, а из кирпичей собора сложили что-то торговое, а потом поломали и это, а сейчас там неформалы и даже кто-то голодал, а река все равно морщит свою зеленую шкуру, отороченная понурым лозняком под горой, на которой стоял домик Петра, а ночи там такие, что можно с крыши пожарной каланчи перелезть прямо на небо и вылавливать звезды шапкой, как ряску из густой, замедленной летом воды, моя бабушка живет теперь у окна, за которым разнообразно маневрируют Дашки, Наташки, Аньки, а дразнильные Алешки выкрикивают «выставка трусов!», имея в виду легкомысленно короткие подолы пятилетних особ, и звонит телефон.
— А ты не помнишь такого Федора Алексеевича Калашникова?— спрашивает ее прямо внук.— Он не родственник наш?
— Нет,— сразу говорит бабушка.— Но я помню его родителей, хорошие люди, у них было десять

детей. Он еще в лавке мальчишкой работал. Я почему его помню: он невесту из города взял.

В голосе бабушки просквозила некоторая обида — невест, по-видимому, хватало и в Пушкарке.

— Ба,— напрямую залепил я,— а это не он моего прадеда в Казахстан услал?

Бабушка припомнила и твердо произнесла:

— Нет. Это было позже.

И она сразу строго и подозрительно спрашивает, по-прежнему мысля меня в заоконном пространстве как одного из Дашек, Анек, Наташек и собирающегося что-то отмочить:

— А что?

И правда: а что? Этот вопрос горбатится водоразделом, набухает кровавым востоком, размыкает пасти мостов, скользит в ножны канала тяжелой крейсерной сталью, щупает прожекторами сектор обстрела, отмечает крестиками квадраты на карте, расписывается в ведомостях за стволы и обоймы, слушает стрекот кузнечика в часах, он готов на все.

Что мы скажем в ответ?

НОЧЬ.

Через дорогу от рыжих глиной огородов с резким навозным ветром, с белой ванной для воды, кучами мусора в густой крапиве, истлевшими венками на нижних ветвях у бесформенного, как облако, кладбища одно плечо выпирает строгим углом. Здесь по вверх идущему склону, лишь кое-где нарушая строгое равнение, как вырванные страницы записной книжки, как серые палахи,— плиты без фотографий: имя и годы. И стаж. Маленькие, как детские, гробницы, тесно, как в патронташе, планомерно, как в мечтах,— все сплошь поросло травой с редкими брызгами незабудок, что как голубые созвездия, колышется рябина, соловей катает в горле сладостный ком, самолет, с хлопком проткнув наволочку неба, потащил за собой сдвоенную шерстяную нить следа, да старая яблоня тянет к траве свои белые мягкие губы, смаргивая на ветру коровьими желтыми ресницами,— здесь меньше смирения и прощения, чем в хаосе оград и крестов, здесь смерть особенно нелепа — их дело было настолько неземным, что даже смерть не смогла втиснуть свой оскал в крепко сжатые губы,— на гробницах ни конфет, ни цветов в пакетиках из-под молока, ни сухарей для птиц небесных.

Они не успели лечь в братские могилы, осененные знаменами и рыданиями оркестра после великих штурмов, без сомнений; их поджидали другие раны, им пришлось увидеть иное, и что видят сейчас их сомкнутые очи, над которыми витает ветреное, ветровое слово — напрасно! — а ток подземных вод и вечное копошение подземной живности соединяют их с прочими и всеми, и разделятся ли они снова, если сбудется то, во что они не верили, когда позовут нас и восстанем, опираясь на кресты, а они обопрутся на корешки партийных билетов — святые мученики коммунистической церкви, невольные, преступные, героические, несчастные, гордые, жестокие дети, которые читали, учили, собирали тряпки и кости, и ветошь и хотели вырастить лимонные и апельсиновые рощи и увидеть золотые и оранжевые плоды и общее, неслыханное счастье несчастной своей Отчизны и всей земли.

МОЛИТВА ОБ УМИРОТВОРЕНИИ ДУШ.

Идет нравственная гражданская война. Помолимся об ее прекращении.

Мы очень бегло пробормотали покаянные слова, и старые есаулы, которым впору брести в пещеры, жевать коренья и ящериц в тяжких думах о незадачливой своей судьбе, опять ступают в стремя, наскоро отерев шашку пуком травы, кашляют в кулак и докладают, что поскачем теперь в другую сторону и называться будем по-другому. И это что там за старый осел шагает левой? Ну-ка выведите его на обочину и шлепните, чтобы знал, какой шагать! И обоз для скорости бросим. Это такая притягательная доля — быть авангардом, особенно если больше ничем быть не можешь.

Товарищи, давайте не оставим обоз! Не стреляйте в стариков!

Возвысим тех, кто мечтал и строил, содрогнемся тем, кто мечтал и стрелял, проклянем тех, кто служил и стрелял, и всех вместе — простим!

Не надо бегать свирепыми сторожами и выгонять засидевшихся людей из домов под снос перед ножами бульдозеров. Они посидят еще немного, наедине со своей судьбой, в вечной человеческой муке неизбежности и бессмысленности всего — у них вышло вот так, грустно, жаль, что умер Ленин, а по телевизору трясут космами чудовищные рожи, они посидят еще немного с пальцами, приклеенными к наивным фотографиям, со слабыми словами на устах, сгорбленные исполинскими сроками партийного и человеческого стажа и всего, что сопутствовало ему, и уйдут потихоньку в ту сторону ночную, где ждут их больше, чем здесь, бесследно и бесславно, пройдут годы, снесут памятники, и что останется, кроме участка на кладбище, и нас опять разделят пропасти, в которых туман,— не отпускайте их! Давайте позовем их сквозь слезы, окликнем себя, искупим будущие муки, подставим плечо, сохраним цельность своего тела, не надо стрелять!

РАССВЕТ.

Администрация и партийная организация проживающих дома ветеранов партии (ст. Переделкино Московской области), возможно, сочтут необходимым пообщаться с лицами, рассказавшими что-то не то или не так. Сообщаю, что фамилии, биографические данные, пол собеседников изменены. Я надеюсь, что подобный розыск не будет предпринят, поскольку последствия такого разбора могут оказаться трагичными.

Фамилии мной взяты с одной старой фотографии.

В середине марта 1897 года одного молодого человека освободили из предварительного заключения для сборов в дорогу и советов с врачами. Он собрал своих товарищей, и они все вместе, плюя на конспирацию, заснялись на память в фотоателье «Веденберг и К°». На полу пластался узорчатый ковер, тяжело висела портьера с чужеземными зелеными насаждениями, позади виднелась аристократическая оконная рама. Они опирались локтями на колонны, сидели на стульях с бахромой, на столике лежали две книжки, у всех открытые лбы, и только у одного — челка. И все смотрели вперед, с просветлением, на нас, в будущее.

«В группе слева направо: стоят — Малченко А. Л., Запорожец П. К., Ванеев А. А.; сидят — Старков В. В., Кржижановский Г. М., Ульянов В. И., Мартов-Цедербаум Ю. О.».

Мне кажется, что такая замена справедлива.

УТРО.

«В конце XIX — начале XX века капитализм вступил в последнюю...

Начался раздел мира между... До крайности обострились... Налицо был подъем... Сделалось возможным и необходимым... Наступил переломный момент».

«1 марта 1919 года я вступил в партию. Это был день моего рождения в партизанском отряде, в Брусиловском лесу. Партийный секретарь спросил меня: «Хочешь партийный билет?» Я ответил сразу: «Очень хочу». Это было в лесу, летом там ягодные места».

ПРЕДЧУВСТВИЕ СТАЛИНИЗМА

Уникальный оригинал кратких заметок Л. Б. Каменева, которые любезно предоставил журналу «Огонек» известный американский историк и политолог С. Коэн, хранится в архиве Троцкого, в библиотеке Гарвардского университета. Некоторые историки и по сей день утверждают, что 1928—1929 годы явились как бы точкой отсчета для социализма. Однако документальные свидетельства тех лет все более убеждают нас в том, что это было началом сталинизма. Особый стратегический курс Сталина, политические махинации и идеологические установки, выработанные в те годы, стали характерной чертой системы. Публикуется впервые.

Стивен КОЭН

1928—1929 годы были началом фантастической смеси огромных достижений и чудовищных преступлений, создавших образ Советского Союза, который мы знаем сегодня, и трансформировавших характер мировой политики. Прямые последствия и живучее наследие сталинизма, как внутри Советского Союза, так и за его пределами, ставят его в ряд крупнейших политических явлений XX века, среди которых 1928—1929 гг. знаменуют собой начало поворотного момента. Если историки не спешили признавать этого факта и рассматривать его как важнейшую проблему, требующую исторического объяснения, то простые советские граждане давно разобрались в нем. Они продолжают ежедневно жить тем, что было создано и утрачено в 1928—1929 гг.

Политические решения, приведшие к этому поворотному моменту, сопровождались последней и имеющей решающее значение фракционной борьбой внутри Коммунистической партии Советского Союза после смерти Ленина в 1924 г. Хотя дискуссии 1928—1929 гг. касались всех сторон общественной жизни, от партийно-государственных отношений со всеми слоями советского общества до руководства Коминтерна и внешней политики, экономика оставалась в центре всех споров. Для большевиков она оставалась основной детерминантой их революции.

Курсу Сталина активно противостояли три главных члена Политбюро, которые до сего времени были его союзниками: Николай Бухарин, теоретик большевизма, один из руководителей Коминтерна и вождь партии наравне со Сталиным с 1925 г.; Алексей Рыков, преемник Ленина на посту премьер-министра; Михаил Томский, руководитель советских профсоюзов.

Эта бухаринская группа, или правая оппозиция, как ее стали называть, настойчиво утверждала, что курс Сталина политически опасен, экономически губителен и в основе своей, как опирающийся на методы принуждения, несовместим с социализмом. Индустриализация и коллективизация были главнейшими задачами и для бухаринцев. Однако их собственные претенциозные планы были основаны на продолжении нэпа, на двойственной государственно-частной экономике с рыночными отношениями между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством, а также на их собственных политических и экономических принципах гражданского мира, умеренности, постепенного осуществления социальных преобразований и сбалансированного развития. Со всех этих точек зрения бухаринизм и зарождающийся сталинизм были прямо противоположны.

К апрелю 1929 г. Сталин нанес сокрушительный удар по бухаринской оппозиции и объявил свой новый курс официальным курсом Политбюро и Центрального Комитета. Многие высшие партийные деятели тем не менее все еще видели Сталина в его первоначальной роли — человека, представляющего осмотрительный центр.

Однако поражение Бухарина и его единомышленников объяснялось также их отказом вынести борьбу из этих высоких сфер, где власть Сталина была наиболее могущественной, на широкую арену, где они пользовались поддержкой. Их отказ от этого объяснялся частично тем, что они сами в свое время помогли очернить и в конце концов изгнать левых за те же самые действия — «фракционизм» и «раскол». Ограничив себя скрытой борьбой наверху, они оказались в ловушке там, где Сталин имел превосходство. И здесь, как даже позднее жаловались недовольные сталинисты, они были биты «не аргументацией, а партийными картами» и «задушены за спиной партии».

Поражение бухаринской оппозиции имело далеко идущие последствия. Бухарин, Рыков и Томский вскоре были выведены из состава Политбюро, а их сторонники повсюду были с позором изгнаны из всех учреждений. (Все трое впоследствии погибли во время сталинских массовых чисток, Томский покончил жизнь самоубийством в 1936 г., а Бухарин и Рыков были казнены после московского процесса 1938 г.). Из всех преемников Ленина Сталин остался один, теперь непревзойденный вождь, который очень скоро превратился в деспота. И как прямое следствие этого в 1929 г. начался идеологический террор против всех бухаринцев и нэпа как «прогнившего либерализма». К декабрю 1929 г. не получившие должного отпора сталинские «экстраординарные меры» в деревне закончились актом, положившим начало еще большему событию,— принудительной коллективизации 125 миллионов крестьян и тотальной войны против всех, кто этому противился.

Важный документ, воспроизводимый ниже, дает уникальный взгляд изнутри на эту роковую борьбу. Это отчет о тайной встрече между Бухариным и Каменевым, состоявшейся 11 июля 1928 г. Составленный второпях Каменевым как отчет Зиновьеву о том, что говорил Бухарин, он также включает комментарий Григория Сокольникова, члена Центрального Комитета, стоявшего на антисталинских позициях и принимавшего участие на определенном этапе беседы.

Бухарин организовал эту тайную встречу через Сокольникова с тем, чтобы заручиться поддержкой Каменева и Зиновьева (оба к этому времени были восстановлены в партии) против Сталина. Он пришел сразу с пленума ЦК, собравшегося в полном составе. Это был решающий момент. Политические резолюции ЦК были явно пробухаринские. Однако на закрытых заседаниях Бухарин обнаружил истинный характер сталинских «экстраординарных мер» по хлебозаготовкам, ренегатство руководителей, на которых он рассчитывал, и нежелание второстепенных членов ЦК выступать против генерального секретаря. Сталин уже начал тайно принимать меры, направленные против Бухарина и политики единого фронта.

Документ не следует воспринимать как стенографический отчет о встрече. Только один раздел может претендовать на дословную передачу того, что говорил Бухарин, но и в этом разделе, несомненно, сделаны купюры. Позднее Бухарин и его сторонники утверждали, что в этом документе дана односторонняя картина встречи, что, безусловно, соответствует действительности. Более того, часто нелестные высказывания Каменева по поводу поведения Бухарина следует рассматривать в контексте их недавней борьбы, которая так запятнала репутацию Каменева и Зиновьева и лишила их власти.

Несомненно, документ сыграл определенную роль в борьбе между Бухариным и Сталиным. Позднее, в июле, копия отчета Каменева Зиновьеву была приобретена московскими троцкистами, и в начале осени копия попала к Троцкому, находившемуся в далекой ссылке в Казахстане. 20 января 1929 г., вероятно, по настоянию Троцкого и к большому негодованию Бухарина и его друзей троцкисты в Москве опубликовали подпольно этот документ (самиздат).

Копия текста получила широкое распространение и быстро попала в руки Сталина, который ухватился за нее как за возможность открыто помериться силами с бухаринцами. На расширенном заседании Политбюро, заседавшем с перерывами с 30 января по 9 февраля, противоборствующие фракции обменялись резкими взаимными обвинениями. Сталин в своей атаке в основном опирался на июльскую встречу с Каменевым как на свидетельство измены Бухарина принципам партийной дисциплины и попыток создать альянс с дискредитировавшими себя оппортунистами. Из достаточно реального, хотя и пристрастного, представления фактов этот документ, с тех пор запрещенный, перешел в область пресловутой мифологии о сталинской политике. Он цитировался на суде над Бухариным в 1938 г. как первое доказательство преступного заговора «антисоветского блока правых и троцкистов».

Прежде всего документ проливал свет на роль самого Бухарина в тот важнейший момент советской истории. Его слабость как политического руководителя оппозиции очевидна: гамлетовская нерешительность и колебания в сочетании со сменяющими друг друга приступами отчаяния и поддельного оптимизма. И все же трудно поверить в то, что какая-либо другая политическая личность могла бы изменить исход дела. Все другие большевистские оппозиционеры были точно так же уничтожены Сталиным, они тоже проявили почти аналогичную слабость в тот или иной критический момент.

Еще более замечательным и, вероятно, самым важным с исторической точки зрения был характер бухаринской идеологической оппозиции зарождающемуся сталинизму, хотя он и потерпел поражение. Лучше других крупных большевиков, можно сказать, почти единственный из них, он понял, что действительно происходило в 1928—1929 гг.: «судьба революции поставлена на карту». В то время как Троцкий, Зиновьев и Каменев воспринимали сталинские драконовские меры как чисто бюрократические маневры и намеревались вступить в союз с ним против правых, Бухарин сразу же понял, что сталинский новый курс вышел далеко за рамки старых споров и, как он полагал, был «губительным для революции в целом».

Бухарин понял ошибку первых большевистских вождей, включая себя, бывших когда-то единомышленниками Ленина, а теперь выставленных на посмешище отверженных. В течение многих лет между ними существовал раскол по ряду существенных вопросов, при этом все одинаково старались избегать каких-либо возможностей компромисса. Тем временем, воспользовавшись этим, Сталин захватил власть, чтобы стать «Чингисханом» и вести такую политику, которая не нужна была никому, ни правым, ни левым. Бухарин изложил это простыми словами Каменеву (который, так же как и Троцкий, остался равнодушен): «Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее, чем все наши разногласия с вами». В этом он был прав, так же как был прав в том, что должно было произойти. Но было уже слишком поздно.

ВСТРЕЧА БУХАРИНА С КАМЕНЕВЫМ, ИЮЛЬ 1928 г.

I. Письмо Сокольникова Каменеву

Москва, 9 июля 1928 г.

Уважаемый Л. Б. (Каменев)!

Вот уже несколько дней, как мы вернулись в Москву — и как раз вовремя, чтобы успеть на пленум. Я думал, что увижу Вас здесь, но Вы, оказывается, все еще отсиживаетесь в Калуге. Собираетесь ли Вы сюда в скором времени? Мне необходимо обсудить с Вами некоторые вопросы и посоветоваться с Вами. Не могли бы Вы приехать сюда не надолго в течение ближайших нескольких дней? Это чрезвычайно важно. Пленум, очевидно, завтра закончится. Сегодня еще продолжается дискуссия по докладу Микояна, идут «сражения». Если можно, дайте ответ по телефону (3-49-24). Надеюсь Вас скоро увидеть.

С наилучшими пожеланиями
Г. Сокольников.

II. Отчет Каменева о его беседе с Сокольниковым

Среда, 11 июля, 9^{00}

Краткое содержание беседы: 1) Дела зашли слишком далеко; Бухарин окончательно порвал со Сталиным. Вопрос об отстранении (Сталина) поставлен конкретно. Калинин и Ворошилов предали нас. Теперь они занимают более терпимую позицию, принимая во внимание его (Сталина) уступки. 2) Бухарин дважды сказал: «Разве вы не понимаете, что теперь я бы отказался от поддержки Сталина и поддержал Каменева и Зиновьева? Положение Бухарина трагично: он больше всего боится, что вы (Каменев и Зиновьев) скажете, что Сталин ведет правильную линию. 3) В Политбюро не было никакой группы «Четырех» или «Пяти» — он клянется в этом. 4) Речь Сталина на пленуме: Два уклона троцкизма — одно истинное — за восстановительные цены и другое бухаринско-троцки-

стское. Для развития промышленности «необходимо получать дань с крестьянства». То же говорит Микоян: «Ножницы у нас останутся надолго; ножницы нельзя закрывать». (Они утверждали, что Троцкий тоже хотел закрыть ножницы.)

Сокольников контрабандой протаскивает троцкизм.

Молотов: «Середняки окрепли; вот поэтому они вступают в конфликт с нами». 5) Ответ Бухарина: «Теория дани ничем не отличается от «закона о первоначальном социалистическом накоплении». Ответ Томского: «Если Молотов прав, то какова же перспектива? Вы за нэп без нэпманов, кулаков или концессионеров; так дело не пойдет». Рыков разбил наголову Кагановича. Выводы: линия Сталина потерпит поражение. Бухарин в трагическом положении. Не восхваляйте Сталина. Позитивная программа может быть разработана вместе с вами. (Каменев и Зиновьев.) Бухарин сам хочет поговорить. Блок на свержение Сталина.

Каменев: «Почему они ничего не сделали?»

Сокольников: «Для него (Бухарина) вы *x* и *y*, неизвестные величины. Сталин распространяет слух, что держит вас в своих руках.

III. Отчет Каменева о беседе с Бухариным

Спустя час после моего приезда (в 10^{00} 11 июля) без всякого предупреждения и без звонка ко мне приехали Бухарин и Сокольников; Сокольников уехал до окончания беседы. Вид у него (Бухарина) был крайне озабоченный и раздраженный. В сильном возбуждении он говорил целый час, в течение которого я его не перебивал, он сказал мне следующее (Привожу запись беседы максимально точно):

«Прежде чем перейти к главному вопросу, хотел бы прояснить два момента: 1) Не было никакого голосования с результатом 4 против 5 по поводу (вашего) назначения; этот вопрос вообще не обсуждался. 2) Заметка по поводу статьи Зиновьева была продиктована Сталиным, несмотря на мое возражение, как компромисс с Молотовым, который энергично протестовал против публикования статьи Зиновьева. А теперь о главном.

1. Дела зашли так далеко в Центральном Комитете и в партии, что вы (и, вероятно, троцкисты) будете неизбежно втянуты в поиски выхода из создавшегося положения и сыграете в этом важную роль.

2. Когда это произойдет, я не знаю. Возможно, это случится не так быстро, поскольку обе стороны все еще опасаются обращаться к вам. Во всяком случае, через пару месяцев это станет неизбежным.

3. Поэтому я хочу, чтобы вы знали, какова ситуация. Я знаю (или предполагаю), что сталинисты тоже вступят в переговоры с вами. Вы, безусловно, будучи политиками, воспользуетесь ситуацией, «сделав беспроигрышную ставку». Но я не боюсь этого. Решающим будет выбор политической линии, и я хочу, чтобы вы знали, в чем состоит суть борьбы».

4. Я (Каменев): «Неужели борьба настолько серьезна?»

Бухарин: «Вот об этом-то я и хотел поговорить с вами. Мы считаем, что линия Сталина губительная для революции в целом. Эта линия может привести нас к краху. Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее, чем все наши разногласия с вами. Рыков, Томский и я единодушно согласились с тем, что «было бы лучше, если бы вместо Сталина в Политбюро сейчас вошли Зиновьев и Каменев». Я обсуждал этот вопрос с Рыковым и Томским открыто. В течение уже нескольких недель я не разговаривал со Сталиным. Он беспринципный интриган, который подчиняет все интересам сохранения своей власти. Он меняет свои взгляды в зависимости от того, от кого он хочет избавиться в данный момент. На заседании «семерки» в Политбюро у нас возник с ним спор, во время которого звучало «Вы лжете!», «Вы говорите чепуху!» и т. д. Сейчас он пошел на уступки, с тем чтобы впоследствии он мог нам перерезать горло. Мы понимаем это, но он предпринимает всяческие маневры, чтобы представить нас фракционерами. Резолюция была принята единогласно, потому что он дезавуировал Молотова, заявив, что он принимает 9/10 моих записок, которые я зачитал «семерке», не выпуская их из своих рук. (Ему нельзя доверять даже и в таких небольших документах). Его цель сейчас состоит в том, чтобы отнять у нас московскую «Правду» и «Ленинградскую правду» и заменить Угланова (Кагановичем). Угланов полностью с нами. Линия Сталина состоит в следующем (как он представил ее на пленуме): 1) Капитализм развивался за счет колоний, благодаря займам и эксплуатации рабочих. У нас нет колоний, нам не дадут займов, поэтому мы должны опираться на крестьянство. (Вы понимаете, что это совпадает с теорией Преображенского). 2) Чем ближе мы будем продвигаться к социализму, тем сильнее будет сопротивление (см. предложение в резолюции). Это идиотическая безграмотность. 3) Поскольку дань необходима и сопротивление будет неизбежно возрастать, необходимо сильное руководство. Самокритика не должна касаться руководителей, а только тех, кто осуществляет политику. Однако фактически самокритика была направлена против Томского и Угланова. Результатом этого будет полицейское государство. Не похоже ли это на вопрос: «Кто гадит в собственном гнезде?»? В действительности судьба революции поставлена на карту. На основе этой теории все может быть разрушено. В то же время во внешней политике Сталин придерживается линии правого уклона: он удалил Коминтерн из Кремля; именно он предложил никого не расстреливать, кто был связан с шахтинским делом (мы голосовали против); во всех переговорах он склонен идти на уступки. Томский сформулировал это следующим образом: Я (Томский) на 30 км правее вас (Бухарина) в международных вопросах, но я (Томский) на 100 км левее Сталина. Его линия губительна, но он никому не дает возможности обсудить ее. Он расставляет капканы и обвиняет людей в отступничестве. В его речи есть предложение, в котором он говорит, что так могут думать только «крупные помещики», и слово в слово воспроизводит отрывок из речи Угланова. Он перережет нам горло».

5. Я: «Каковы ваши силы?»

Бухарин: «Рыков плюс Томский плюс Угланов (точно) плюс я. Петроградцы, вообще, с нами, но они испугались, когда появилась возможность сместить Сталина, потому что Комаров дезавуировал речь Стецкого; однако вечером Угаров нашел способ, как извиниться передо мной за Комарова[1]. Андреев за нас. Его перевели с Северного Кавказа[2]. Сталин купил поддержку украинцев, убрав с Украины Кагановича[3]. Наши потенциальные силы огромны, но (1) средний член ЦК пока не понимает всей глубины разногласий, а 2) также члены страшно боятся раскола[4]. Вот почему я вынужден был уступить Сталину в вопросе чрезвычайных мер, а это еще больше затруднило наше наступление на него. Мы не хотим выглядеть раскольниками, потому что тогда они перережут нам горло. Однако Томский в своей последней речи на пленуме ясно показал, что раскол вносит Сталин. Ягода и Трилиссер наши. Уже насчитывается 150 мелких (крестьянских) выступлений. Ворошилов и Калинин предали нас в самый последний момент. Я думаю, что Сталин держит их под своим особым влиянием. Наша задача состоит в том, чтобы последовательно объяснять губительную роль Сталина и убедить среднего члена ЦК в необходимости его смещения. Оргбюро наше».

6. Я: «Но пока он смещает вас».

Бухарин: «Что мы можем сделать? На этот раз его смещение будет не через ЦК. Иногда по ночам я думаю, имеем ли мы право молчать, не свидетельство ли это отсутствия мужества? Но по зрелом размышлении мы понимаем, что мы должны действовать осторожно. Рыков делает доклад в пятницу. В нем будут поставлены все точки над i. Я собираюсь опубликовать ряд статей в «Правде». Может быть, для партии необходим еще один удар, чтобы все поняли, куда он ведет».

7. В дополнение ко всему этому и среди этих дополнений, представленных Бухариным, куча «откровений» о «семерке» и т. д. В его тоне звучала абсолютная ненависть к Сталину и полный разрыв с ним. В то же время он колебался, нужно ли выступать или не выступать открыто. «Если мы выступим, они перережут нам горло статьей об антифракционности[5]. Если не выступим, они истребят нас своими мелкими шахматными ходами; кроме этого, они свалят всю вину на нас, если в октябре не будет хлеба».

Я: «На что же они рассчитывают, чтобы получить хлеб?»

Бухарин: «Это целая проблема. На введение вновь чрезвычайных мер, если возникнут трудности. Но это военный коммунизм[6] и верная смерть».

Я: «А вы?»

Бухарин: «Возможно, потребуется попробовать даже еще более далеко идущий шаг, чтобы помириться с середняком. Можно наступать на кулака, сколько хотите, но с середняком надо помириться. Но при Сталине, да еще этот болван Молотов — он еще осмеливается учить меня марксизму, мы называем его «совершеннейшим тупицей» — ничего нельзя сделать».

8. Я: «Что вы хотите от нас?»

Бухарин: «Сталин похваляется, что вы у него в руках. Повсюду ваши люди (Жук., как один из примеров) стоят

Из первых иконостасов.

стройными рядами в защиту Сталина. Это было бы ужасно. Вы, конечно, сами определите свою линию, но я просил бы вас не способствовать тому, чтобы Сталин перерезал нам горло, одобрив его деятельность. Сталин вероятнее всего будет стремиться к установлению контакта с вами. Я хочу, чтобы вы знали, в чем дело».

9. «Думаю, нет никаких оснований ставить кого-либо в известность о нашей встрече. Не звоните мне, потому что мои телефоны прослушиваются. ГПУ занимается мной, и ГПУ установило за мной слежку. Мне бы хотелось, чтобы мы держали друг друга в курсе дел, но не через секретарей или посредников. Только Рыков и Томский знают о том, что я разговаривал с вами. Вы тоже не должны никому говорить об этом. Но скажите вашим людям, чтобы они перестали нападать на нас».

10. Я: «Сталин показывал вам памятную записку Зиновьева?»

Бухарин: «Я не знаю. Они со мной этого не обсуждают. Сталин либо попытается «подкупить» вас высокими назначениями, либо назначит вас на такие посты, чтобы заранее связать вас обязательствами; ничего определенного мы не знаем. До свидания. В течение нескольких следующих дней я буду очень занят в связи с конгрессом Коминтерна и не смогу встретиться с вами. Вообще, мы должны соблюдать строгую конспирацию».

Я договорился с Сокольниковым, чтобы он еще раз пришел до моего отъезда.

Я отдал Бухарину Ваше (личное) письмо. Он прочитал его и сказал, что боится что-либо записывать. Он боится, что письменный документ может принести неприятности. Было бы лучше обсудить программу лично.

Бухарин: «Сталин во многих местах испортил программу коминтерновский проект[7]». «Он сам хотел сделать доклад по программе на пленуме (!!!). Я с большим трудом отбился от него. Он преисполнен желания быть признанным в качестве теоретика. Он думает, что это единственное, что ему еще не хватает».

Кроме этого, еще масса мелочей, деталей. Он, Бухарин, очень расстроен. Временами у него дрожат губы от волнения. Иногда он производит впечатление человека, который знает, что он обречен. Я думаю, что теперь в любой день последуют сигналы из другого лагеря. Мы должны ждать их спокойно. Так оно и будет! Поэтому Вам не следует приезжать сюда сейчас. Посмотрим, что они скажут. Сообщите мне свой ответ по телефону завтра в 8.

11 июля, 18^{00}

Заметка на полях: Все это виляние хвостом. Не могу найти другого слова; в политическом смысле, конечно.

IV. Добавления, сделанные Каменевым к отчету о разговоре с Бухариным

Ночь с 11 на 12 июля

1. Самое большое общее впечатление — это чувство обреченности. Его фраза: Интересно, не мастурбация ли вся эта наша «возня». Иногда я говорю Ефиму[8]: «Неужели все так безнадежно для нас?»

1) Если страна погибнет, то и мы погибнем. 2) Если страна вытянет, то Сталин быстро развернется кругом, и мы все равно погибнем. Что делать? Что можно сделать, когда имеешь дело с таким оппонентом: Чингисхан; низкий культурный уровень Центрального Комитета.

2. Молотов и Сталин о выходе из уханьского правительства[9].

3. Сталин говорит молодым коммунистам: Решение вопроса о трудоустройстве молодежи будет зависеть от того, положит ли Бухарин конец своей порочной политике[10].

4. Если мы начнем дискуссию, они перережут нам горло. ЦК боится дискуссий.

5. А что, если мы все вместе заявим об отставке — Рыков, Томский и я?

6. Если меня не сместят в ближайшее время — в течение двух месяцев,— мне не следует втягиваться в повседневную политическую деятельность. Но, когда наступает кризис, я должен высказываться четко и абсолютно открыто.

7. Мы не можем начать дискуссию, потому что она немедленно превратится в вооруженный конфликт. Какие будут обвинения? Мы будем говорить, что вот этот человек довел страну до разрухи и голода. А он скажет — они защищают кулаков и нэпманов.

8. Партия и государство полностью слились — вот в чем вся беда.

9. Сталина ничего не интересует, кроме как удержать власть. Делая нам уступки, он сохранял ключ к руководству, и, сохраняя его, он позднее перережет нам горло. Что мы можем сделать? Субъективные условия внутри ЦК для смещения Сталина хотя и зреют, но еще не созрели.

10. Сокольников: Ведите более активную политику; требуйте по крайней мере удаления Молотова.

11. Сталин знает только один метод — месть, и он мстит ножом в спину. Вспомним теорию «сладкой мести»[11].

12. Серго Орджоникидзе не рыцарь в сверкающих доспехах[12]. Он часто приходил ко мне и откровенно ругал Сталина, но в решающий момент предал нас.

13. История резолюции пленума и борьбы внутри Политбюро.

1) Я призываю к общей дискуссии по всесторонней политике. Сталин возразил, сказав, что нужен индустриально-финансовый план, и т. д.

2) Я пишу Сталину письмо и требую общей дискуссии. Он приходит ко мне: «Бухарин, друг мой, Вы можете и слона вывести из себя». Но на дискуссию он никак не соглашался. 3) Я пишу второе письмо — он вызывает меня к себе и начинает словами: «Мы с вами Гималаи, остальные ничтожества». 4) Мы идем к «семерке». Безобразная сцена. Он начинает кричать на меня. Я цитирую его замечание относительно Гималаев. Он вопит: «Лжец! Вы задумали настроить Политбюро против меня». Мы расходимся во мнениях.

5) Я зачитываю свои записки на 20 страницах, не выпуская их из рук. Молотов объявляет их антиленинским и антипартийным документом. Сталин: 9/10 этого документа я могу принять. Молотов уходит. Принять за основу. Я выхожу, чтобы написать резолюцию. Они делают то же самое. Неожиданно они преподносят резолюцию, украденную из моих записок. Я вношу три поправки; Рыков вносит одну. Поправки принимаются единогласно. Доводы Сталина: я заготавливаю хлеб, используя экстраординарные меры; я изменил позицию как раз вовремя и написал резолюцию сам. Если вновь потребуются меры, я один буду их осуществлять. Но факт состоит в том, что он приведет нас к краху.

14. Варга будет делать доклад[13], потому что Сталин не хочет, чтобы его делал Рыков. Что делать с этим докладом, я до сих пор не знаю. Варга будет утверждать, что голод неизбежен во время индустриализации!

15. О Коминтерне. Семар за Сталина, Тельман за Сталина. Эверт не принадлежит к правым коммунистам, но они вынуждают его быть таковым[14].

16. Сталин поступил против решения Политбюро (Семерки?). Решение состояло в том, чтобы разослать письмо Фрумкина всем членам Политбюро и подготовить проект ответа[15]. Не дожидаясь этого, Сталин сам написал ответ и отослал его. Мы приняли резолюцию, осуждающую его за неподчинение решению. Сталин: «Ответ был признан правильным, хотя и неполным. Я не могу затягивать вопрос».

17. По этому поводу или по другому Бухарин сказал Сталину: "Не думайте, что Политбюро всего лишь консультативный орган при генеральном секретаре».

18. Политика Сталина ведет к гражданской войне. Он потопит выступления в крови.

Сокольников (подхватывая замечания Бухарина): «На одном приеме Томский, изрядно пьяный, наклонился к Сталину и сказал: «Скоро рабочие начнут стрелять в вас».

V. Сокольников рассказал следующее (Отчет Каменева)

12 июля, 11^{00}

Из споров относительно колхозов интерес представляет только следующее. Сталин произнес грубую и оскорбительную речь против Томского. «Я слушал речь Томского с большим удивлением. Томский думает, что нам не на что опираться, кроме как на уступки крестьянам. Это пораженчество и неверие в строительство социализма. А что, если середняки потребуют уступок в монополии внешней торговли. Или крестьянский союз? Делать уступки там тоже? Это пораженчество. Мы должны опираться на государственные хозяйства и нашу работу среди крестьян-бедняков». Мрачно, отвратительно, мстительно и злобно. Отвратительное зрелище. Сейчас все поняли, что наступает не только Бухарин, но и Сталин. Грубость этого наступления была поразительной.

Сокольников следующим образом представляет себе механизм работы пленума: Рыков начал атаку; Сталин ответил. Петроградцы заколебались и отреклись от Стецкого. Затем Бухарин начал копать и выкопал себе траншею, но не смог сделать ни одного выстрела. Молотов разозлился и дал залп по «Правде» (целясь, в частности, в Астрова, в «односторонность» «Правды» вообще, в заметку Крицмана и т. д.)[16]. Затем Томский перешел в атаку на Молотова, но в мягких выражениях. И, наконец, Сталин открыто и грубо обрушился на Томского.

Соратники?
Единомышленники?
Друзья?

КОММЕНТАРИИ.

1. Ленинградская (ранее называвшаяся Петроградской) делегация на пленум ЦК включала Николая Комарова, бухаринца Алексея Стецкого и коллегу Томского по профсоюзам Федора Угарова.

2. Андрей Андреев, партийный руководитель района Северного Кавказа, фактически принял сторону Сталина и не был смещен.

3. Каганович был, вероятно, самым способным и наиболее презираемым заместителем Сталина; его трехлетняя тирания в бытность генеральным секретарем Компартии Украины вызвала глубокое возмущение у местных украинских руководителей.

4. Выражение «средний член ЦК» («середняк-цекист») имеет двоякое толкование. Оно могло означать среднее иерархическое положение или член без конкретных обязанностей.

5. Запрет на внутрипартийные фракции, введенный в 1921 г., на основе которого прежние оппозиционеры подверглись суровому осуждению и даже были исключены из партии.

6. Ссылка на меры по реквизиции зерна во время гражданской войны 1918—21 гг.

7. Бухарин готовил проект программы Коминтерна для предстоящего конгресса.

8. Как сказано в оригинале, Ефим Цейтлин, секретарь Бухарина.

9. После того, как Гоминьдан под руководством Чан Кай-ши устроил резню своих коммунистических союзов в Шанхае в апреле 1927 г., в Ухане (Ханькоу) при поддержке Коминтерна был установлен сепаратистский лево-гоминьдановский режим. Политика Коминтерна по отношению к китайской гражданской войне была основным предметом раздора между бухаринско-сталинским руководством и левой оппозицией в 1927 г.

10. Сталин искал поддержки у молодых коммунистов (комсомольцев), утверждая, что политика Бухарина и Томского в области промышленности и профсоюзов лишает молодежь возможностей трудоустройства.

11. Беседуя за рюмкой вина с Каменевым и Феликсом Дзержинским в 1923 году, Сталин описывал, что больше всего в жизни он любит следующее: «Самое большое удовольствие заклеймить врага, все подготовить, отомстить, как положено, и затем лечь спать». См. Таккер «Сталин как революционер» (Нью-Йорк; Нортон, 1973 г.), стр. 211.

12. Григорий Орджоникидзе, председатель Центральной контрольной комиссии, партийного дисциплинарного органа.

13. Евгений Варга, выдающийся экономист и сотрудник Коминтерна.

14. Пьер Семар, руководитель Французской коммунистической партии, Эрнст Тельман и Артур Эверт, руководители Германской коммунистической партии.

15. 15 июня 1928 г. М. Фрумкин, заместитель наркома финансов, направил в Политбюро письмо, где в тревожных тонах обрисовал последствия политики Сталина в деревне и призвал срочно принять предлагаемые Бухариным меры.

16. Валентин Астров был молодым последователем Бухарина и одним из его заместителей в «Правде». Критическая редакционная заметка была помещена рядом со статьей экономиста Льва Крицмана, восхвалявшего принудительные меры Сталина в деревне.

Нью-Йорк.

ПРЕДЧУВСТВИЕ СТАЛИНИЗМА

ПАЛИТРА

ЗАЛЕЖИ ГЕНИАЛЬНОСТИ

В работах детей из экспериментальной детской архитектурной студии, руководимой московским архитектором Владиславом Ивановичем Кирпичевым *, мы видим небывалые пространственные орнаменты, замысловатые переплетения форм и линий, цвета и света, почти не поддающиеся словесному описанию. Зачарованный зритель теряется в догадках по поводу того, правда ли, что все эти сложные конструкции созданы детьми от пяти до пятнадцати лет от роду.

Многие подозревают Кирпичева в том, что он рисует за своих учеников. Однако это не так. Во-первых, архивы студии столь обширны, что один человек просто физически не смог бы все это создать, а во-вторых, сам учитель признается, что едва ли смог бы повторить эти фантастические композиции. Хотя Кирпичев — талантливый архитектор, завоевавший международное признание, работы его учеников — не плод «подсказок», а результат открытия, лежащего на стыке искусства, архитектуры и педагогики, открытия таких слоев детского воображения и творчества, о которых раньше не подозревали, хотя о неисчерпаемости творческих возможностей детей говорят многие. Так, например, известный советский лингвист Вячеслав Всеволодович Иванов писал: «Я уверен, что каждый ребенок — не вундеркинд, а нормальный ребенок — может невероятно много, а мы косным подходом, неумелым преподаванием как бы забиваем его потенции, шлифуем его изначальную гениальность до гладкой заурядности».

Кажется, Кирпичев на практике подтвердил правильность этого предположения, ибо его ученики не являются избранными, он не производит отбора талантов. Однако парадоксально, что работы его учеников отмечены каким-то недетским совершенством, отточенностью, доведенностью до крайних пределов законченности замысла. В чем же секрет этого открытия?

Во многом искусствоведам и педагогам предстоит еще разбираться, исследуя процессы и механизмы детского творчества. Но кое-что уже и сейчас кажется более или менее ясным.

Прежде всего то, что детское творческое воображение в большей степени открыто фантазии и изобретательству, чем изображению реальности. Ошибкой многих художественных школ является, по мнению Кирпичева, стремление во что бы то ни стало научить детей изображать окружающий мир либо в формах академического реализма, чуждого детям, либо же в формах специфически «детского» рисунка, во многом выдуманного самими взрослыми по известным рецептам: «Точка, точка, запятая, минус — рожица кривая» или: «Это дом с трубой, а это дядя с бородой».

Сама по себе детская творческая фантазия содержит в себе огромные возможности к пространственным и орнаментальным построениям. Открыть эти способности Кирпичеву позволила проектная установка его педагогической системы, ибо он с самого начала старался научить детей не изображать окружающий мир, а проектировать фантастические возможные миры.

В области проектирования этих сказочных миров дети проявляют не только фантазию, превосходящую фантазию взрослого, но и обнаруживают способность к совершенствованию, совсем уже неожиданную для малолетних. Один профессор, побывавший в студии Кирпичева и увидевший сосредоточенно рисующего мальчика, не удержался и спросил его: «Что ты делаешь, милый?». Ответ ребенка поразил профессора, ибо он услышал: «Совершенствуюсь!». Кирпичев разработал такие методы работы детей над рисунком, в которые входит многократное возвращение к замыслу для достижения наиболее точного и сильного результата. Дети делают сотни эскизов, добиваясь небывалой законченности каждой работы, каждого «проекта». В чем же причина такой усидчивости и упорства? Отчасти — все та же свобода, отсутствие внешнего давления. В мире творческой фантазии дети чувствуют себя подлинными хозяевами положения и стремятся довести свои идеи до максимального совершенства.

Я много раз бывал в студии и всегда поражался царящей в ней атмосфере творческой сосредоточенности, непривычной для детей тишины и аккуратности. Здесь нет шума и гама, шалостей и капризов. Увлеченно работают, сидя рядом, дети разных возрастов, каждый занят своим делом и погружен в свой эскиз. Кирпичев не склонен критиковать работы своих учеников, напротив, он постоянно их похваливает, предлагая самим подумать над тем, что можно улучшить или изменить. Такой подход позволяет ему добиться интимного контакта с детьми и создать в студии атмосферу доверия и ответственности. Конечно, энтузиазм учителя заражает учеников, но это энтузиазм вдумчивого поиска, парадоксального сочетания максимальной раскрепощенности с максимальной продуманностью деталей и целого.

Глядя на работу Кирпичева, начинаешь понимать, что же толкнуло его, блестящего молодого архитектора, успевшего в двадцать с небольшим добиться международного признания, уйти в некогда нищенскую детскую студию. Это — стремление к творческому взаимопониманию. Не сумев найти его среди коллег, Кирпичев поставил перед собой задачу воспитать единомышленников и добился этого.

Он добился большего. Студия постепенно завоевывает мировое признание. Кирпичева зовут в Японию и в Америку, результаты его эксперимента интересуют архитекторов и художников многих стран. Выставки работ его кружка объехали полмира. Однако необычность эксперимента ставит перед ее лидером и новые проблемы. Остается не до конца ясно, каковы собственно перспективы и смысл открытых Кирпичевым способностей детей, как можно их использовать. С одной стороны, они подтверждают высказываемую многими, в том числе и профессором Московского архитектурного института Б. Г. Бархиным, идею о необходимости более раннего начала обучению архитектуре. Архитектуре, как и музыке, можно учить с детства. С другой стороны, результаты педагогических опытов Кирпичева выходят за рамки архитектурного образования и указывают на возможности развития детского творчества и мышления в более широком смысле.

Эти более широкие возможности и перспективы и восхищают, и настораживают. У Кирпичева много поклонников, но есть и немало скептиков. Значительность получаемых им результатов настолько расходится с привычным образом детского рисования, что рождается подозрение в том, что Кирпичев убивает «детское» в детях, «досрочно» делая из них мастеров. Сам же Кирпичев представляется таким скептикам кем-то вроде диккенсовского Феджина, эксплуатирующим хрупкое детское воображение. На деле, конечно, ученики любят Владислава Ивановича и в студии царит дружба. Однако за этими подозрениями и скепсисом скрывается и беспокойство, сопряженное с неизведанностью творческой жизни человека, разумных границ воображения и совершенства. За воспитательными утопиями чувствуется скрытый страх перед творчеством, как огромной силой, таящейся в недрах нашего сознания, своего рода атомной энергией фантазии. В какой мере эта энергия созидательна, в какой — разрушительна, мы сегодня еще не знаем.

Однако эта энергия не может оказаться совсем бесполезной. Ведь все энергетические ресурсы на Земле кончаются — кончается нефть, кончается уголь, может кончиться уран. Нескончаема лишь энергия Солнца, образующего на нашей планете свет и ветер, а творческое воображение, если и не рождено самим Солнцем, то принадлежит к числу космических явлений с неисчерпаемостью и неизведанностью их сил и масштабов. Вопрос, который возникает при столкновении с феноменами такой силы, есть по-прежнему вопрос о направленности и границах их разумного использования. Стихия творчества драматична. Значит ли это, что страх или осторожность должны возобладать над желанием как можно скорее раскрепостить эти дремлющие в нас силы природы?

Александр РАППАПОРТ

ОТ РЕДАКЦИИ. Обращаем внимание на то, что в Школе сохраняется принцип бесплатного обучения. Она существует на пожертвования частных лиц и организаций. Сообщаем счет Школы, на который можно перечислить средства на ее развитие: р/с № 362908 Фрунзенского отделения Жилсоцбанка г. Москвы. Школа-студия «ЭДАС» заранее выражает признательность за помощь и поддержку.

*** В марте 1990 года студия получила официальный статус Школа-студия «ЭДАС» Владислава Кирпичева. Учредителями ее стали Всесоюзное объединение В/О «Внешторгиздат» и Московская организация Союза дизайнеров СССР.**

ОГОНЁК

ЛЕЖАВА Гоша,
9 лет.
КРАСНЫЙ ДРАКОН.
1988 г.

ПОЛОМАРЧУК Аглая,
11 лет.
А. ВИВАЛЬДИ.
ВРЕМЕНА ГОДА.
Фрагмент.
1982 г.

СПИЦЫНА Аня, 14 лет. ДВОРЕЦ ТРУДА. 1983 г.

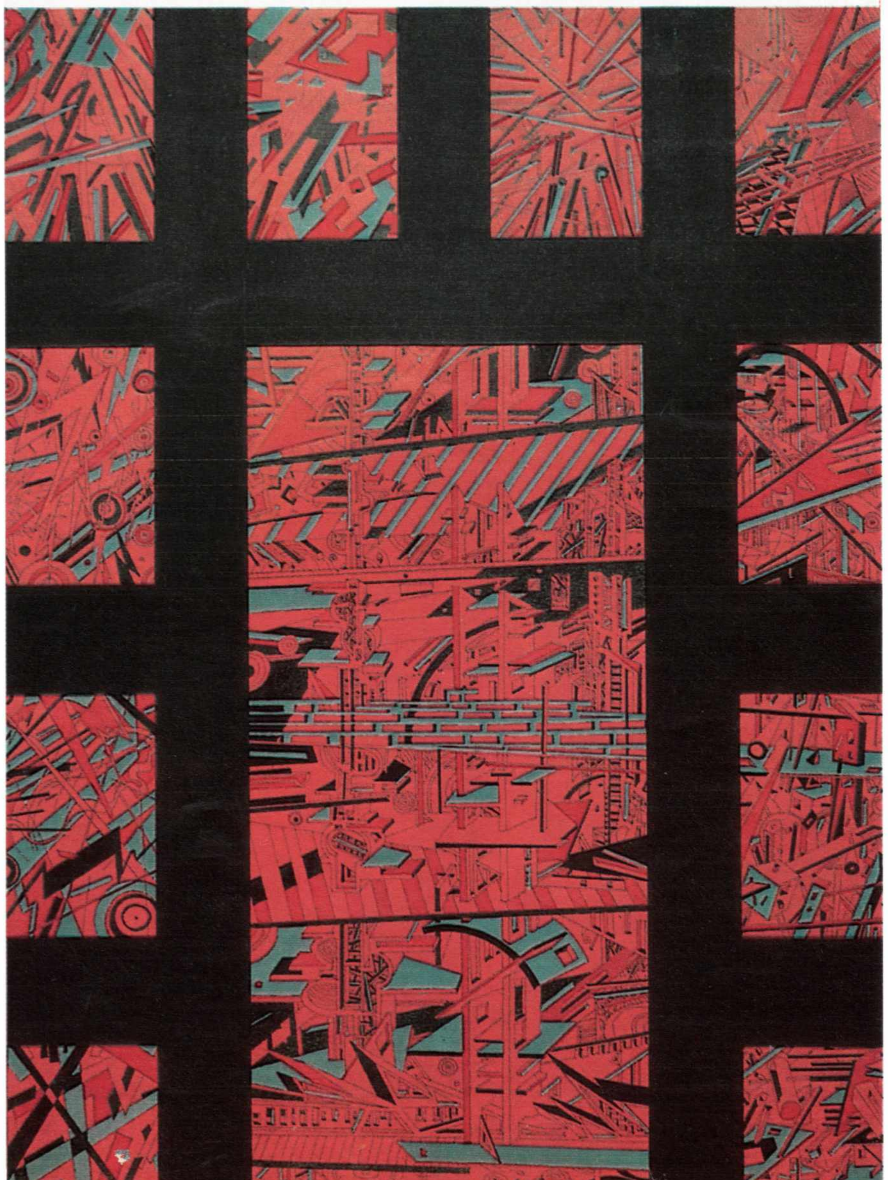

МУНАРЕС Катя, 10 лет. БУКВЫ «Д», «З», «Г», «Х», «П». 1988 г.

МИНИНА Маша, 8 лет. ДОМ САДОВНИКА. 1983 г.

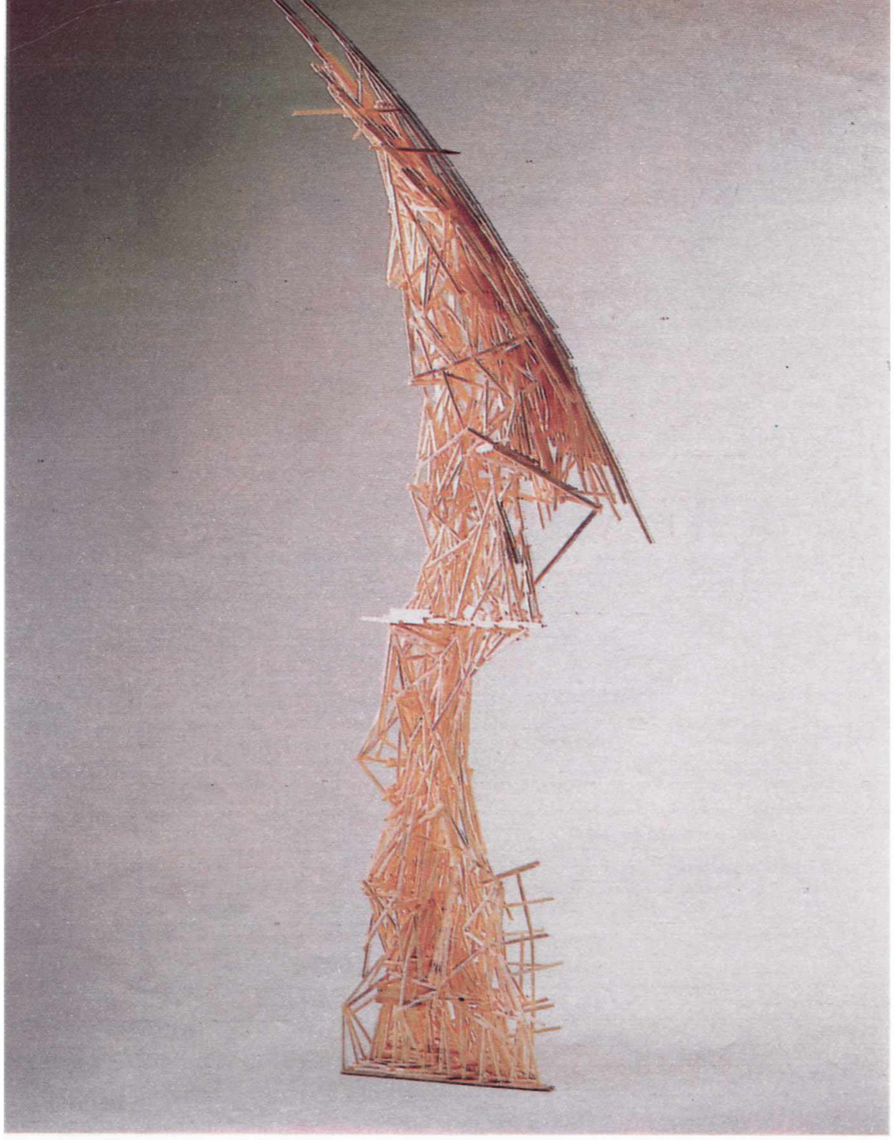
ЧУМИЧЕВ Геннадий, 14 лет. АРХИТЕКТУРНЫЙ ОРНАМЕНТ. 1988 г.

Коллективная работа. ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО. 1986—1987 гг.

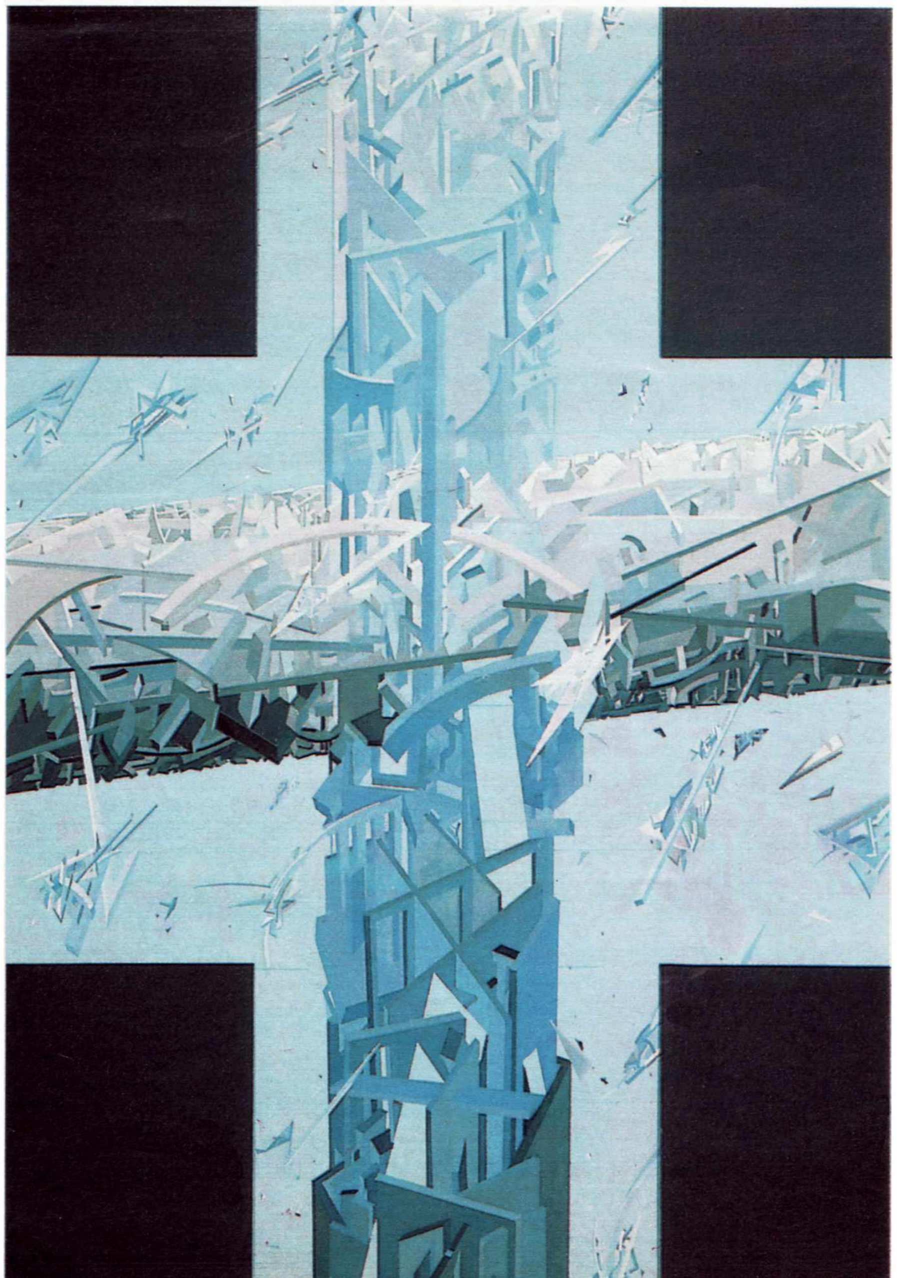

КИРС Саша, 8 лет. НЕБОСКРЕБ. 1989 г.

ЛЕЖАВА Саша, 15 лет. ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ. 1989 г.

ТУЛУПОВ Владислав, 14 лет.
ВЕРТИКАЛЬНО-ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ НЕБОСКРЕБ. 1988 г.

ЧУМИЧЕВ Геннадий, 15 лет. БАШНЯ-ПРИЗРАК. 1989 г.

МИНЕНКОВ
Антон,
16 лет.
ДОМ-ГОРОД.
1988 г.

БАРЫШНИКОВ Максим, 16 лет. ДОМ-СТЕНА. 1988 г.

В «Большом Жанно», в этой «повести об Иване Пущине», странно и привлекательно переполненной самим автором Натаном Эйдельманом, его мыслями и страстями, его, как мы выражаемся, «комплексами», есть замечательное место. Пущин, сам тому несколько удивляясь, вспоминает, что 14 декабря на Сенатской, где судьбы трагически переламывались, где ожидалась то ли победа, то ли, что куда вероятнее, гибель, «было весело». Смеялись, шутили, чуть не озоровали. «Чем дальше и страшнее — тем веселее мне было». Больше того: «Именно у самого конца, когда уж стемнело,— апогей надежды и стало быть веселья!»

Сам Эйдельман прожил счастливую, веселую жизнь — об этом нынче, поминая его, говорят многие, и это чистая правда,— при том, что так много досталось ему злого, несправедливого, даже унизительного. Не говоря, может быть, о главном (хотя все это вместе и образует главное — общую нашу обездоленность добром), не ходя дальше его публикации, которая перед вами, скажу, что он почти всю свою жизнь пребывал «невыездным». Это он-то, можно сказать, гений архивных разысканий, которого сама зазывавшая его заграница прельщала не только новизной впечатлений, до коих он тоже был по-детски жаден, но больше и прежде всего стремлением порыться в тамошних архивах и сыскать нечто бесценное...

Однако я — о его веселости, чья причина, быть может, наиглавнейшая, была в том же, чем объяснял свою легкость, казалось бы, уж никак не приличествующую моменту, Пущин: «поводом к веселью было, думаю, чувство, что выбор сделан и дело сделано: худо-бедно, а сделано».

Да! Натан Эйдельман был человеком безошибочного выбора — я не только о призвании говорю, тем паче, что непонятно, кто тут кого выбирает: человек ли свое призвание или призвание — человека. Весьма и весьма доступный самокопанию и самоосуждению, в одном Эйдельман не колебался никогда: высказаться или промолчать, поступить так или этак, идти ль по прямой или обогнуть опасное место: абсолютное чувство нравственного превращало в ненужность даже доводы логики, каковыми мы так часто прикрываем свои сомнения, усталость или робость.

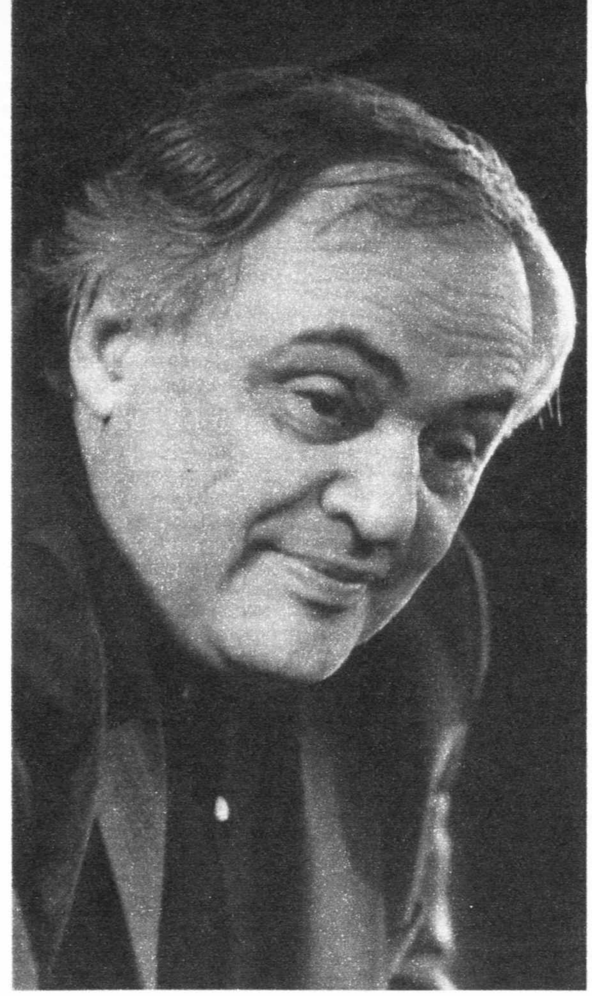
Выскажу то, что высказывать трудно, ежели не рискованно.

Я ловлю себя на ощущении: всякая новая беда, приключившаяся после смерти Натана Эйдельмана (кончина Сахарова... кровь в Закавказье... да хоть бы и погромно-победный энтузиазм «Памяти»), сопровождается в моем сознании мыслью: хорошо, что Эйдельман этого не узнает... Нет, нет, тут не до утешений, я их и не хочу; просто знаю, какой непосильной мукой обернулось бы для него все это, столь несопоставимое. Все мы страдаем, как умеем; он, человек счастливый в работе, в любви, в друзьях, страдал бы — да и страдал без всякого «бы» — мучительней нашего. Вот мы и живы, а он умер.

«Время лечит». Возможно. Но я сторонюсь этой умудренности и не хочу подниматься выше тех слов, что написал (но не опубликовал) на другой день после смерти Натана. Вот этих:

«Противоестественнейшее из самых противоестественных состояний, когда проклинаешь и презираешь свое литературное ремесло: ушел... Да не ушел, нечего прятаться: умер твой друг, а ты сидишь и подбираешь слова. В минуты, когда и слов-то нету, не должно быть, когда естественней всего помолчать.

Тем не менее произнести придется: Эйдельмана больше нет среди живых. Он умер, не дожив до шестидесяти, и всем нам, из которых больнее всего мне думать о его восьмидесятивосьмилетней маме, предстоит еще это осознать. Потому что пока не осознали.

«Когда человек умирает, изменяются его портреты» (Ахматова). И слова, казавшиеся при жизни не слишком серьезными, кажутся или оказываются пророчествами. Одна из последних фраз, которую Натан сказал жене, когда его везли на «скорой», была: «Вот видишь, я же всегда говорил, что умру в пятьдесят девять». Да, говорил. И объяснял: не он сам, а его герои, люди, о которых он писал не потому, что выбирал их (наоборот, они выбирали его), подсказывают ему его судьбу. Александр Герцен, Иван Пущин, Михаил Лунин, Николай Карамзин умерли в этом возрасте или около того. Но кто из нас думал, что это окажется правдой? Вообще — пока ваш друг рядом с вами, пока вы, по общей дурацкой привычке отделываясь взаимными шуточками, старательно скрываете, до какой степени любите, уважаете его, преклоняетесь перед ним, способны ли вы загодя вообразить, как обездолит, опустошит вас его смерть, сделав одинокими на миру?

А Натан даже мешал этому сознанию. Мешал тем, что был легким,— не потому, что была легка его жизнь, напротив, потому что умел легко нести и выносить доставшиеся ему тягости, несправедливости, оскорбления. Вернее, умел казаться легким,— думаю, не так уж много людей понимало, какой ценой доставалась эта легкость. Теперь-то поймут: объяснит нелепо ранняя смерть, сердце, которое терпело и не вытерпело. Разорвалось.

Придет время, которое не надо торопить, и мы поймем, что сделал Натан Эйдельман для русской культуры. Мы найдем слова, которые точно обозначат его место в ней. Впрочем, главное даже не в степени или ступени. «Я наконец в искусстве безграничном достигнул степени высокой»,— говорит неглупый персонаж российского гения, изучению которого Эйдельман отдал, по сути, всю свою жизнь; у него, у Сальери, хватает ума понять: искусство безгранично, но не хватает мудрости, дабы осознать: коли так, высота степени — дело десятое. Эйдельман сумел добиться того, что выше всяких честолюбий: он стал необходимым звеном нашей культуры. Представить себе, что его могло не быть, невозможно.

Я сейчас думаю о многих, которых его смерть ударит, осиротит, и, зная, что никого не обижу, говорю им: умер лучший из нас. Самый добрый. Самый совестливый. Наверное, и самый талантливый. Мы можем сколько угодно утешать себя тем, что остались книги, часть которых еще не вышла; можем, наоборот, терзаться сознанием, что восхитительные его замыслы не будут реализованы. То и другое справедливо. И совершенно несправедливо то, что все это сейчас кажется второстепенным по сравнению с тем, что нет и больше не будет удивительно яркого во всех своих проявлениях, шумного, живого Натана. Но горе не располагает к рассудительной взвешенности.

Мне жаль всех нас, друзей и читателей Эйдельмана; мне эгоистически жаль себя самого. Нам придется привыкнуть к мысли, что его нет. И это ужасно.

30 ноября 1989 года».

...А все-таки и с «веселости» я, наверное, начал не зря — тем более с той, что, как сказано, укреплялась, «чем дальше и страшнее». «Именно у самого конца... апогей надежды».

Натан Эйдельман был оптимистом, отличаясь и этим от многих из нас. Я, например, в самые черные минуты кидался звонить ему, а уж он четко и толково, обращаясь к закономерностям истории, убеждал, что все идет именно так, как и должно идти, и то, что кажется предсмертной судорогой, есть симптом неизбежного выздоровления.

Вот и поэтому тоже его сегодня так мучительно недостает.

Станислав РАССАДИН

ТАКИЕ ЛЮДИ...

Натан ЭЙДЕЛЬМАН

Недавно я вернулся из Стэнфордского университета, где в течение более чем двух месяцев ежедневно, кроме выходных дней, работал в архивах входящего в этот университет Института войны, мира и революции — Института Гувера. Создатель его Герберт Гувер, известный американский деятель АРА, организации, которая стремилась помочь России в послереволюционные годы. На создание этого института Гувер пожертвовал крупные суммы денег. Были и другие пожертвователи, что позволило в результате создать могучий архивный центр. Если иметь в виду русские материалы, то это безусловно архив номер один на земном шаре. Русских материалов, конечно, немало и в других архивах, например, в Колумбийском университете в Нью-Йорке, в Национальной библиотеке в Париже. Но Гуверовское хранилище — это не просто уникальная коллекция. Американцы тратили свои деньги не только на приобретение уже готовых материалов. Специально заказывались и щедро оплачивались самые разные мемуары. И прекрасно! Страшно подумать, каких драгоценных документов, воспоминаний, свидетельств мы могли бы недосчитаться.

Помню, лет пятнадцать назад я был на одном узком совещании историков, и кто-то из участников пожаловался: «Мы читаем только нашу литературу, разрешенную к выдаче в Ленинской библиотеке. А вот американцы и французы читают у себя то, что мы читаем, плюс то, что у нас лежит в спецхране, и плюс то, чего у нас и в спецхране нет. Естественно, они куда более эрудированы». На это председатель собрания возразил: «Зато мы не пускаем их в свои архивы». Тут кто-то спросил: «А они нас?» Было сказано, что наши не особенно-то и едут. Ну, время тогда было, конечно, иное. Теперь ездят много, часто, но и сегодня продолжается сложившаяся традиция: во Францию едут наши специалисты по Франции, в Америку — по Америке и так далее. Неудобно, что ли, признавать нам, что за границей великое множество русских документов? К счастью, традиция эта уже нарушается. Сегодня ездят специалисты и по русской культуре. Я, разумеется, не первый.

Итак, изначальный крупный фонд, который поступил в архив Гувера,— это архивы русских посольств в Париже, Вашингтоне, посольств, которые прекратили свою деятельность, так как власть переменилась.

Затем уже упомянутая АРА, много помогавшая Советскому Союзу. Председатель АРА Голдер несколько лет провел в нашей стране, и, как сейчас выяснилось, некоторые деятели культуры и искусства, опасаясь обысков, отдали ему свои мемуары, когда в 1923 году он уезжал отсюда. В частности, в архиве Гуверовского центра профессор Терри Эммонс совсем недавно обнаружил сенсационный материал, который уже издан по-английски и, надеюсь, выйдет и у нас. Это дневник крупнейшего российского историка Юрия Владимировича Готье, ученика Ключевского, академика, умершего во время войны. Он вел дневник с 1917 по 1923 год. Каждодневное описание событий с точки зрения человека «из бывших», масса интереснейших наблюдений. И хотя там есть множество вещей, которые нам сегодня читать не слишком приятно, другого столь сенсационного дневника крупного ученого, жившего в то интересное время, мы не знаем.

Затем в Гуверовский архив стали поступать самые разные документы эмиграции.

И тут я вступаю, так сказать, в сферу щекотливую. До сих пор об эмигрантских архивах, эмигрантских материалах мы говорили свысока: «Несмотря на то, что он находился в эмиграции, он сохранил любовь к родине...» Отсюда ясно, что тот, кто не пошел в эмиграцию, эту любовь безусловно сохранил. Но это, как известно, далеко не безусловно...

Я думаю, пора уже внутренне покончить с идеей о том, что эмиграция — это нечто низшее, требующее извинения. Очень многие документы, сохраненные эмиграцией, стали тем культурным фактором, за спасение которого ей надо сказать спасибо.

Хочу назвать хотя бы некоторые материалы. Огромный фонд семьи Струве, Петра и Глеба. Материалы знаменитого революционера-террориста, в основном разоблачителя разных тайн, в частности тайн, связанных с Азефом, Владимира Львовича Бурцева, который боролся с царизмом, но с 25 октября 1917 года боролся с правящим режимом. Гигантские материалы «Народной воли», Веры Николаевны Фигнер. Эмигрантская библиотека. Архив генерала Андерса, богатейшие материалы о Польше, материалы Геббельса. Перечислять их — дело пустое. Эти материалы нужно всячески находить, вылавливать, бороться за составление справочников по эмигрантским изданиям. Тем более что если справочники эти раньше не выдавались, то теперь мы дожили до времени, когда их, к счастью, стали выдавать. В Ленинской библиотеке все более и более заполняется шкафчик, на котором написано: «Издания, переведенные из специального хранения в общее». В частности, одно из таких переведенных изданий — список русских материалов в архивах США. Довольно большую часть этого списка занимает как раз опись русских материалов Гуверовского центра.

Удивительна судьба многих документов. Проходят десятилетия, и они приобретают особенную роль. Вспоминаю эпизод, только что ставший мне известным. 1939 год. Начинается советско-финская война. Прямо скажем, не самая яркая страница отечественной истории. Как позже назовет ее Твардовский — «та война незнаменитая». Двухмиллионная Финляндия против двухсотмиллионного Советского Союза. Разумеется, никаких протестов, в том числе и литературных, в нашей стране в это время и быть не могло. А вот 31 декабря 1939 года в известной парижской газете «Последние новости» был напечатан протест против вторжения советских войск в Финляндию, где говорилось: «Позор, которым покрывает себя сталинское правительство, напрасно переносится на порабощенный им русский народ, не несущий ответственности за его действия. Мы утверждаем, что ни малейшей враждебности к финскому народу, к его правительству, ныне геройски защищающим свою землю, у русских людей никогда не было и быть не может». Под этим документом подписываются Зинаида Гиппиус, Тэффи, Бердяев, Бунин, Зайцев, Алданов, Мережковский, Ремизов, Рахманинов, Набоков. Я считаю, что русская литература может гордиться этим документом. И таких примеров довольно много, поэтому не будем вздыхать об эмигрантских судьбах, начнем со вздоха о самих себе.

Подвигом множества людей, и особенно тех, кто участвовал в революции, было само создание архива в Стэнфорде — скопление там гигантского количества рукописей, которые погибли бы либо пропали, либо — увы — еще много лет пролежали бы в спецхране. Говоря об этих архивах, которые так нужны стране и культуре, я прежде всего скажу о двух людях, чье собрание там представлено. Это Борис Иванович Николаевский и Николай Владиславович Вольский, известный под псевдонимом Валентинов. Эти фамилии есть во многих книгах, справочниках Полного собрания сочинений Ленина. Валентинов — один из обруганных героев «Материализма и эмпириокритицизма»: Валентинов, Юшкевич, Базаров.

Кто же эти люди?

Прежде всего они долго прожили, что вряд ли им удалось бы при других обстоятельствах. А долгая их жизнь была для них, если можно так сказать, производственной необходимостью.

Николаевский родился в 1887 году в Орловской губернии в семье священника. Умер в Стэнфорде в 1966-м. Его жена, Анна Михайловна Благина, еще несколько лет продолжала его дело, пока его фонд не поступил в Гуверовский институт. Николаевский был меньшевик, возражал против большевистских методов революции, против определенных принципов, провозглашенных большевиками. Тем не менее он считал, что может остаться в России и принести ей пользу. С 1917 по 1919-й он был директором Историко-революционного архива. Потом вдруг попал в тюрьму, раз-другой. После второго выхода из тюрьмы он переехал в Берлин, но до 1932 года оставался корреспондентом Института марксизма-ленинизма, и в наших журналах и газетах появлялось много статей за его подписью. С 1932 года его статьи уже не появлялись.

За это время он собрал огромную коллекцию рукописей. Его личность не затерялась среди войн, революций, наступающего фашизма, кризисов. Он казался таким же основательным, как сам Центр истории на бульваре Перонде-Росс. Один из корреспондентов писал, что своим невозмутимым, спокойным характером Николаевский вызывал у людей доверие. Он казался незыблемым и вечным. Борису Ивановичу Николаевскому стали сдавать свои архивы те, кто опасался, что бумаги их вот-вот пропадут: жена Плеханова, эсеры, даже кое-кто из большевиков. Несли бумаги анархисты, потомки Герцена, Радищева. Не случайно к нему на беседу пришел Николай Иванович Бухарин во время своей последней зарубежной поездки.

Когда в Германии победил фашизм, Николаевский переехал во Францию, а оттуда в Соединенные Штаты. Часть материалов ему удалось вывезти, а часть осталась во Франции, была обнаружена фашистами и в конце концов стала нашим трофеем. Во всяком случае, мне известно, что в Центральном архиве Октябрьской революции и в Институте марксизма-ленинизма сосредоточены собрания рукописей Б. И. Николаевского. По всей видимости, это, во-первых, документы, отражающие связь Николаевского с советскими научными учреждениями до начала 1930 годов, а во-вторых, вполне вероятно, что это и есть та часть архива, которая была спрятана Николаевским во Франции в 1940 году.

Николаевский вывез сотни тысяч документов. Гуверовский институт взял его на службу с условием, что он будет комплектовать и расширять этот архив, а затем завещает свой архив институту. Знаменитый корреспондент Гаррисон Солсбери, живший в Москве, говорил: «Да я в Москве и одной десятой не вижу и не понимаю того, что видит и понимает Николаевский, сидя в Калифорнии».

Николай Владиславович Валентинов, из дворян Тамбовской губернии, живший по соседству с Плехановым, знавший Ленина, вначале большевик, потом меньшевик,— тоже крайне интересная фигура. Он был отличным экономистом. С Лениным он крепко рассорился в 1904—1905 годах, по поводу чего написал интереснейшую книгу «Встречи с Лениным». Извлечение из нее было у нас напечатано — тот фрагмент, где приводятся высказывания Ленина о Чернышевском. Как экономисту-теоретику, Валентинову очень не понравился военный коммунизм и очень понравился нэп. На исходе нэпа он написал письмо Ленину, и — у нас нет оснований не верить этому — Мария Ильинична ответила ему, что Ленин был тронут этим письмом. Валентинов был заместителем главного редактора «Торгово-промышленной газеты», крупным работником ВСНХ, где проработал много лет. Он говорил: «Нас была группа инженеров, экономистов, преимущественно меньшевиков, к счастью, нас защищал, одобряя нашу работу, председатель ВСНХ Дзержинский. И мы считали, что, хотя мы не большевики, но коль скоро мы с ними, приносим пользу России, то дело, может быть, сделаем». Но уже надвигались тучи. Валентинов благодаря хорошему знанию языков, благодаря личной дружбе с Рыковым отправился корреспондентом ВСНХ в Париж. В 1931 году, когда назрел процесс меньшевиков, он решил остаться за границей, сильно бедствовал, побывал в «перемещенных лицах», но, сохранив полную ясность ума, прожил долгую жизнь — с 1879 по 1964 год.

Валентинов собрал архив не такой большой, как Николаевский, но все же — более трех тысяч документов.

Собрания этих двух людей представляют, я бы сказал, украшение Гуверовского архива.

Довольно рано эти два замечательных человека начали переписываться. В одном из первых писем в 1945 году Валентинов пишет Николаевскому: «Мы с вами больше других знаем, что творится в России, но на самом деле мы не имеем права с уверенностью говорить о чем-либо, что творится в этой стране. Там, в СССР, происходит что-то важное, но у нас нет органа для восприятия этого важного, важнейших элементов познания советской действительности, и познания внутрисоветских отношений у нас нет».

Приглядываясь к этим людям, чьи имена были до недавнего времени у нас запретными, я понял, в чем состоит их исключительная роль, которая сейчас с каждым днем увеличивается. В 1948 году Валентинов писал: «Никто ничего не знает, почти никто не уцелел. Поэтому наша задача как можно больше сохранить». Господи, как тогда они были далеки от нас, и казалось бы, что нам за дело, что они там собирают. Но вот проходит двадцать, тридцать, сорок лет, и выясняется, что это делалось для нас.

Некоторое время назад, выступая с трибуны Съезда народных депутатов, Валентин Распутин, желая, видимо, как-то подчеркнуть недостатки Съезда, сравнил его с Государственной думой. Но Государственная дума — первый шаг к российской демократии, и шаг достаточно крупный. Сказав — грузины, мол, пусть не обижаются, но они ведут себя, как Чхеидзе, Распутин полагал, очевидно, что грузины невероятно обидятся сравнением их с крупным меньшевиком, председателем Учредительного собрания Грузии, потом эмигрантом, покончившим жизнь самоубийством скорее всего от тоски по родине. А между тем мы сейчас совершенно иначе смотрим на значение и роль таких людей, как Чхеидзе.

В «Московских новостях» было недавно сказано, что уже реабилитируем троцкистов, бухаринцев, но почему не меньшевиков и эсеров? Само слово «реабилитируем» предполагает некую вину, некое прощение. Многие же из этих людей — примечательные и удивительные люди русской культуры с огромными знаниями, подчас уникальными...

И Николаевский, и Валентинов, оба пишут замечательно, главное — неравнодушно. У Валентинова слог ярче, недаром он работал у Власа Дорошевича в «Русской мысли», в «Русском слове». Просто очень талантливый писатель. Николаевский же скорее сухой ученый.

Читаем их письма дальше. Валентинов пишет: «Кто бы мог представить себе, что ультрареволюционные наши российские республиканцы, свергатели самодержавных тронов, снимавшие корону и голову с царя Николая Второго, что они через пятнадцать лет превратятся в рабов, и со смертным страхом, невероятным пресмыкательством и дрожью будут ползать на коленях перед вышедшим из их же среды красным царем, всемогущим диктатором Сталиным».

А вот другое высказывание, которое как-то и неудобно читать при живом авторе, но уж очень здорово написано. «Дорогой Николай Владиславович,— пишет Нина Берберова Валентинову 4 сентября 1953 года,— меня так восхищает в вас то, что вы не лезете никуда со своим литературным самолюбием, которого у вас нет, потому что вы счастливейший из смертных. Вы осуществили себя во всем, не затаили про себя обиду на мир и людей. Не затаили зла на его источник, и знаете, что все — суета сует, что важно в жизни — только прежде всего освобождение личное, которое у вас, конечно же, осуществлено, как ни у кого на свете. Что вы стали свободным, познавшим истину — сами знаете, какую. Что вас не мучит по ночам мысль, что вам было уготовлено место Маленкова, которое у вас отняли злые бяки, которым вы непременно еще покажете, и проч. и проч. Боже, как чудно жить на свете таким людям, как вы, и, может быть, я, которые не ждут увидеть лишний раз свое имя в печати и не ждут двух строк в Британской энциклопедии, а радуются любви, солнышку, дружбе, собственному настроению и познанной истине. Напишите мне в двух словах, понимаете ли вы, о чем я сейчас говорю, права ли я. Уверена, что и на то, и на другое вы ответите утвердительно. И не наказывайте меня пожалуйста молчанием».

Вот такое у них, эмигрантов, было напряженное и нервное рассматривание России. Но когда Дмитрий Иванович Чижевский — ученый, который был у нас обруган десятикратно как ярый антисоветчик, пишет в хрущевские времена (в 1960 году) Николаевскому: «Ну что в России изменилось? Это сталинизм без Сталина», Николаевский отвечает ему: «Нет, все-таки это не так. Почитайте теперешнюю их беллетристику, почитайте их лирику. Это люди, дорвавшиеся до свежей воды, после длительных скитаний по пустыне. А ведь при Сталине на всякие личные чувства и переживания был в общем наложен запрет. Потому что люди, которые имеют такие переживания, куда менее пригодны для сталинских экспериментов».

И Николаевский, и Валентинов были уверены, что сохранить и записать надо все. Только Николаевский считал, что писать нужно объективно, а Валентинов возражал: «Всякое личное воспоминание должно быть правдивым и художественным. Оно неизбежно должно исходить не из холодного рассудка, а именно из страстей, присущих пишущему. Тогда это будет его правда».

Какие же материалы они собрали? Смерть Николая I; убийство Александра II; Герцен и Огарев; княгиня Юрьевская, морганатическая жена Александ-

ра II, умершая в 1922 году, у нее сохранился обширный архив (уезжая после убийства Александра II из России, она все увезла с собой). Масса материалов, связанных с Горьким, в том числе поразительные письма писателя по поводу процесса эсеров в 1922 году, когда Горький пишет Рыкову, что нельзя давить интеллигенцию в нашей неинтеллигентной стране: «Они очень ценны, поймите это!». Масса материалов имеется по 1917 году. Рассказы десяти авторов о заложниках во времена военного коммунизма. История князя Долгорукого, в 1926 году перешедшего границу с целью выяснить, как обстоят дела в Советском Союзе,— его расстреляли в ответ на убийство Войкова. Огромный архив по НКВД, боксов десять по меньшей мере: структура, зарплата, воспоминания сотрудников, список личного состава, составленный Николаевским по разным источникам.

Огромная картотека от Жданова до Берии.

Трагические происшествия тридцатых годов — стихийные бедствия, взрывы, крушения, о которых не упоминалось в советской печати. Огромный материал по ГУЛАГу. Обширный польский материал. Николаевский к тому же написал небольшую работу о Маленкове. В общем, от Радищева до Брежнева. Самая древняя рукопись, которую я нашел,— это список «Путешествия из Петербурга в Москву». (Кстати, любопытнейший эксперимент проделал Бурцев, этот страстный разоблачитель всех правительств. Сидя в тюрьме, сначала в царской, потом в советской, он перевел «Путешествие из Петербурга в Москву» на современный язык, чтобы легче было читать его любимую книгу.)

Я уже упомянул, что Валентинов написал биографию Ленина. У нас она пока еще выйти не сможет: Валентинов пишет про авторитарность Ленина, про его талантливость, и пишет искренне. Он сам пошел за Лениным и объясняет почему. «Ведь мы окружены людьми, которые хныкают, которые ничего не знают, которые говорят, кто же покажет? Приходил Владимир Ильич, молодой, энергичный и говорил — так и так. У него была ражь». И Валентинов, споря с Николаевским по вопросу о роли личности в истории, категорически настаивал, что без Ленина в России не было бы революции: «У него была ражь, гипноз, он мог бы и десять революций сделать. Я вам точно говорю, гипноз». Потом Валентинов с Лениным разругались, но перед смертью помирились.

Есть в Гуверовском архиве несколько неизвестных писем Горького к Ленину, где Горький ругается с Лениным, сравнивает его с протопопом Аввакумом, пишет, что он, как протопоп, со всеми шел на кулачки, что он, Горький, так не может, это не интеллигентный разговор.

В 1961 году Валентинов пишет Николаевскому: «Вот тут не знаю, поместят ли мое сочинение. Коммунистическим изданиям нужно, чтобы я был полный апологет, а другим изданиям надо, чтобы я мазал черной краской. А сказать по правде, ну как я могу отрицать, что Ленин был мне крайне симпатичен». И далее в скобках: «И сознаюсь, при том, что я совершенно не принимаю его систему, я не могу отделаться от этой симпатии и сегодня».

И Валентинов, и Николаевский ставили своей задачей изучать Ленина как человека, совершившего революцию, как великую личность. Им это было важно и интересно, и при этом они были совершенно свободны. Во многих письмах они спорят, от кого пошла идейная родословная Ленина. Николаевский все-таки делает упор на марксизм. А Валентинов говорит: народничество плюс Чернышевский, плюс якобинцы.

После войны во Франции усиливаются коммунистические настроения, масса эмигрантов получает советские паспорта. Валентинов пишет: «На нас косятся: почему мы не едем в Советский Союз? Моя Валентина Николаевна, у нее есть две вещи, которых она ждет: во-первых, что нас вышлют в Советский Союз, а во-вторых, что Сталин будет короноваться в Успенском соборе. Но я надеюсь, что минет нас чаша сия».

И вдруг элегическая нотка, грусть по России. Валентинов — Николаевскому: «Вот вы один из немногих людей, которые пили чай и заедали яблоками: это по-нашему, по-тамбовски».

И снова в переписке тема нэпа. Валентинов: «Мы впряглись в нэп. Значит, мы ошиблись, когда думали, что это всерьез и надолго, а Сталин все скрутил. Мы допустили страшную ошибку, мы не понимали». Но любопытная нравственная патетика: «Ну и что, надо было эмигрировать? Следовало ли впрячься в нэп? Следовало». Это, наверное, весьма нравоучительно и вполне применительно к сегодняшнему дню. Ведь результат никогда не известен, окончательные результаты вообще невозможно предсказать. Мысль остается, идея остается, неудача тоже остается. Но все сделать для успеха — это нравственно. Помочь крестьянам, помочь развитию рынка.

Валентинов и Николаевский опрашивали многих эмигрантов целенаправленно, тщательно изучали прессу. Кстати, крупнейшей частью этого архива являются, строго говоря, вещи неархивные, уже опубликованные. У Николаевского, например, можно найти все сколько-нибудь интересные вырезки из всех газет мира о деле Берии. С его, Николаевского, собственным комментарием. Его, кстати, интересовало, какой была бы программа Берии в случае прихода к власти. В частности, по ряду источников он «нащупал» ряд демагогических, как он написал, «движений в сторону мужика» — роспуск колхозов и что-то в этом роде.

Читая огромное количество материалов по тридцатым годам, я вдруг неожиданно для себя начал соотносить их с современностью. Иногда и не хочешь сопоставлять, но сравнение выходит само собой. Вот, например, запись Валентинова, как будто нигде не опубликованная: «Весной 1931 года в Закавказье, в Армении, в районе медных рудников Зангезура, произошло громадное землетрясение. Несколько тысяч человек из живущего здесь армянского населения были убиты и ранены. Погибли многие тысячи скота, десятки селений разрушены до основания, население осталось без очага, пищи и крова. Сверху был дан приказ не плодить тревожные сведения. Советская пресса молчала, ничего не сообщала о землетрясении. Армянская коммунистически настроенная писательница Мариэтта Шагинян все-таки решила замолвить слово перед Кремлем в пользу несчастных соотечественников. Она хотела показать, что разоренное население Зангезура нуждается в скорой помощи, и особенно палатках, чтобы не ночевать в горах под открытым небом. Но как только Шагинян решилась на такой призыв, перед ней сразу стал труднейший вопрос, в какой форме бросить SOS. Можно ли было крикнуть: «Помогите голодным несчастным людям, потому что эти люди ваши братья»? Подобный аргумент был в то время неубедителен и никакой цены не имел. Жалостью к человеку никого не проймешь. Тем более не проймешь толстую, жирную кожу господ из Кремля. И вот Шагинян постаралась сделать так, чтобы на призыв власти обратили внимание. И она начала говорить и писать не о страданиях людей, а о страданиях меди. Она написала, газета «Известия» 9 мая 1931 года: «Затягивая помощь Зангезуру, затягиваешь выполнение плана по меди. Каждая палатка над лишенной крова крестьянской семьей будет сейчас агитировать за лишний пуд меди, и каждая ночь, проведенная под открытым небом, неизбежно сорвет нам этот пуд меди». Валентинов завершает: «В немногих словах видно многое». Так неожиданно связь времен выступает сама собой.

Так же, как и сообщение десяти человек о чудовищном взрыве, который произошел 23 августа 1939 года на Магаданском рейде, что, разумеется, стало государственной тайной и практически никому не известно до сих пор. Погибло три или четыре тысячи человек. Причем об опасности такого взрыва предупреждали заранее. После него последовали еще и казни. Однако частично об этом печаталось в эмигрантском «Социалистическом вестнике», который выходил с 1921 года по 1965-й и где увидело свет немало публикаций.

Многое мы знаем из того, о чем писали друг другу Валентинов и Николаевский. Но есть вещи, о которых, мне кажется, мы знаем меньше. «Кроме массы всяческих беззаконий, связанных с коллективизацией, убийством Кирова,— пишет Николаевский,— следует говорить также о ряде планомерных огромных операций, которые в известном смысле подготовляли массовые операции по различным выселениям во время войны». Во-первых, сообщается о выселении корейцев и китайцев с Дальнего Востока. У нас часто говорят, что выселение началось во время войны, но это не точно. Николаевский и Валентинов тонко показывают, что те методы, которыми руководствовались при выселении калмыков, татар, отрабатывались много раньше и на жителях российских земель — на казачестве, на немцах Поволжья, а до этого на китайцах и корейцах. Приводится цифра: с Дальнего Востока выселено три — три с половиной миллиона человек. Значительная часть отправлена в полярные края, в Якутию. Руководили операцией Дерибас и Никишов, знаменитый потом начальник Дальстроя. Фамилии названы, факты собраны. Разумеется, это мемуары каких-то очевидцев, наверное, пленных.

Далее идет анализ одного из самых известных дел — Кубанское дело. 1932—1933 годы. Кубань — зажиточный край, с особенно сильным кулацким сопротивлением. Размеры выселенных — два миллиона человек. Репрессировано, умерло в тюрьмах и расстреляно — приблизительно одна четверть. Например, станица Александровская, в ней было две тысячи человек, а стало двести.

Вторая операция — Тамбовско-Воронежская. Основная идея заключалась в том, что Тамбов — традиционно бунтарское место еще со времен антоновщины. Поэтому там проводились огромные принудительные акции, правда, без смертной казни.

Еще одна операция. Считается, что после дела Кирова «чистили» только Ленинград. На самом деле, существовало кодовое название всей операции — «Шесть городов»: Москва, Ленинград, Киев, Харьков, Ростов, Одесса, в результате чего на выселение было отправлено около полумиллиона человек.

В 1948 году Николаевский вполне научно пишет: «Китай, несомненно, скоро выступит против Чан Кай Ши, будет красным, а еще через десять — пятнадцать лет отделится от социалистической системы. Уход Китая неизбежен». И они с Валентиновым уже моделируют возможные отношения между Китаем и Советским Союзом, хотя Китай еще не стал «красным».

Далее оба обрушиваются на западный империализм. Колониальный мир распадается, революция идет, левые силы растут. Колониальным странам подбрасывают доллары, когда у них наводнение, что только усиливает классовую борьбу, революционное движение. Надо бы лучше эти доллары дать тамошним феодалам, чтобы они отдали землю крестьянам. Запад должен там устроить свою, по-своему сделанную революцию, иначе их оттуда погонят поганой метлой. Вот примерно такой, вполне грамотный экспертный анализ.

Какие варианты видели Николаевский и Валентинов для развития Советского Союза? Вариант первый: сохранение сталинизма. И тогда крах. Дело в том, что они уже в 1946—1948 годах видят наступающую вторую промышленную революцию. И хорошо понимают, что Сталин этого не видит, поскольку в Советском Союзе кибернетика, генетика — все это лженаука. Наиболее вероятным для них представляется второй вариант: закамуфлированный сталинизм. Кто-то из «птенцов сталинского гнезда», как выражается Николаевский, даст смягченный вариант сталинизма с некоторыми отступлениями, что в конце концов продлит режим, хотя принципиально вопроса не решит. А затем два эксперта-эмигранта поссорились и даже почти перестали разговаривать — из-за споров о будущем России. Николаевский утверждает, что тоталитарная система в нынешних условиях не может эволюционировать в демократию. А Валентинов говорит: «Еще как может!» У него даже проскальзывает мысль, что только из тоталитарной она и может вырасти.

Разбирается и третий вариант — движение к парламенту, возможность существования в будущей России мощного государственного сектора с приличным частным и кооперированным. Многоукладная система. Будет ли это через десять, двадцать, тридцать лет — неизвестно, но все три варианта будущего российского развития даются с достаточной убежденностью.

Оба торопятся, им жалко времени. «Мне шестьдесят девятый год,— пишет Валентинов,— по русскому возрасту даже многовато».

Они оптимисты. Берберова в одном письме замечает: «Каждый истинный демократ обязан быть оптимистом. Иначе он не верит в массы — какой же он демократ». Николаевский пишет: «Если не быть оптимистом, жить было бы нельзя».

На этой ноте завершается переписка Николаевского и Валентинова.

В Стэнфордском университете я свой цикл лекций объединил названием «Связь времен». Связь XVIII—XIX веков с сегодняшним днем. Для этого мне надо было изучить людей, которые одним концом биографии уходят во времена Герцена и Плеханова, а другим — в наши дни. Оказывается, все довольно близко. В 1935 году эмигрант-историк Сватьков пишет, что его матушка в Таганроге в молодости училась у престарелого Павла Александровича Радищева, сына Александра Николаевича Радищева. Он выучил матушку, а матушка выучила Сватькова. И он даже по-французски говорил с женевским акцентом, потому что матушка говорила с этим акцентом, так ее выучил учитель Радищев, который выучился у своего отца в конце XVIII века, а у отца учитель был из Женевы. Значит, этот акцент передан от учителя из эпохи Екатерины II через несколько звеньев человеку, который дожил до начала второй мировой войны. Но это нормальное явление. Все переплетено, и все оказывается необычайно близко. Вот эта связь, этот стык времен и есть моя тема. И если в моем рассказе произошел перехлест в сторону современного, то только оттого, что Николаевский и Валентинов для меня олицетворяют эту связь. Роль этих людей, как и честных, серьезных ученых в нашей стране, будет возрастать. Термин «эмиграция» начнет стираться. Все понятнее будет, что у нас единая культура. Все больше и больше мы будем оценивать подвиг тех, кто не впал ни в пресмыкательство, ни в черную ненависть. Несколько десятилетий тому назад мы поняли, что не можем обойтись без прозы Бунина; сейчас мы понимаем, что в литературе не обойдемся без Ходасевича, Ремизова, Набокова. И все больше и больше будем понимать тех, кого раньше называли социал-предателями, эсерами, меньшевиками, и прочая и прочая.

В данном случае я старался представить вам значительных деятелей русской науки и культуры.

Публикация Юлии Мадоры-Эйдельман.

ПОЧТА «ОГОНЁК»

■

Угроза исчезновения самобытной национальной культуры нависла, как известно, над многими народами Сибири и Дальнего Востока. Об остроте ситуации свидетельствуют материалы, полученные этой зимой во время совместной экспедиции Института проблем освоения Севера СО АН СССР и Хельсинкского университета к сургутским ханты.

Зимнее стойбище. Четыре крыши почти вровень со снегом, огороженные жердями, чтобы не покушались олени. Из заостренных кольев шалаши для хранения мяса и рыбы, кучки спиленного сушняка, собачьи конурки. И святые места, охотничьи угодья, речные заводи... Здесь живет род, насчитывающий 18 человек, дружная коммуна из четырех семей.

Самый замечательный человек на стойбище — глава рода. В известном смысле это классический образец мудреца. Он помнит не только хантыйские песни, но и ненецкие, услышанные в далекой юности (а ему около 80 лет). Главное же — его отношение к жизни, благодарность за нее, глубоко продуманная и прочувствованная концепция обязательной доброты.

Конечно, чтобы выжить, требуется огромный повседневный труд. Утрата даже части угодий ставит под угрозу сбалансированные отношения человека с природой.

За то время, что мы были на стойбище, недалеко от него дважды прошел вездеход. На этот раз, правда, обошлось без охоты на домашних оленей. Что значат эти визиты? Оказывается, сейсмологи запланировали съемку местности на ближайшие три года. Начальник отряда объяснял встревоженному главе общины, что бояться надо не их, а нефтяников, что их работа экологически безвредна, что стране нужно знать свои сырьевые запасы... Землеустроитель района подписал бумаги на проведение работ, выделены средства, набраны люди... В общем, до боли знакомая тема об интересах страны против эгоизма двух десятков людей, единственное желание которых — жить так, как они хотят.

И что могут возразить эти люди, отстаивая свои права? Что на месте оставленных на время избушек (а оленеводство заставляет менять стоянки четыре-пять раз в году) они находят следы бульдозера? Что их бывшие охотничьи угодья пересекает железная дорога? Что лучшая в этих местах речка стала безрыбной? Что на границах их земель стоят две буровые? Что уходить дальше некуда?..

(От себя хочется добавить: «экологически чистая» сейсморазведка подразумевает просеки через каждые 800 метров и взрывные работы. Хороший хозяин не вырубает лес для того, чтобы посмотреть, а нет ли тут еще чего-нибудь?)

И еще. Громкое наступление индустриальной цивилизации неизбежно воспринимается как вмешательство людей одной национальности в жизнь другой. Я думаю, что национальные конфликты — слишком дорогая цена за плановую работу по освоению недр, никому не дающую ни радости, ни удовлетворения.

О. ДОНСКИХ,
зав. лабораторией
Института проблем
освоения Севера СО АН СССР
Новосибирск

■

Я бы хотел коснуться вопроса «эксплуатации человека человеком». На этот счет в последнее время бытует мнение: «Так что же, появятся богатеи, кулаки, а мы пойдем к ним в батраки?» Я не буду говорить о том, какую долю заработанного получает труженик госпредприятия, сколько лет колхозники работали «за палочки» и т. д. Хочу сказать о другом.

На Мелитопольщине многие хозяйства выращивают черешню. Для сбора это весьма трудоемкая культура, многие годы часть урожая погибала: не хватало людей на съеме (за норму, которую весьма непросто выполнить, платили около 3 руб.). Но как только разрешили рассчитываться продукцией, от желающих не стало отбоя. «Дикие бригады» буквально штурмуют колхозных руководителей. За право попасть на съем даже дают взятки, претенденты всю зиму занимаются обрезкой, работая на холоде и получая по 2,5—3 руб. в день, работают даже на колхозном кирпичном заводе. В сезонники идут учителя, юристы, врачи. Некоторые устраиваются по звонкам из райкома. Смешно подумать, что вся эта публика, с такими усилиями добивающаяся права стать сезонниками на черешне,— бесправные батраки, добровольно всунувшие шею в ярмо.

Современные радетели о будущих батраках почему-то забывают о настоящих батраках — «шефах», которых на прополку, уборку сена, овощные базы посылали в принудительном порядке, работа которых была исключительно малопродуктивной, а платили за нее гроши. Не худо было бы также подумать: кто согласится работать у «кулака», если условия у него будут хуже, чем в колхозе или на производстве. Не будут же приписывать к «кулацким хозяйствам», как когда-то к уральским заводам Демидова.

Мне самому не раз приходилось быть в роли и «эксплуататора», и «батрака». Затеяв переоборудование печного отопления в водяное, я нанял, частным образом разумеется, сантехника-сварщика. Материалы мои. За работу мастер запросил по 70 рублей в день. Я безоговорочно согласился: таких, как я, много. Помогал в поте лица, работая едва ли не больше самого мастера, ставил магарычи, искренне благодарил. Тут я был эксплуататором.

Как к агроному-садоводу ко мне часто обращаются с просьбой обрезать сад. Иногда соглашаюсь и, если хорошо поработаю световой день, могу заработать не хуже сантехника — 50—100 рублей. Часто ко мне приезжают бригадиры, председатели колхозов, шапку ломают: сделай разбивку площади под посадку сада, сулят любые условия (работа эта своеобразная, далеко не всякий агроном-садовод с нею справится). Соглашаюсь я не всегда — и годы не те, и работа тяжелая и ответственная. И как только меня, «батрака», при этом не уговаривают! О том, чтобы торговаться по части оплаты, и речи нет.

Спрашивается: к чему все это нагнетание страха перед «батрачеством»? Кому это выгодно? В первую очередь, разумеется, тем, кого вполне устраивает существующее положение вещей. Речь идет не только о тех, кому жаль терять руководящее кресло, но и о тех, кто привык плохо работать и иметь хоть и скудный, но гарантированный «заработок». Впрочем, об этом уже сказано достаточно.

А. ВЕСНИН,
агроном-садовод, участник войны
Мелитополь

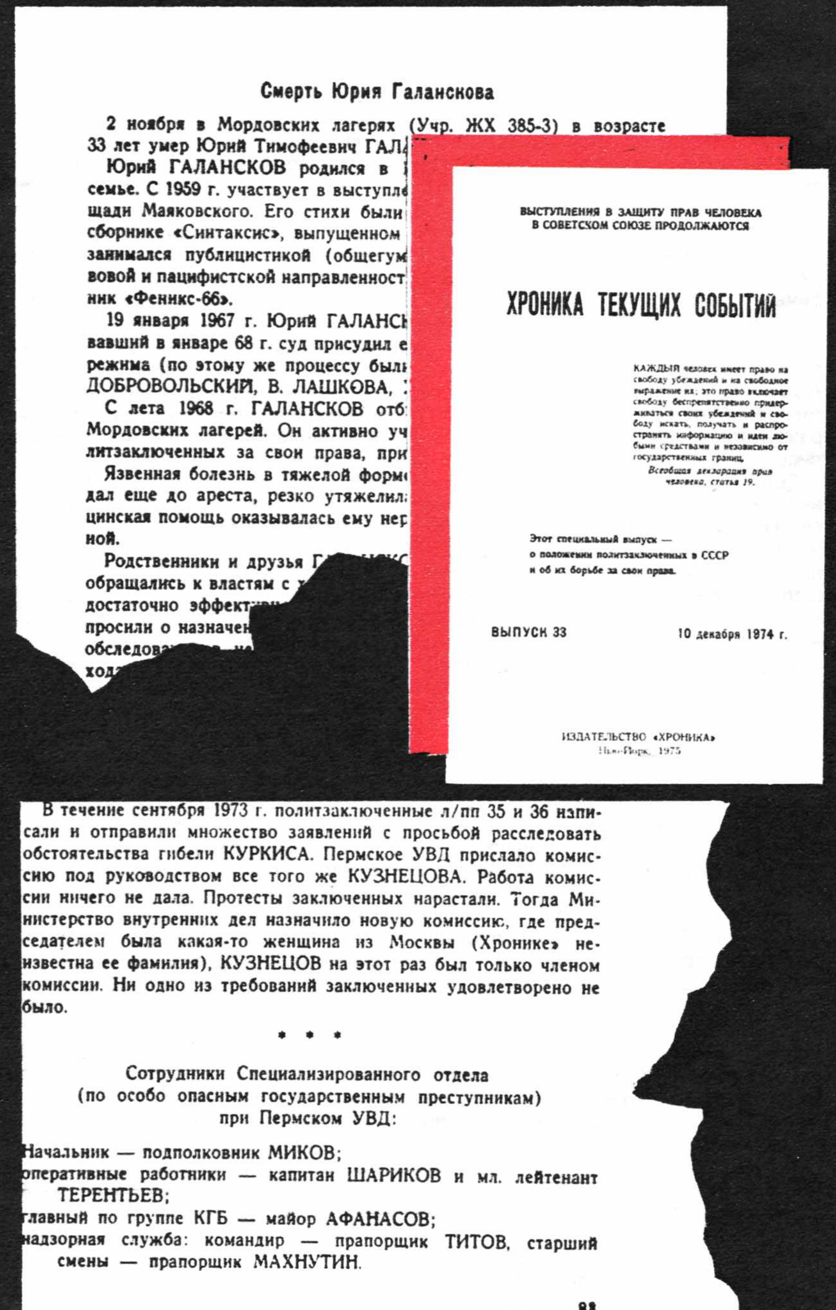
10 декабря 1948 года Генеральная Ассамблея ООН утвердила и провозгласила Всеобщую декларацию прав человека. Декларация призывала все народы и страны защищать честь и достоинство отдельной личности, соблюдать права человека. Ибо личность выше государства, выше политики, выше мертвой догмы.

«Каждый человек имеет право» — эта фраза звучит рефреном почти в каждой статье Декларации. 10 декабря 1968 года исполнялось 20 лет со дня принятия Декларации. Этот год ООН торжественно провозгласила Годом прав человека.

Одним из самых непримиримых борцов за права человека был Советский Союз. Борьба протекала трудно, поскольку велась за пределами страны. Гарантией соблюдения прав человека внутри страны считался текст Конституции СССР.

Напротив, текст Декларации у нас известен был мало; чтение и распространение его не поощрялось.

ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ПРАВО

Смерть Юрия Галанскова

2 ноября в Мордовских лагерях (Учр. ЖХ 385-3) в возрасте 33 лет умер Юрий Тимофеевич ГАЛ
Юрий ГАЛАНСКОВ родился в
семье. С 1959 г. участвует в выступле
щади Маяковского. Его стихи были
сборнике «Синтаксис», выпущенном
занимался публицистикой (общегум
вовой и пацифистской направленност
ник «Феникс-66».
19 января 1967 г. Юрий ГАЛАНС
вавший в январе 68 г. суд присудил е
режима (по этому же процессу были
ДОБРОВОЛЬСКИЙ, В. ЛАШКОВА,
С лета 1968 г. ГАЛАНСКОВ отб
Мордовских лагерей. Он активно уч
литзаключенных за свои права, при
Язвенная болезнь в тяжелой форм
дал еще до ареста, резко утяжелил
цинская помощь оказывалась ему не
ной.
Родственники и друзья Г
обращались к властям с
достаточно эффект
просили о назначен
обследова
ход

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

КАЖДЫЙ человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Всеобщая декларация прав человека, статья 19.

Этот специальный выпуск — о положении политзаключенных в СССР и об их борьбе за свои права.

ВЫПУСК 33 — 10 декабря 1974 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХРОНИКА»
Нью-Йорк, 1975

В течение сентября 1973 г. политзаключенные л/пп 35 и 36 написали и отправили множество заявлений с просьбой расследовать обстоятельства гибели КУРКИСА. Пермское УВД прислало комиссию под руководством все того же КУЗНЕЦОВА. Работа комиссии ничего не дала. Протесты заключенных нарастали. Тогда Министерство внутренних дел назначило новую комиссию, где председателем была какая-то женщина из Москвы («Хронике» неизвестна ее фамилия), КУЗНЕЦОВ на этот раз был только членом комиссии. Ни одно из требований заключенных удовлетворено не было.

* * *

Сотрудники Специализированного отдела
(по особо опасным государственным преступникам)
при Пермском УВД:

Начальник — подполковник МИКОВ;
оперативные работники — капитан ШАРИКОВ и мл. лейтенант ТЕРЕНТЬЕВ;
главный по группе КГБ — майор АФАНАСОВ;
надзорная служба: командир — прапорщик ТИТОВ, старший смены — прапорщик МАХНУТИН.

83

ХРОНИКА (гр. chronikos — относящийся ко времени) — запись исторических событий в хронологической последовательности, летопись, один из основных видов средневековых исторических сочинений...

Словарь

Илья МИЛЬШТЕЙН

Юрий ГАЛАНСКОВ

Анатолий ЯКОБСОН
Ирина КАПЛУН

30 апреля 1968 года в Москве вышел первый номер самиздатского бюллетеня «Хроника текущих событий». Отпечатанный на машинке бюллетень содержал информацию о политических процессах в Москве и Ленинграде; о протестах в связи с преследованиями; о преследованиях в связи с протестами — словом, знакомил читателей с достижениями советских властей в области прав человека.

О себе «Хроника» сообщала скупо: «год издания первый». Тут у пытливого читателя возникало правильное предположение, что издание рассчитано надолго. Был и эпиграф — статья 19 Всеобщей декларации прав человека: **«Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ».** Стиль изложения — сухой, безоценочный, жесткий — свидетельствовал о строго информационном характере машинописного бюллетеня.

Искушенному читателю-«шестидесятнику» жанр был уже знаком.

Оттепель давно кончилась. Набирала силу кампания проработок, развернувшаяся не столько в прессе, сколько «на местах». Упорствующих травили на собраниях, выгоняли со службы, исключали из партии. Увеличивалось число осужденных по политическим статьям. Письма в их защиту еще собирали немало подписей, однако едва ли кто из подписантов уже надеялся кого-нибудь спасти... «Пишите нам, пишите, а мы прочтем, прочтем»,— пел от лица «родного ЦК» Юлий Ким, за маской веселого циника скрывая общее настроение безнадеги. Дискуссии постепенно перемещались из аудиторий на кухни городских квартир. Спорили больше между собой. Диссидентство становилось способом жизни для тех немногих, кто иначе жить не мог и не хотел.

Резкое поправение режима не явилось для них неожиданностью. Опыт разгрома был уже накоплен в предшествующие годы, как и умение извлечь из поражения победу. Нехитрое это умение заключалось в том, чтобы со всеми подробностями запечатлеть картину разгрома. Люди записывали, что и как случалось с ними, с их друзьями и единомышленниками. Слово в слово.

Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы — Несторы и Пимены —

пел Александр Галич... В самиздате наравне с Булгаковым, Оруэллом и Шаламовым ходили записи суда над Бродским и собрания в московской школе, где изгонялась за вольномыслие учительница В. Герлин, «Белая книга» А. Гинзбурга и многое другое.

Сила этих документов заключалась в их абсолютной, протокольной беспристрастности, превращавшей серьезное мероприятие в сеанс юридического и нравственного стриптиза. (Нечто подобное мы увидели и в стенограммах недавних пленумов правления СП РСФСР — традиция не прерывается.) Увлекательное было чтение. Причем юридическая безграмотность судей, прокуроров или проработчиков была важнее их нравственной ущербности. Дело ведь не в том, что плохие судили хороших... Нарушался закон. Попиралась Конституция. Самиздатские хроники описывали эти события со всей наглядностью и убедительностью. Так возникало правозащитное движение — пожалуй, самое важное и морально обоснованное из всех течений диссидентства.

«Соблюдайте свои законы!» — этот призыв, явно или между строк, содержался впоследствии чуть ли не в каждом плакате, развернутом на площади, или письме, с которым интеллигенция обращалась к власти. Ответом были репрессии. Общая беда сплачивала. В 1969 году была создана Инициативная группа защиты прав человека в СССР, позднее — Комитет прав человека, комитеты защиты верующих, хельсинкские группы... Многие члены этих организаций участвовали в изготовлении или распространении «Хроники текущих событий», все — упоминались в ней.

Академик А. Д. Сахаров называл «Хронику» самым большим достижением правозащитников.

В цивилизованных странах летопись дней пишут газетчики. Это не доблесть, это работа, за нее платят деньги. В наших условиях цель сделать «текущие события» достоянием гласности могла показаться невыполнимой. Какими путями горстка людей, постоянно находящихся под угрозой ареста, намеревалась добывать правдивую информацию в огромной закрытой стране, где засекречены целые заводы и города, где нет статистики, где глушат передачи иностранных радиостанций, где народу не положено знать даже количество своих генералов, не то что осужденных по политическим статьям?..

Обращаясь к читателю на исходе 1968 года, «Хроника» (№ 5) предупреждала, что **«ни в какой степени не является нелегальным изданием, но условия ее работы стеснены своеобразными понятиями о легальности и свободе информации, выработавшимися за долгие годы в некоторых советских органах... Тем не менее каждый, кто заинтересован в том, чтобы советская общественность была информирована о происходящих в стране событиях, легко может передать известную ему информацию в распоряжение «Хроники». Расскажите ее тому, у кого вы взяли «Хронику», а он расскажет тому, у кого он взял... Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача».**

Впрочем, мало кто из гостей, приходивших в славную на всю Москву квартиру историка Петра Якира, не знал, что второй ящик его письменного стола предназначен для «Хроники». Оттуда листочки изымались и передавались в надежные руки.

Конспирацию, особенно на первых порах, соблюдали не слишком. Опыт вырабатывался годами под методичным наблюдением сотрудников КГБ, часто не утруждавших себя соблюдением профессиональных приличий и следивших за подопечными в открытую. Когда долго бегаешь от родного государства, обостряется чувство опасности. В той странной, противоречивой жизни, которую вели правозащитники, не принято было скрывать ни убеждений своих, ни мыслей. Это называлось — явочным путем утвердить свое право. А с другой стороны, когда касалось дела, приходилось иногда не доверять ни телефону, ни почте, ни близким, ни друзьям. Внешне жизнь оставалась прежней: работа, дом, семья, хлопоты. Но рядом была и другая жизнь, где от вовремя спрятанной за подкладку шубы крамольной рукописи или удачно выбранного места встречи с иностранным корреспондентом зависели судьбы десятков людей.

ХРОНИКА «ХРОНИКИ»

Закономерно: едва появившись на свет, «Хроника» стала летописью и своей судьбы. Поэт, переводчик, организатор и первый редактор «Хроники» Наталья Горбаневская была арестована 24 декабря 1969 года. В числе прочих обвинений ей предъявили сбор информации о политзаключенных Владимирской тюрьмы, напечатанной в том же 11-м выпуске «Хроники», что и сообщение об аресте поэта. Суд, проходивший в отсутствие обвиняемой, признал ее душевнобольной и назначил принудительное лечение. Эмигрировала во Францию в 1976 году.

После ее ареста редактором стал филолог Анатолий Якобсон. В 1973 году ему тоже пришлось эмигрировать. Пять лет спустя в состоянии тяжелой депрессии покончил с собой.

Вместе с А. Якобсоном и после него «Хронику» редактировали педагоги Галина и Илья Габай, литературовед Габриэль Суперфин, поэт Юлий Ким... Следует сразу отметить: «Хроника» была плодом коллективного творчества, так что деление на редакторов и участников чаще всего условно.

Сбор информации был трудным делом. Не придешь ведь в обком или на Лубянку, не предъявишь удостоверение: я, мол, из «Хроники», хотелось бы узнать подробности некоторых событий. Сообщения шли по цепочке, от одного к другому, как в детской игре... Круг корреспондентов увеличивался, все шире охватывая территорию Союза. Появились «узкие специалисты» — по самиздату (обзор его делали и профессиональные литераторы), по национальным движениям, по разделу «Вести из лагерей»...

Сообщения из лагерей «Хроника» печатала начиная с первого своего выпуска. Над папиросными клочочками этими, свернутыми в трубку или квадратик, исписанными мельчайшим почерком, чудом переданными на волю, часами сидели с лупой, расшифровывая каждую полустертую букву. Привозили их и родственники со свиданий, и освободившиеся зеки. Привозили, рискуя никогда больше не получить свидания, схлопотать новый срок. Стремление оповестить о беззакониях пересиливало страх. Так «Хроника» узнала о процессах прошлых лет, сообщив «более 500 фамилий осужденных по политическим статьям до 1968 г. и примерно о 50 помещенных в спецпсихбольницы до этого времени» (Л. Алексеева. «История инакомыслия», США, 1984).

Из мест заключения пошел поток сообщений в «большую зону». Из СССР — на Запад. С Запада, по «голосам» и в тамиздате,— обратно в СССР. Мир узнавал об условиях труда и быта в лагерях и тюрьмах, о нормах питания в них, о забастовках и голодовках протеста, о повадках администрации — все с именами, датами, сроками, должностями. На языке следователей, прокуроров и судей (щедро упоминаемых в летописи) это называлось «клеветой на советскую действительность». Особенно их бесило, что «враги» узнавали про нашу жизнь — с общественным мнением Запада приходилось считаться.

Одним фактом своего существования «Хроника» объединяла людей самых разных положений, убеждений и верований. На последних страницах в указателе имен встречались академик и рабочий, старый большевик и православный священник, монархист и еврей-отказник. Всех уравнивал приговор: лагерь, тюрьма, ссылка, психушка...

«Хроника» была летописью, но в самой сухости и беспристрастии ее заключались живая боль и пристрастье. Нельзя вытащить из лагеря, но можно спасти от забвения — сегодня, сейчас, в эту минуту и — в будущем.

...врублю глушилок разнобой,
расслышу срок — и имя —

о способе «обратной связи» московский поэт Ю. Карабчиевский рассказывает и лаконично, и точно. Человек, заключенный в тюрьму, имеет право надеяться, что он не оставлен, что о нем помнят. Автор самиздатского сочинения имеет право надеяться, что его рукопись не канет в Лету. Священник, лишенный прихода за вольномыслие, имеет право надеяться, что общественность знает о его участи. Участник национального движения имеет право надеяться, что судьба его народа небезразлична другим!

Человека, о котором заговорил вдруг весь мир, труднее убить. Тысяча невидимых нитей связывает его с людьми, помогая выжить в самых бесчеловечных условиях. «Даже в худшем случае мне не угрожает забвение,— писал родителям в 1974 году из пермского лагеря врач Семен Глузман (письмо шло на волю, минуя лагерную цензуру).— Благодаря моим товарищам, знакомым и незнакомым, благодаря "Хронике текущих событий"». Одна юная свидетельница, почти девочка, так ответила на вопрос суда: «Хроника текущих событий» существует для того, чтобы людям стала известна правда о закрытых процессах...» («Архив «Хроники» № 1, 1975).

Ради этого, собрав материалы для очередного выпуска, и сходилось в московской квартире несколько человек. Случалось работать за плотно занавешенными окнами, с отключенным телефоном, дни и ночи подряд, без сна и прогулок, как в карцере,— соседям полагалось думать, что квартира пустует. Сообщения — «сырье» — переписывали набело, превращая в «полуфабрикат», который затем подвергался жесткой редактуре, отсеивавшей все, что представлялось сомнительным либо недостоверным. «Товар» передавался машинистке.

Первые, тонкие номера «Хроники», выходившие аккуратно раз в два месяца, печатались иногда «шикарно» — в полтора интервала, на хорошей бумаге. Когда «Хроника» стала выходить реже, резко увеличился ее объем. «Эрика» брала не четыре, как в песне Галича, а все пятнадцать копий — сплошняком, без интервалов, на папиросной бумаге...

Две закладки по 15 копий — тираж. 30 экземпляров. На всю страну. «Этого достаточно».

...На Западе писали, что, по подсчетам специалистов, «Хронику» выпускает научно-исследовательский институт.

ХРОНИКА «ХРОНИКИ»

В начале 70-х по Москве ходили упорные слухи о закрытом Пленуме ЦК, где будто бы разгорелся спор о том, что делать с диссидентами, и в частности с «Хроникой». Передавали, что выступил Ю. Андропов и сказал так: «Хронику» можно уничтожить одним ударом, для чего потребуются массовые аресты (и он назвал цифру). Но стоит ли игра свеч? Разразится скандал, который скажется на репутации государства и серьезно повредит нам в международных контактах...» И будто бы кто-то резко возразил ему с места: мол, лучше один большой скандал и — кончить, чем эти нескончаемые скандальчики!

В середине января 1972 года по Москве, Ленинграду и другим городам прокатилась волна обысков по неизвестному ранее «делу № 24». Целенаправленно искали (и находили) экземпляры крамольной летописи. В Вильнюсе арестовали и бросили в психушку историка Вацлава Севрука. В Москве арестовали астронома Кронида Любарского. **«В последующие полтора месяца на допросы в КГБ были вызваны все (кроме ЯКИРА), у кого производился обыск, и их родственники и знакомые. Из допросов стало ясно, что следствие в основном интересует вопрос об изготовлении и распространении «Хроники текущих событий»** («Хроника» № 24, 1972).

Весной прошла новая серия обысков.

В конце июня арестовали Петра Якира, в сентябре — другого известного диссидента, экономиста Виктора Красина.

Вот беда: и не хочу писать об этом, и обойти нельзя. Помню, в детстве смотрел по телевизору пресс-конференцию, где твердо каялись заклятые «враги народа» — Якир и Красин. И сомневался с пионерской проницательностью: искренне ли они жалеют о содеянном или только из страха? Позже выяснилось: каялись, потому что боялись. Во время следствия прозвучала угроза судить за измену Родине — по расстрельной 64-й статье. Опыт борьбы с демократическим движением в новейших условиях привел КГБ к мысли, что недостаточно и порой глупо только сажать инакомыслящих, попутно создавая им ореол мучеников. Проще и эффективнее — скомпрометировать; подмоченные репутации — опозоренные идеи. Тогда и на Западе поутихнут крики, и своя интеллигенция призадумается. Расчет почти оправдался: правозащитное движение пережило глубокий кризис, а имена «раскаявшихся» долгие годы звучали горьким упреком диссидентству. Сегодня скажем о трагической судьбе Виктора Красина и Петра Якира, узников сталинских лагерей, для которых сама мысль о новом длительном заключении или камере смертников оказалась невыносимой. По-настоящему ведь виновен не тот, кто сломлен, а тот, кто ломал.

...В сентябре арестован математик Юрий Шиханович. В октябре — суд в Ногинске над К. Любарским. 5 лет лагерей. 4 ноября Ирина Якир получила свидание с отцом в кабинете Лефортовской тюрьмы.

Читатель, вы не устали еще от слов «политзаключенный», «арест», «лагерь», «психушка», от обилия различных имен и схожих судеб? Что делать, какое время, такой и словарь. Трудно читать, а надо. В оценке вчерашнего дня, несмотря на все разоблачения прессы, пока пребываем в благостном полузнании. Иногда даже ностальгически вспоминаем о том, что и сахару было погуще, и люди сердечнее, и народы сливались в любви братской, и женщин на площадях не убивали, ну разве что хулиганы пошаливали да поэты уезжали за рубеж, так ведь на то они и поэты, беспокойный народ...

Когда сегодня в сотый раз повторяют сказку о том, что «партия начала перестройку и доведет ее до конца, невзирая на трудности, которые невозможно было предвидеть», то не хочется даже возражать, скучно. Хочется лишь спросить: а чего, собственно, вы не ожидали? Три десятилетия опальные экономисты, публицисты, политологи, та же «Хроника» предупреждали вас о социальных и национальных взрывах, которые сотрясают ныне страну,— не верилось или времени не было почитать? Хорошо, а референты тогда на что с их закрытыми сводками?

Поговорим о дружбе народов.

«В середине мая в ряде мест Узбекистана происходили массовые национальные волнения в форме стихийных собраний и митингов... Волнения приняли такую острую форму, что в Ташкент были стянуты войска. В Ташкенте и других городах было задержано около 150 человек, большинство было отпущено, человек 30 получили по 15 суток за «мелкое хулиганство»...

В Узбекистане происходят также волнения среди многочисленного таджикского населения. В Бухаре, где живет очень много таджиков, во вновь выдаваемых паспортах таджикам в графе «национальность» стали писать «узбек». Принцип «разделяй и властвуй» не сработал, и гнев таджикского населения обрушился не на узбеков, а на инициаторов нововведения... Месть за оскорбленное национальное чувство выразилась в страшной форме: произошли... убийства. Волнения продолжаются».

Нет, это не из нынешних газет. Эти печальные события случились в «спокойном» 1969 году («Хроника» № 8). Листая страницы летописи, нетрудно убедиться, что практически все межнациональные узлы завязывались не сегодня. Тот же Карабах. Или движение турок-месхетинцев. Или немцев Поволжья. Прибалты никогда не забывали о пакте Молотова — Риббентропа, стремясь в условиях оккупации сберечь генофонд нации и сохранить своеобразие национальных культур. Пассивное сопротивление сменялось акциями религиозного, гражданского, национального протеста. На стенах домов по ночам появлялись сакраментальные надписи. Происходили стихийные митинги и демонстрации. Существовала подпольная пресса. С 1972 года выходила «Хроника Литовской католической церкви», материалы которой обозревались московской «Хроникой». Все то же, что и везде: гонения за веру, аресты, суды, приговоры. И даже самосожжение каунасского школьника Ромаса Каланты. И таинственные убийства священников. И страх. И ненависть к ни в чем не повинным русским — на улицах, в магазинах, в кафе...

Торжество национальной политики.

Особенно мощным в те годы было движение крымских татар за возвращение в Крым, на родину предков, откуда их депортировали в 1944-м. Письма протеста в ЦК собирали десятки тысяч подписей. Примечательно, что к движению присоединялись и люди других национальностей — писатель А. Е. Костерин, опальный генерал П. Г. Григоренко, школьный учитель Илья Габай... И жестоко расплачивались за это.

Вот — наугад — эпизод этой долгой и до сих пор не оконченной борьбы маленького народа за справедливость.

В Москве **«6 июня 1969 г. ... состоялась демонстрация крымских татар на площади Маяковского... Участвовало 5 человек: ЗАМПИРА АСАНОВА, ЭНВЕР АМЕТОВ, РЕШАТ ДЖЕМИЛЕВ, АЙДЕР ЗЕЙТУЛАЕВ, ИБРАИМ ХОЛОПОВ. В 12 час. 15 мин. около памятника Маяковскому они развернули свои лозунги: «Да здравствует ленинская национальная политика», «Коммунисты, верните Крым крымским татарам», «Прекратить гонения на крымских татар», «Свободу генералу Григоренко». На последнем плакате была фотография П. Г. Григоренко.**

Вокруг демонстрантов собралась большая толпа, человек 300, окружившая их кольцом, но не решавшаяся подойти совсем близко. Толпа молчала, было два выкрика: «Не надо было продавать Россию!» Демонстрантам никто не предлагал разойтись. Постовые милиционеры ушли со своих постов и, посовещавшись, пробрались в толпу, из толпы выбрали человек 10 по каким-то известным им признакам. И уже эти люди пробились через толпу к демонстрантам и, изображая народный гнев, хватали их... Они весьма профессионально заламывали демонстрантам руки, а две женщины из их числа били демонстрантов зонтиками. Демонстранты не сопротивлялись. РЕШАТ и АЙДЕР кричали: «Да здравствует свобода!» «Ишь ты,— сказал милиционер,— свободы тебе захотелось». Вместе с демонстрантами была задержана стоявшая около них ИРИНА ЯКИР.

...В настоящее время дальнейшим репрессиям подвергается РЕШАТ ДЖЕМИЛЕВ» («Хроника» № 8).

Существовало и русское национальное движение. Некоторое время в Москве выходил самиздатский журнал «Вече», материалы которого аннотировались в «Хронике». Первый редактор «Вече» Владимир Осипов в дальнейшем был арестован и заключен в лагерь.

Никакого отношения к русской идее не имели новоявленные теоретики национал-социализма. «Хроника» (№ 7) рассказала о так называемой группе Фетисова, писавшего об «исторической необходимости» тоталитарных режимов Гитлера и Сталина, ставших надежным оплотом в борьбе с «еврейским хаосом». Сам Фетисов в 1968 году вышел из партии, протестуя против проведенной в 1956 году десталинизации... Абсолютная нетерпимость властей к любому инакомыслию выразилась в том, что Фетисов и три его сподвижника были арестованы, признаны невменяемыми и заключены в спецпсихбольницы. Самиздат пополнился статьей «Своя своих не познаша», где с издевательским недоумением сообщалось о судьбе группы Фетисова.

«Этот документ дважды порочен,— отмечала «Хроника», пренебрегая своим обычным правилом воздерживаться от оценок.— **Во-первых, вместо серьезной критики автор ограничивается насмешками над «очевидной глупостью фетисовских идей»... «Хроника» считает, что столь радикальная антидемократическая программа заслуживает столь же радикальной, но абсолютно серьезной научной критики... Во-вторых, можно считать этичной полемику с людьми, находящимися в заключении, вернее, с их идеями, которые продолжают распространяться и воздействовать. Но выражать удовлетворение по поводу того, что власти отправили твоего идейного противника в «желтый дом»,— безнравственно. Это значит уподобиться тому же Фетисову, который считал, что Синявского и Даниэля следовало бы расстрелять. Автор документа «Своя своих не познаша» не назвал себя, анонимность же приводит к тому, что документ выглядит выражением точки зрения каких-то кругов демократической интеллигенции, каковым он, надо надеяться, не является».**

Радуюсь за нынешних последователей Фетисова: они разгуливают на свободе и чувствуют себя весьма вольготно. Пусть хотя бы не забывают, кто вступался за их права.

ХРОНИКА «ХРОНИКИ»

Петр Якир сообщил дочери, что начал давать показания. Следователи убедили его в том, что своей деятельностью он наносил вред государству. Еще: «Хроника» тенденциозна, часто искажает факты, надо прекращать ее выпуск. Вообще мы проиграли, и никому больше не нужны наши глупые жертвы. Надо помочь следствию, они обещали, что никого тогда не тронут. Напротив, каждый следующий выпуск «Хроники» будет увеличивать ему и Красину срок заключения. В разговор жестко вмешался один из следователей: за каждый новый выпуск будем теперь сажать. И после паузы произнес странную фразу: брать будем не обязательно тех, кто непосредственно связан с «Хроникой». Свидание окончилось.

Вышел очередной, 27-й номер «Хроники». Почти сразу экземпляр ее, изъятый на обыске, попал в руки КГБ. 3 января 1973 года в Москве была арестована Ирина Белогородская. **«По словам ее мужа Вадима ДЕЛОНЕ, следователь ЖУЧКОВ, ведущий дело Белогородской, заявил, что ее арест связан с выходом 27-го выпуска «Хроники текущих событий», хотя следствию известно, что она не принимала участия в этом выпуске»** («Хроника» № 29, 1973). КГБ держал слово.

Создалась нетривиальная нравственная ситуация. Люди, собираясь вместе, пишут летопись. Они сознательно подвергают себя опасности, поскольку совесть не позволяет им молчать. Они рискуют собой. Но вдруг выясняется, что это не так, что в их руках чужие жизни, чужие судьбы. Они решают за других — друзей, знакомых, незнако-

мых, по тем или иным причинам не участвующих в создании «Хроники». Они «сажают» друзей.

Полтора года «Хроника» не выходила. Тщательно собирался и редактировался материал, были подготовлены три номера, но ни один из них не шел ни в самиздат, ни на Запад.

Однако массовые допросы по «делу № 24» продолжались. Не убывало и других текущих событий. «Хроника» умерла, но «дело» ее живет» — ходила такая шутка. В декабре 1972-го — суд над Петром Старчиком. Психушка. В июле 1973 года арестован Г. Суперфин. В августе процесс Якира и Красина, подробно — в отличие от многих других — освещенный в советской прессе. Мягкие, после кассации, приговоры. 20 октября покончил с собой, выбросившись из окна, Илья Габай. В ноябре суд над Ю. Шихановичем. Психушка.

В 1973 году Советский Союз ратифицировал международные пакты по правам человека.

«Хроника» не была политическим изданием. Скорее независимым общественным институтом, более всего занятым проблемой прав человека в СССР, причем решение этой проблемы не сотрясало основ существовавшего строя, но опиралось на его законы и подписанные международные соглашения. Ни одного призыва к свержению власти, террору или иным антиконституционным деяниям «Хроника» не содержала. Публикуя адреса политзаключенных или членов их семей, редакция никому не навязывала своего мнения, хотя и предполагала, что кого-то побудит к немедленному действию — скажем, к денежной помощи или к посылке теплых вещей... Однако за каждым сохранялась свобода выбора.

Другая особенность «Хроники» заключалась в самом ее жанре. Летописец, обращаясь к современникам, не забывает и о потомках. Цель: предостеречь от повторения старых ошибок. В наши дни, когда прошлое как бы ушло, а будущее не наступило, некоторые материалы самиздатской летописи приобретают уникальную, отнюдь не историческую ценность.

Раскрываю «Огонек» (№ 10, 1990), знакомлюсь с материалами Комиссии Съезда народных депутатов по расследованию событий в Тбилиси. Интервьюируется заместитель министра обороны генерал К. А. Кочетов.

«— Когда вы узнали о применении газов?

Кочетов. О применении газов я вообще не подозревал. В плане это не предусматривалось (выделено мной.— **И. М.**). Этот вопрос не поднимался. А узнали, наверное, на третий день. И опять узнали не от органов, которые применяли, а узнали от общественности через бюро ЦК».

От общественности мы знали и так. Обратимся к документу.

«Для отдельных батальонов МВД существует инструкция по разгону демонстраций. В разгоне участвует взвод: 3 отделения по 10 человек и бронетранспортер. Инструкция предусматривает три способа действий:

— 2 гранатомета, гранаты с депрессирующим газом (код «Черемуха»), у офицеров пистолеты заряжены ампулами с таким же газом...»

Прервемся. Нет, это не из материалов Комиссии, созданной в 1989 году. Это из «Хроники текущих событий» (№ 10) и датируется 1969 (!) годом. Прочитаем уж до конца, поскольку инструкция не очень устарела (разве что «усовершенствована», например, за счет саперных лопаток, численности войск и т. п.).

«...движение двумя колоннами, впереди два офицера, за ними бронетранспортер, затем две колонны солдат, в каждой по гранатомету, колонны расходятся, рассекая толпу;

— разгон с помощью гидромониторов, машина с гидромониторами подобна употребляемой для тушения нефтяных пожаров, струи воды рассеивают толпу, рассекают шеренги;

— стрелковый огонь, при этом запрещена стрельба по детям, женщинам и умалишенным. Ведутся дежурства спец. машин, следящих за порядком такого рода, т. е. недопущением массовых шествий и иного рода демонстраций».

Выходит, в Тбилиси действовали почти по инструкции, но способ действий скрыли от начальства? Как-то не верится.

Вообще многие страницы «Хроники» заинтригованный современностью читатель прочтет с неподдельным интересом и большой пользой для себя.

Что, к примеру, сейчас можно добавить к надоевшим спорам о Сталине? А такой штрих.

В Ленинграде **«осужден инженер ЕЖОВ, 41 год. Он пытался срезать бритвой портрет Сталина со стенда близ Публичной библиотеки на Невском проспекте. Его доставили в милицию, избили, сломали два ребра.**

Дело (ст. 206-2) слушалось в народном суде Куйбышевского района. Свой поступок ЕЖОВ объяснил тем, что, обожая Сталина, он не мог достать его портрет иначе как вышеописанным способом. Приговор суда — 1,5 года исправительно-трудовых работ (по месту службы) с выплатой государству 10 процентов ежемесячной зарплаты...» (№ 14, 1970). Как и в «деле Фетисова», «Хроника», не разделяя взглядов и действий осужденного, сочувствует ему, ибо человек пострадал от насилия.

А вот картинка с выборов.

В Ужгороде **«в конце 1970 г. во время выборов в Верховный Совет были распространены отпечатанные на ротапринте листовки на украинском языке, призывающие голосовать не за официального кандидата — 1-го секретаря обкома ИЛЬНИЦКОГО, а за писателя ИВАНА ЧЕНДЕЯ (тогдашний председатель Закарпатского отделения СП УССР, автор исторических произведений, подвергавшихся нападкам в украинской прессе). В связи с этим, как сообщают источники, арестовано 6 человек. Следствие установило, что листовки печатались на ротапринте, находящемся в здании Народной Рады (помещение, где расположены высшие областные инстанции). Процесс прошел зимой этого года»** (№ 18, 1971).

Какая современная история, не правда ли? Сегодня, конечно, неугодных кандидатов отстраняют от выборов немного более тонкими методами, однако тоже довольно успешно.

«Клеветой на советскую действительность» была сама эта действительность — с ее выборами без выбора, обязанностями без прав и наказаниями без преступлений.

ХРОНИКА «ХРОНИКИ»

7 мая 1974 года в Москве лингвист Татьяна Ходорович, математик Татьяна Великанова и биолог Сергей Ковалев провели пресс-конференцию, на которой сообщили, что отныне берут на себя ответственность за распространение «Хроники текущих событий». Три новых выпуска «Хроники» были переданы иностранным корреспондентам.

В № 28 содержалось короткое обращение к читателю, объяснявшее и вынужденный перерыв, и причины, побудившие «Хронику» возобновить свою деятельность.

«Природа нравственной ситуации, в которой оказались люди, поставленные перед тяжелой необходимостью принимать решения не только за себя, не нуждается в пояснениях. Но и дальнейшее молчание означало бы поддержку — пусть косвенную и пассивную — «тактики заложников», несовместимой с правом, моралью и достоинством человека.

Илья ГАБАЙ

Валерий МАРЧЕНКО
Анатолий МАРЧЕНКО

Поэтому «Хроника» возобновляет публикацию материалов, стремясь сохранить направление и стиль прежних выпусков».

С 1974 года «Хроника» стала выходить в Нью-Йорке. Среди организаторов издания были недавние эмигранты физики Валерий Чалидзе и Павел Литвинов.

23 декабря в столице прошло семь обысков, в том числе и на квартире С. Ковалева, редактора «Хроники». Через несколько дней он был арестован.

10 декабря 1975 года в Осло академику А. Д. Сахарову должна была вручаться Нобелевская премия мира. В этот день лауреат находился в Вильнюсе, где стоял у закрытых дверей суда над С. Ковалевым, тщетно — вместе с горсткой друзей правозащитников — пытаясь проникнуть в зал. Приговор: 7 лет лагерей и 3 года ссылки... В 1990 году Сергей Ковалев избран народным депутатом РСФСР.

1 ноября 1979 года арестована Т. Великанова, в течение многих лет организатор, а затем и редактор «Хроники». Приговор: 4 года лагерей и 5 лет ссылки.

29 апреля 1980 года арестован математик Александр Лавут. Отсидев 3 года в лагере, в день освобождения он был арестован вновь и приговорен к 5 годам ссылки.

20 февраля 1981 года обыск у филолога Леонида Вуля. Изъят подготовленный к выпуску 59-й номер «Хроники».

Последним, в ноябре 1983 года, был арестован Ю. Шиханович. На этот раз психиатрическая экспертиза института имени Сербского, поставив тот же диагноз, что и 11 лет назад, признала его вменяемым. Суд проходил в Москве в сентябре 1984 года. Рукопись последнего, 64-го выпуска в КГБ не попала, поэтому на суде использовалась запись передачи радио «Свобода», выполненная средствами радиоперехвата... Приговор: 5 лет лагерей и 5 лет ссылки.

«Хроника» просуществовала пятнадцать лет. Если учесть условия и специфику ее работы, срок немалый. Среди участников издания упомяну еще Павла Литвинова, машинисток Веру Лашкову и Надежду Емелькину, архивиста Ирину Якир, математика Юрия Гастева, историка Людмилу Алексееву, физика Наталью Кравченко, экономиста Геннадия Лубяницкого, программистов Александра Даниэля и Марка Гельштейна, математика Бориса Смушкевича, биофизика Андрея Цатуряна, поэта-переводчика Георгия Ефремова. Прошу прощения у тех, кого назвать не смог. Их сотни. Надеюсь, еще назовем всех.

ЧЕЛОВЕК ИМЕЕТ ПРАВО

Вероятно, когда-нибудь на одной из московских площадей поставят памятник пишущей машинке. Выполненная в камне, она будет возвышаться с заложенными страницами и листами копирки, а постамент образуют толстые и тонкие рукописи, бережно переплетенные кирпичики книг в мягких и твердых обложках... Таким я вижу памятник прошедшей эпохе.

Человек имеет право знать, что происходит в его стране. Право на информацию утверждается свободным выбором личности. Человека, обладающего точной и правдивой информацией, можно запугать, сломать, принудить к молчанию, но ведь и молчащие размышляют, сопоставляя факты... Ведут дневники. Пишут хроники. Читают крамольные сочинения. Слушают «глушилок разнобой». Это неистребимо.

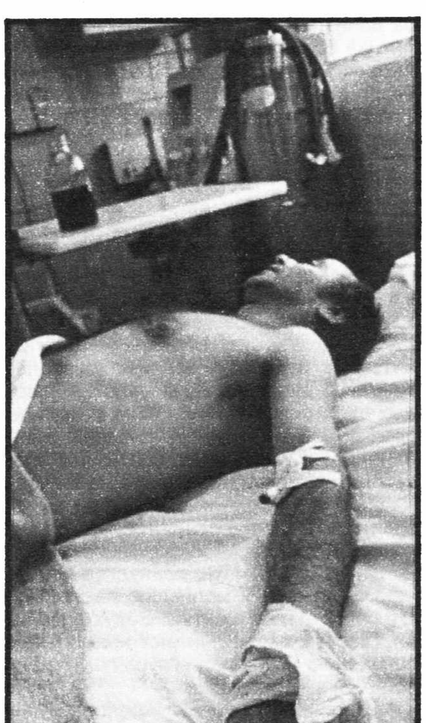
У Евгения Шварца в «Драконе» упоминается лежащая в огромной пещере Книга человеческих страданий и жалоб. Никто не прикасается к ней, но страница за страницей каждый день покрываются письменами. «А заглянувший в эту книгу однажды не успокоится вовеки», ведь он узнает «все преступления преступников, все несчастья страдающих напрасно...»

«Хроника текущих событий» до сих пор не издана в нашей стране.

Вы хорошо знаете,
что угрожает нашей жизни?
Химическая агрессия.
До тридцати процентов
людей, жизнь которых
висит на волоске
в реанимациях,—
ее жертвы.
Вокруг
нас
ядовито все,
если окажется
в определенной
дозе.

ХИМИЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ

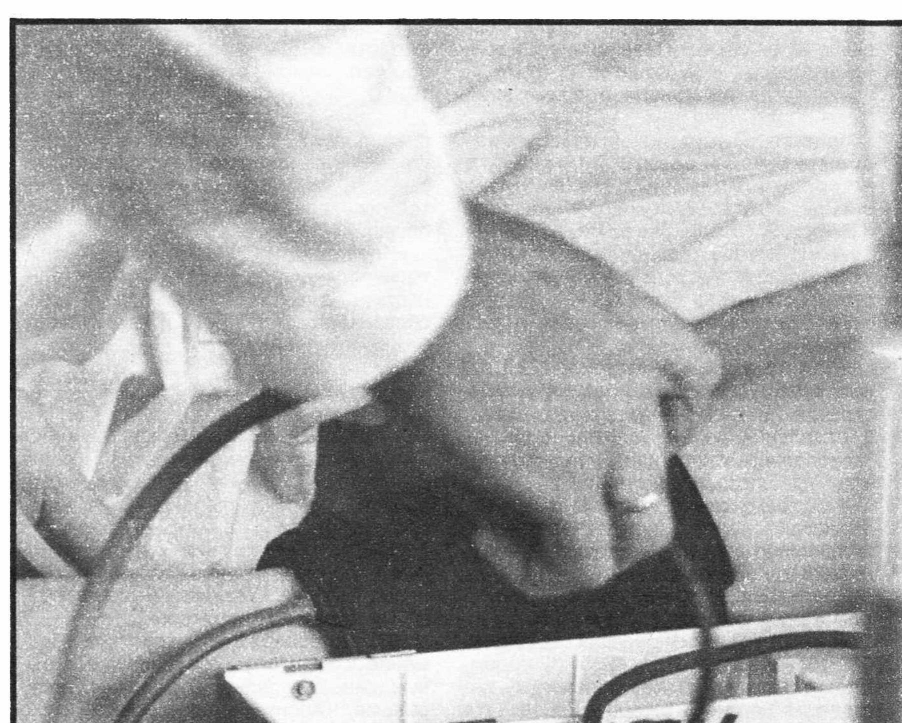

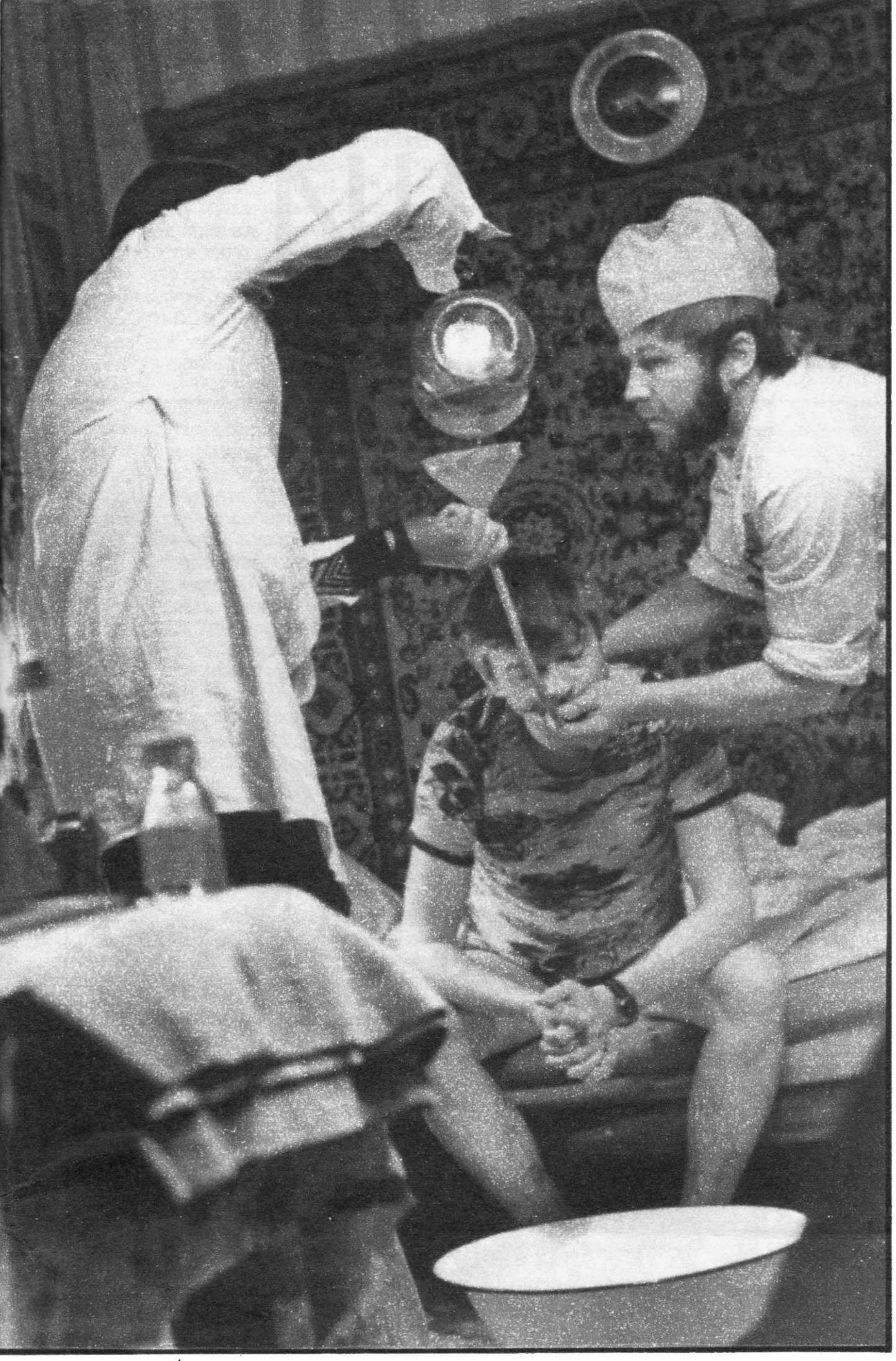
Всесоюзный центр лечения острых отравлений. В реанимации на окнах решетки...

В конце прошлого века можно было отравиться грибами и ягодами. Сегодня пожар городской гостиницы дает восемьсот ядовитейших веществ. В стольном городе Москве нет ни одной машины «Скорой помощи», которая могла бы приехать с барокамерой на такой пожар. Вам не помогут. Научных работ по оценке риска химических катастроф и ликвидации последствий даже не планируется. Вам не помогут.

Производство травит только двух из ста. Девяносто восемь человек в реанимацию везут из родного дома. Мы бьемся над запрещением химических вооружений, а в каждом хозяйственном магазине вам продадут карбофос, который действует на человека как оружие массового поражения. И он действует — и случайно, и по умыслу. А поскольку наши руки и головы сделать препарат чистым не могут — смертность от карбофоса у нас в два раза больше, чем в США,— примеси токсичней в 100 раз, чем сам карбофос.

Десятилетиями нам продают уксусную кислоту с невинной пометкой «пищевая» в смертельной для человека концентрации. Это стоит пятьдесят восемь копеек. В ином, не нашем обществе фирма, чья продукция нанесла здоровью покупателя вред, понесла бы огромные убытки и поставила бы свое существование под вопрос. У Дмитриевского лесохимического завода, монополиста по производству уксусной кислоты, таких проблем нет. Нет у них и особой тары. Поэтому кислоту разли-

вают по обычным четвертинкам. Это уносит полторы тысячи жизней ежегодно. Товарищи, не читайте бегло эту цифру, это больше, чем год афганской войны! Так ли нам жалко человеческие жизни, как мы распинаемся об этом на каждом углу?

Бестолковый натиск на алкоголизм удвоил отравления суррогатами. С родных предприятий трудовые коллективы нескончаемой рекой потащили все, имеющее градусы, порой трагически путая этиловый спирт с метиловым или вообще путаясь с запасенным впрок и разливая гостям чистый как слеза дихлорэтан,— в гостях нюхать рюмку не принято, чокнулись, выпили. Все застолье. Все общежитие.

Один невежественный, но очень хваткий коллектив сумел молниеносно оприходовать партию финского растворителя лаков, вплоть до распития в парадных и торговли: рубль — стакан. Отравилось двести пятьдесят человек.

Людям, которым по должности надо бы позаботиться о дежурных магазинах, конечно, легче опохмелиться — всегда ящик под рукой. Остальные хлещут ту же «антимоль» и другие суррогаты.

Давайте подумаем о себе.

Ах, как все мы очарованы новым временем, этой гласностью, волнующими мирными инициативами и удивительным новым мышлением. Но при этом насколько же косным и обывательски политизированным осталось наше восприятие мира. Случись что — услышим: черт с ним, с этим реактором (подлодкой, самолетом, теплоходом), нам людей жалко, нам жизнь человеческая дороже всего! Ах, эта жизнь человеческая! Ах, экология! И вот уже из телевизора называются цифры уровней радиации и загазованности, исследуются нитраты в колбасе (если ее удается найти), с ликующим криком закрывается дымная труба, летает самолет к озоновой дыре, а мы сопереживаем, мы читаем в газетах, мы счастливы тем, что знаем! Что теперь делают же! Взялись же! И даже не подозреваем, что если все читают, сидят и радуются, то кто же — взялся?

Почему наши экологические программы состоят большей частью из деклараций и призывов не допустить вреда здоровью человека? А кто будет спасать уже реальные жертвы? Почему настойчивые просьбы Центра лечения острых отравлений о включении его в экологические программы государства ни в Госкомприроде, ни в Верховном Совете СССР не нашли даже тени понимания?

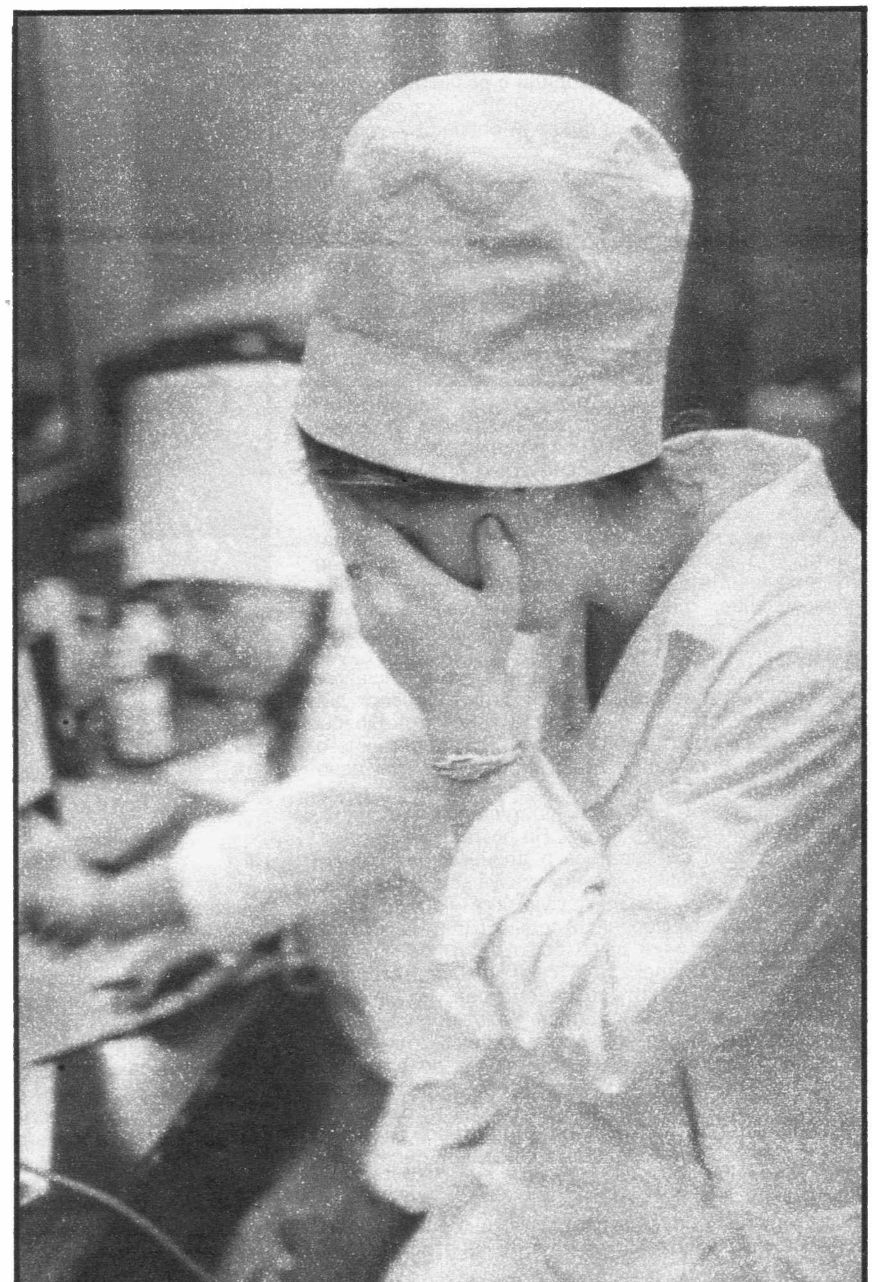
Сейчас мы сталкиваемся в своей жизни с 70 тысячами препаратов. Каждый год к ним прибавляется около тысячи. Последствия химической агрессии грозят катастрофой потому, что новым ядам ни организм человека, ни природа противостоять не могут. В Швейцарии с 1969 года существует закон, требующий, чтобы каждое вещество, поступающее на рынок, было определено с точки зрения опасности для человека. У нас опасные яды бесконтрольно входят в жизнь, сопровождают наш каждый шаг и могут проявиться в каждую минуту. Робкие попытки врачей поставить заслон на пути этой неуправляемой агрессии пока полностью провалились. Прежде всего необходима оперативная информация самих врачей о механизмах действия ядов. Но о единой информационной системе связи, оснащенной компьютерами, мы пока не можем мечтать даже во сне.

Для защиты от острой химической агрессии еще не выделено ни копейки. Нет информационного банка данных. нет международного обмена информацией, нет диагностической токсикологической техники. И ко всему этому ни один товар советского производства не сопровождается сведениями о том, что делать в случае отравления.

Есть только миллион отравлений каждый год. Есть только (я призываю вас понять то, что я сейчас напишу) — более пятидесяти тысяч погибших ежегодно. Каждый десятый — ребенок.

И последнее: это здорово, что мы митингуем, голосуем, бастуем, пикетируем. Но, может, пора что-то еще и сделать? В конце концов: строй меняет цвет и курс, партии рождаются и раскалываются, товарищей сменяют господа и наоборот, но ведь есть еще просто жизнь. И очень просто — смерть. Но вот так получилось, что эта смерть не символизирует собой ни дружбу наций, ни прогресс нашего общества, ни козни империалистов и сталинистов, это просто смерть по причине бездействия нашего и косности, и лености, и тупости. Ну и так что же, пускай умирают? В обществе обновления не до отравлений?

Мария СЕМЕНОВА,
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ

САМИ ХОРОШИ

РАССКАЗЫ

ПОЭЗИЯ В ЖИЗНИ

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

Красота Милы как факт каждый раз неприятно поражает всех тех, кто сталкивается с проявлениями этой красоты ежедневно, в сутолоке будней, в суматохе явлений, как говорил поэт. В сутолоке будней вдруг неприятно пораженным оказывался и муж Милы, когда к ней подходили чуть ли не на улице, чуть ли не в транспорте, а уж в гостях и в ресторанах каждый второй без разбору, были бы на нем брюки. Мила сама лично не давала никакого повода к этому, не сравнить с Любой Ивановной с работы, бывшей секретаршей, которой все равно когда и с кем, вот именно были бы брюки. Но результат оказывался всегда один и тот же, даром что Люба со своим толстым носом и крутой химией перед всеми мужиками выказывала тайную радость и нескрываемый интерес, а наша Милочка сидела, опустив глазки,— результат был один и там и там. Все горячо заступались за Милочку, муж которой и так чувствовал себя не в своей тарелке, схлопотав в свое время после трех лет беготни такую дивную жену, тихую, чистую и прекрасную, как мадонна, перед которой, как сказал опять-таки поэт, куда бы кто ни шел, на какое тайное свиданье, но все, как один, или каждый второй бросали все и подходили с разными глупыми уловками, а кто и прямо и честно: девушка, помогите мне, моей маме сегодня сделали операцию рак груди, погуляйте со мной. Так, собственно, и сказал теперешний покойный муж Милы, а раньше он безуспешно бегал за ней, бегал-бегал, достал телефон и вот с этой фразой наконец позвонил, а до того, первый раз ее увидев в библиотеке пединститута, он, как бы ударенный в грудь, сказал себе: вот моя жена. Действительно, сидела жена, которая стала ею спустя три года,— убегала, пряталась, прятала ноги-руки, заслонялась подругами, мечтательно писала стихи о далеком принце и ходила вечерами в чьем-то дворе у чьего-то подъезда, кого-то высматривала и высмотрела, что у него другая,— это был студент старшего курса по кличке Принц. И Принц женился на принцессе, и у них родились дети, а Мила все его тайно любила и писала стихи, а сама отмахивалась и пряталась от назойливого подмосковного ухажера, небольшого (Принц был великан), с вечными ячменями на веках, бывшего агронома, ныне аспиранта. Что ж, бывают и такие. Он в жизни своей тоже сочинил и выпустил в свет одно вдохновенное произведение, один великий телефонный звонок с этой самой фразой о маме, которой сделали операцию, погуляйте со мной — и все.

А у нее такое было настроение, хоть вешайся, волны любви к несбывшемуся носили ее поверх диванчика, на котором она сидела в комнатке бабы Агаши, своей квартирной хозяйки. Принц так ничего и не узнал о любви к нему Милочки, а сам явно и вслух, на манер хитрого Данте, на расстоянии державшегося от Беатриче, восхищался Милочкой, и до нее доходили его слова. Но по тайному инстинкту он не стал ввязываться в длинный платонический роман с провинциальной девушкой Тургенева, а нашел попроще, близлежащую богатую москвичку из очень хорошей старинной семьи. (Для нищей Милочки все москвички были богатые.) Провинциальная Милочка привлекала к себе каждого второго, а каждый первый хоть тоже смотрел, но не был таким простым, чтобы кидаться. Каждый первый ценил себя еще выше, чем Милочку, и инстинктивно сторонился этого труда первопроходца по большим зарослям, через пни и коряги, чтобы в результате построить себе простой дом из простых бревен на отшибе и ходить на медведя с рогатиной, а дома быть с хозяйкой, которая тоже рогатиной будет хватать и таскать горшки из печки, и всюду будут тряпки, вьюшки, половики и подзоры: простой, но добытый своими руками уют. И щей горшок, и сам большой, как уже говорил поэт, сильно пострадавший.

Те, что бегали за Милочкой, были из этого ряда, хозмужики с большими мечтами, закомплексованные и ради доказательства своей ценности готовые на громадные труды и борьбу годы и годы. У Милочки не было ничего, кроме неземной красоты и папы — преподавателя техникума, честного, бедного партийного красавца в провинции. Милочку взявши замуж, человек должен был ей все — платья, туфли, дом и так далее, она же обязана была сникнуть и спрятаться в конуру, заслонить дивное лицо паранджой: а где взять такую конуру и паранджу, если служащая женщина в своей институтской библиотеке открыта всем и каждому и должна к тому же одна ездить в транспорте и ходить по магазинам... А тут пример Любы Ивановны, суки и падлы, зав. читальным залом из бывших секретарш с вечерним образованием, члена тоже партии. Кто только не вился у ее библиотечного барьера, какие только мужички не ждали ее у обоих входов — дворового запасного и центрального институтского! Милочка горячо рассказывала расстроенному мужу обо всех приключениях Любы Ивановны, а муж, вместо того чтобы осудить и заодно возблагодарить небо, что его жена такая чистая и осуждает порок, вдруг взрывался, орал, что Милочка нечестная и он ее взял не девушкой: вот тебе и раз.

Насчет этого сама Милочка не понимала ни черта, в тот далекий период она была как в тумане и сопротивлялась своему мужу ровно трое суток, поскольку была стеснительной особой и не понимала, как вообще такое можно допускать, если в той же комнате ночует та самая мама с уже проведенной операцией груди, а в комнате двенадцать квадратных метров! Кровать к кровати, можно сказать, проходила эта упорная свалка двух любящих сердец, а мать ненавидела Милочку и систематически твердила при ней сыну, что он взял нечестную. Простыня чистая и так далее. Ужас состоял в том, что муж, как ни грубил матери и как ни орал на нее, но сказать правду не мог, слишком был целомудрен для этого. На третье утро простыня была в крови. Муж скромно торжествовал и сам понес застирывать, Милочка ничего не понимала и проклинала себя и всю эту жизнь, плача

лицом к стене, а мать спустя три дня заявила, что Мила нечестная, что у нее просто пришли вековые, а она ждала и подгадала — посмотри, в туалете что в корзине. Гадость, гадость и гадость. Такая вот была жизнь, и все горячие рассказы Милочки о Любе вызывали у мужа только тоску воспоминаний и ядовитые подозрения. И самый важный факт его биографии, что он взял долгими годами осады такую крепость, что эта крепость открыла ворота и все-таки сдалась, что эта крепость рухнула к ногам своего победителя и теперь клубилась пылью у его ног, плакала и умоляла верить и любить, и кричала, что любит, любит, любит его,— этот факт мог себя не оправдать. Не верь матери — плакала она, но все было напрасно. Мамаша в роли Яго сыграла свою партию безо всякого злого умысла, ведомая только инстинктом ревности, в основе чего лежала простая убежденность в том, что она, мамаша, была красавицей, не сравнить с Милой. Мамаша как бы забыла, что она тут не соперница, что она старуха и стыдно даже намекать, что она-то, мамаша, была постеснительней в постели, тьфу! Нашла кого и с кем и перед кем сравнивать, орал сын на мать, а мать свое: страм, страм, просто страм. И все на двенадцати квадратных метрах. Милочка плакала в библиотеке, все видели ее красные глазки, так и привыкли и говорили, что Мила красивая и глазки бархатные, но веки-то красные.

Зато Люба не плакала, а торжественно и загадочно-тихо беседовала с желающими, и народная тропа к ней не просыхала, как опять-таки сказал поэт, а затем наступил полный стоп, как перед пешеходами на улице: Люба стала невестой, причем муж был богатый и старый, пятидесяти лет, доцент, декан, холостяк с машиной. Люба шикарно рассказывала о том, что хочет учиться на пианино и Гага уже купил коричневое чешское полированное. Затор был в том, что с Гагой жила сестра старше его, как бы ему мать, и эта сестра, смеясь говорила Люба, злая золовка, настолько не может терпеть Любу, что говорит с ней через губу и посуду в кухне швыряет, типа того, что не нанималась подавать этой. Гага, элегантный ленинградского вида холостяк, женившись, тут же купил Любе рыжее блестящее манто и какой-то такого же меха колпак ей на голову, все из комиссионки, все импортное, немодное, громоздкое, по мнению Милочки, а Любе все нипочем — таскает, как древний боярин, все это на себе, да еще и гордится! Она вообще гордилась всем, что бы ей ни доставалось в жизни, и Игоря превозносила (Гагу своего), а какой он мужчина, она не говорила, только сказала, что в любви все можно, и что нет импотентов, а есть только неумелые женщины. По всему этому судя, дела обстояли у Любы плохо, решили бабы за чаем в комнатушке библиографа, а муж Милы вечером сказал Миле, чтобы она ему эти гадости не передавала, она и сама хороша, права была мать, и Милочка автоматически заплакала с куском во рту, дело происходило за столом, а Милочка уже была в то время беременна — вопрос от кого, говорила сыну мать. Милочка с мужем должны были по поводу рождения ребенка получить квартиру, и вот наутро Милочка решила больше не возвращаться в ту комнату пыток, а пошла к институтской подруге и осталась у ней ночевать на раскладушке. Подругу эту муж Милы единственную из всех признавал за честную, она была честно некрасивая и к Милочкиному мужу относилась резко сочувственно, даже в свое время бескорыстно похвалила Миле его, подруга завидовала этой любви и хотела бы себе такого же случая в жизни. Пока что она жила разведенная, с мамой и дочкой, и в любой момент могла принять взбешенного Милиного мужа с его жалобами, что и делала неоднократно, поила его чаем и давала ему денег на такси, когда он просился переночевать ввиду конца работы транспорта: честно так честно. Не подводить друзей ни в чем. Честность и правдивость без ночевок были лозунгом этой Милиной подруги, из-за чего она и сидела одна, как еловый пень, ждала настоящего в жизни и отмахивалась от временного, и, находясь под сильным воздействием литературы, не давала ни одного поцелуя без любви, по словам еще одного автора. Она ждала и дождалась, что в ночь, когда Мила осталась у нее ночевать, Милин муж вычислил, где находится несчастная беременная, и что за жалобы могут раздаваться под сводами гостеприимной подругиной кухни,— и он позвонил ровно в два ночи и завернул такую длинную матерную фразу, такую страшную и действенную, что всякие ночевки на будущее прекратились. Это было второе гениальное произведение Милиного мужа, поэта в душе, его вторая фраза, которую воспроизвести невозможно, но смысл которой сводится к тому, что эта Милина подружка находится с Милой в противоестественной связи, вот оно что, так-так-так, решили поразмяться. Милина подруга была ошеломлена, а Мила уже стояла, трясясь, в ночной рубашке, с бархатными как ночь глазами, с красными веками и растрепанными кудрями, и в этом виде была похожа на небесного ангела, на какое-то дивное белое надгробие, увидим, чье.

Днем же безумный красноглазый муж без кровинки в лице явился в библиотеку, прошел в извиняющейся позе мимо Любы Ивановны, которая мило подняла головку и блеснула ему двумя золотыми коронками в глубине фарфоровых челюстей, то есть широко улыбнулась, предвкушая скандал и битье окон. Дома Люба Ивановна тоже уже имела разбитое стекло в двери на кухне, это доцент так завершил домашний конфликт, не в силах видеть двух любимых женщин, одна из которых назвала другую непечатным словом, обозначающим легкое поведение, а вторая, то есть сама Люба, серебристо рассмеялась и предположила, что сестра потому ревнует, что спала с братом,— и тут они подрались у стеклянной двери в кухню.

В истории же Милы далее все покатилось по нарастающей, муж Милы в новой двухкомнатной квартире теперь уже не защищал Милу от матери, мать жила отдельно, а телефона не было ни там, ни здесь — муж Милы стал сам себе и Яго и Отелло, и с насмешкой из-за угла наблюдал за тем, как к Миле пристают на улице мужики его типа, строители, старатели, поэты, не знающие, как тяжела эта ноша, как неподъемна жизнь, если биться в одиночку, поскольку красота в жизни не помощница, так примерно можно было бы перевести те матерные, отчаянные монологи, которые бывший агроном, а ныне научный сотрудник, муж Милы, выкрикивал и на ночных улицах, и у себя в квартире, и напившись, так что Мила скрывалась с малолетней дочерью где-то, нашла себе приют, и несчастный муж бил мебель и швырял железные кастрюли. Так оно и шло, пока он не погиб прямо на улице от инфаркта, и тут Милочка встретилась на опознании с давним врагом, мамашей. Мать не плакала (Милочка плакала), а мать цвела свекольным румянцем и твердила, что опознать можно, узнать можно, а как же, он не изменился. Мать оставалась на веки вечные одна без сына, Мила ее в дом к себе не пускала или пускала редко, только у порога на стул посмотреть на ребенка, как он вырос, и передать печенья. Однако старушка упорно числила Милу в близких родственницах и частенько звонила ей на работу из разных мест города, спрашивая, как доехать до дому: безумие ее заключалось в том, что она не хотела больше жить одна в своей комнате, обвиняла во всем соседку-алкоголичку, что та ее бьет и запирает от нее входную дверь на цепочку, так что не войти. И старушка стала упорно забывать свой адрес и помнила только Милин, такие дела. И дочка Милы, ставши уже подростком, как ни странно, терпела бабку, жалела ее и нашла в этом конкретном моменте опору для своей борьбы за справедливость против матери. Они, уже теперь три поколения, бабка, ее сын и внучка, знать не хотели и не желали знать, с какой такой стати мужчины упорно преследуют Милу везде и всегда, при всех обстоятельствах, и считают ее прекрасной, неизвестно с какой стати.

А Любовь Ивановна не стала ждать похорон мужа и отчалила после первого же его инсульта, вышла замуж за своего верного все эти годы сожителя, пятидесятилетнего ученого, который ради такого случая разошелся с женой. И работать она устроилась шикарно, и ездила за границу в командировки, но ходит какая-то разочарованная, и надо ждать событий, потому что не все родственники, знакомые ее нового мужа ее признали, а некоторые протестуют, как протестовали и дорогой ценой доказали свою правоту и Милина старушка свекровь, которая видела в Миле гибель себе и сыну, и несгибаемая сестра старого Гаги, который научился уже говорить, но ходит еще плохо, как будто вошел в соприкосновение с железнодорожным составом или, точнее говоря, с двумя, и все переживает последствия катастрофы.

ГИГИЕНА

Однажды в квартире семейства Р. раздался звонок, и маленькая девочка побежала открывать. За дверью стоял молодой человек, который на свету оказался каким-то больным, с тонкой, блестящей розовой кожицей на лице. Он сказал, что пришел предупредить о грозящей опасности. Что вроде бы в городе началась эпидемия вирусного заболевания, от которого смерть наступает за три дня, причем человека вздувает и так далее. Симптомом является появление отдельных волдырей или просто бугров. Есть надежда остаться в живых, если строго соблюдать правила личной гигиены, не выходить из квартиры и если нет мышей, поскольку мыши — главный источник заражения, как всегда.

Молодого человека слушали бабушка с дедушкой, маленькая девочка и ее отец. Мать была в ванной.

— Я переболел этой болезнью,— сказал молодой человек и снял шляпу, под которой был совершенно голый розовый череп, покрытый тончайшей, как пленка на закипающем молоке, кожицей.— Мне удалось спастись, я не боюсь повторного заболевания и хожу по домам, ношу хлеб и запасы, если у кого нет. У вас есть запасы? Давайте деньги, я схожу, и сумку побольше, если есть — на колесиках. В магазинах уже большие очереди, но я не боюсь заразы.

— Спасибо,— сказал дедушка,— нам не надо.

— В случае заболевания всех членов семьи оставьте двери открытыми. Я выбрал себе то, что по силам, четыре шестнадцатиэтажных дома. Тот из вас, кто спасется, может так же, как я, помогать людям, спускать трупы и так далее.

— Что значит спускать трупы? — спросил дедушка.

— Я разработал систему эвакуации трупов путем сбрасывания их в мусоропровод. Понадобятся полиэтиленовые мешки больших размеров, вот не знаю, где их взять. Промышленность выпускает двойную пленку, ее можно приспособить, но где взять деньги, все упирается в деньги. Эту пленку можно резать горячим ножом, автоматически сваривается мешок любой длины. Горячий нож и двойная пленка.

— Нет, спасибо, нам не надо,— сказал дедушка.

Молодой человек пошел дальше по квартирам, как попрошайка, просить денег; как только захлопнули за ним дверь, он звонил уже у соседних дверей, и там ему открыли на цепочку, так, что он вынужден был рассказывать свою версию и снимать шляпу на лестнице, в то время, как его наблюдали в щель. Слышно было, что ему кратко ответили что-то и захлопнули дверь, но он все не уходил, не слышно было шагов. Потом дверь опять открылась на цепочку, кто-то еще желал послушать рассказ. Рассказ повторился. В ответ раздался голос соседа:

— Если есть деньги, сбегай, принеси десять поллитровок, деньги отдам.

Послышались шаги, и все утихло.

— Когда он придет,— сказала бабушка,— пусть уж нам принесет хлеба и сгущенки... и яиц. Потом надо капусты и картошки.

— Шарлатан,— сказал дедушка,— хотя не похож на обожженного, это что-то другое.

Наконец встрепенулся отец, взял маленькую девочку за руку и повел ее вон из прихожей — это были не его родители, а жены, и он не особенно поддерживал их во всем, что бы они ни говорили. Они тоже его не спрашивали. По его мнению, что-то действительно начиналось, не могло не начаться, он чувствовал это уже давно и ждал. Его охватила какая-то оторопь. Он взял девочку за руку и повел ее вон из прихожей, чтобы она не торчала там, когда таинственный гость постучит в следующую квартиру: надо было с ним как следует потолковать, как мужик с мужиком,— чем он лечился, какие были обстоятельства.

Бабушка с дедушкой, однако, остались в прихожей, потому что они слышали, что лифта никто не вызвал, и, стало быть, тот человек пошел дальше по этажу; видимо, он собирал деньги и сумки сразу, чтобы не бесконечно бегать в магазин. Или ему еще никто не дал ни денег, ни сумок, иначе он уже бы давно уехал вниз на лифте, ибо к шестому этажу должно было набраться поручений. Или же он действительно был шарлатан и собирал деньги просто так, для себя, как уже однажды в своей жизни бабушка напоролась на женщину, которая вот так, сквозь щелочку, сказала ей, что она из второго подъезда, а там умерла женщина шестидесяти девяти лет, баба Нюра, и она по списку собирает ей на похороны, кто сколько даст, и предъявила бабушке список, где стояли росписи и суммы — тридцать копеек, рубль, два рубля. Бабушка вынесла рубль, хотя тети Нюры так и не вспомнила, и немудрено, потому что пять минут спустя позвонила в дверь хорошая соседка и сказала, что это ходит неизвестная никому аферистка, а с ней двое мужиков, они ждали ее на втором этаже, и они только что с деньгами скрылись из подъезда, список бросили.

Бабушка с дедушкой стояли в прихожей и ждали, потом пришел отец девочки Николай и тоже стал прислушиваться, наконец вышла из ванной Елена, его жена, и громко стала спрашивать, что такое, но ее остановили.

Но звонков больше не раздавалось на лестнице. То есть ездил лифт туда-сюда, даже выходили из него на их этаже, но потом гремели ключами и хлопали дверьми. Но все это был не тот человек в шляпе. Он бы позвонил, а не открывал бы дверь своим ключом.

Николай включил телевизор, поужинали, причем Николай очень много ел, в том числе и хлеб, и дедушка не удержался и сделал ему замечание, что ужин отдай врагу, а Елена заступилась за мужа, а девочка сказала: «Что вы орете», и жизнь потекла своим чередом.

Ночью внизу, судя по звуку, разбили очень большое стекло.

— Витрина булочной,— сказал дедушка, выйдя на балкон.— Бегите, Коля, запасайтесь.

Стали собирать Николая, пока собирали, подъехала милицейская машина, кого-то взяли, поставили милиционера, отъехали. Николай пошел с рюкзаком и ножом, их там внизу оказалась целая группа людей, милиционера окружили, подмяли, через витрину стали впрыгивать и выпрыгивать люди, кто-то подрался с женщиной, отобрал у нее чемодан с хлебом, ей зажали рот и утащили в булочную. Народу внизу прибывало. Наконец пришел Николай с очень богатым рюкзаком — тридцать килограммов сушек и десять буханок хлеба. Николай снял с себя все и кинул в мусоропровод, сам в прихожей протерся с головы до ног одеколоном, все ватки выкинул в пакете за окно. Дедушка, который был доволен всем происходящим, заметил только, что придется дорожить одеколоном и всеми медикаментами. Заснули. Утром Николай за завтраком один съел полкило сушек за чаем и шутил по этому поводу: «Завтрак съешь сам». Дедушка был со вставными зубами и тосковал, размачивая сушки в чае. Бабушка замкнулась в себе, а Елена все уговаривала девочку есть побольше сушек. Бабушка наконец не выдержала и сказала, что надо установить норму, не каждую же ночь грабить, вон и булочную заколотили, все вывезли. Подсчитали запасы, поделили все на пайки. Елена в обед отдала свой паек девочке, Николай был как черная туча и после обеда один съел буханку черного хлеба. Продовольствия должно было хватить на неделю, а потом наступала крышка. Николай и Елена позвонили на работу, но ни на работе Николая, ни у Елены никто не брал трубку. Звонили знакомым, все сидели по домам. Все ожидали. Телевизор перестал работать, там свистела частотка. На следующий день телефон уже не соединял. Внизу, на улице, ходили прохожие с рюкзаками и сумками, кто-то волок спиленное дерево небольшого размера. Возник вопрос, как быть с кошкой — зверек второй день ничего не получал и ужасно мяукал на балконе.

— Надо впустить и кормить,— сказал дедушка.— Кошка — ценное свежее витаминное мясо.

Николай впустил кошку, ее покормили супом, не особенно много, чтобы не перекормить после голодовки. Девочка не отходила от кошки, те два дня, когда кошка мяукала на балконе, девочка все рвалась к ней, а теперь ее кормила в свое удовольствие, даже мать вспылила: «Отдаешь ей то, что я отрываю от себя для тебя».

Кошку, таким образом, покормили, но продовольствия оставалось на пять дней. Все ждали, что что-нибудь будет, кто-нибудь объявит мобилизацию, но на третью ночь заревели моторы на улицах, и город покинула армия.

— Выйдут за пределы, оцепят карантин,— сказал дедушка.— Ни в город, ни из города. Самое страшное, что все оказалось правдой. Придется идти в город за продуктами.

— Одеколон дадите — пойду,— сказал Николай.— Мой почти весь.

— Все будет ваше,— сказал дедушка многозначительно, но и уклончиво. Он сильно похудел.— Счастье еще, что работают водопровод и канализация.

— Тьфу тебе, сглазишь,— сказала бабушка.

Николай ушел ночью в гастроном, он взял с собой рюкзак и сумки, а также нож и фонарик. Он вернулся, когда было еще темно, разделся на лестнице, бросил в мусоропровод одежду и голый обтерся одеколоном. Вытерев подошву, он ступил в квартиру, затем вытер другую подошву, ватки бросил в бумажке вниз. Рюкзак он поставил кипятиться в баке, сумки тоже. Добыл он немного: мыло, спичек, соль, полуфабрикаты ячменной каши, кисель и ячменный кофе. Дедушка был очень рад, он пришел в полный восторг. Нож Николай обжигал на газовом пламени.

— Кровь — самая большая инфекция,— заметил дедушка, ложась под утро спать.

Продовольствия, как посчитали, должно было теперь хватить на десять дней, если питаться киселем, кашами и всего есть понемножку.

Николай стал каждую ночь ходить на промысел, и возник вопрос с одеждой. Николай стал ее складывать еще на лестнице в полиэтиленовый мешок, нож все время прокаливал. Но ел он по-прежнему много, правда, теперь уже без замечаний со стороны дедушки.

Кошка худела день ото дня, шкурка ее обтянула, обеды, ужины и завтраки проходили в мучениях, так как девочка все время старалась что-нибудь бросить на пол кошке. Елена начала просто бить по рукам. Все кричали. Кошку выводили, она бросалась об дверь.

Однажды это вылилось в страшнейшую сцену. Девочка пришла с кошкой на руках на кухню, где находились дедушка и бабушка. Рот у кошки и у девочки был измазан чем-то.

— Вот,— сказала девочка и поцеловала, наверное, не в первый раз, кошку в поганую морду.

— Что такое? — воскликнула бабушка.

— Она поймала мышку,— ответила девочка.— Она ее съела.— И девочка снова поцеловала кошку в рот.

— Какую мышку? — спросил дедушка, они с бабушкой оцепенели.

— Такую, серую мышку.

— Вздутую? Толстую?

— Да, толстую, большую.— Кошка на руках у девочки начала вырываться.

— Держи крепче! — сказал дедушка.— Иди в свою комнату, детка, иди. Иди с кошечкой. Ах ты, гадина, ах, сволочь. Доигралась с кошкой, дрянь такая. А? Доигралась?

— Не ори,— сказала девочка и быстро убежала к себе.

Следом за ней пошел дед и побрызгал все ее следы одеколоном из пульверизатора. Потом он запер дверь в детскую на стул, потом позвал Николая, тот спал после бессонной ночи, с ним спала и Елена. Они проснулись. Все было обсуждено. Елена начала плакать и рвать на себе волосы. Из комнаты девочки доносился стук.

— Пустите, откройте, мне в туалет,— со слезами кричала девочка.

— Слушай меня,— кричал Николай,— не ори!

— Пусти, пусти! Сам не ори! Пустите!

Николай и остальные ушли в кухню. Елену пришлось держать запертой в ванне. Она тоже стучала в дверь.

К вечеру девочка угомонилась. Николай спросил, сходила ли она в туалет. Девочка с трудом отвечала, что да, сходила в трусы, и попросила попить.

В комнате девочки находилась детская кровать, раскладушка, шифоньер с вещами всей семьи, запертый на ключ, ковер и полки с книгами. Уютная детская комната, которая теперь волей случая превратилась в карантин. Николай прорубил в двери что-то вроде оконца и велел девочке принять на первый случай бутылку на веревочке, где был суп с хлебными крошками, все вместе. В эту бутылку девочке велено было мочиться и выливать в окно. Но окно было заперто на верхний шпингалет, девочка так до него и не дотянулась, да и с бутылкой было придумано плохо. Вопрос с экскрементами должен был решиться просто — выдирался лист или два из книги, на него испражнялись и выбрасывали в окно. Николай сделал из проволоки рогатку и пробил, выстрелив три раза, довольно большую дыру в окне.

Девочка, правда, показала все плоды своего воспитания и испражнялась неряшливо, не на бумагу, не успевала сама следить за своими желаниями. Ее по двадцать раз на дню спрашивала Елена, не хочет ли она ка-ка, она отвечала, что не хочет, и в результате оказывалась измаранной. Кроме того, трудно было с питанием. Бутылок и веревок было ограниченное количество, веревка каждый раз отрезалась, и девять бутылок валялось в комнате к тому моменту, когда девочка перестала подходить к двери, вставать и отвечать на вопросы. Кошка, видимо, не вставала с тела девочки, она, правда, не появлялась в поле зрения давно, с тех пор, как Николай стал охотиться на нее с рогаткой, поскольку девочка скармливала кошке почти половину того, что сама получала в бутылке, все это выливалось ей на пол. Девочка не отвечала на вопросы, кроватка ее стояла у стены и не попадала в поле зрения.

Трое предшествующих суток, борьба за устройство жизни девочки, все эти нововведения, попытки както научить девочку подтираться (до сих пор это делала за нее Елена), передача воды, чтобы она как-то умылась, все эти уговоры, чтобы девочка подошла под дверной глазок за бутылкой (один раз Николай хотел помыть девочку, вылив на нее бидон горячей воды вместо подачи корма, и тогда она стала бояться подходить к двери),— все это настолько буквально стерло в порошок обитателей квартиры, что, когда девочка перестала отзываться, все легли и заснули очень надолго.

Но потом все завершилось очень скоро. Проснувшись, бабушка с дедушкой в своей постели обнаружили кошку со все той же окровавленной мордой — видимо, кошка ела девочку, но вылезла через отдушину — попить, что ли. Ай, ой, закричали, застонали бабушка с дедушкой, на что в ответ возник в дверях Николай и, выслушав все плачи, просто захлопнул дверь и завозился с той стороны, запирая дверь на стул. Дверь не только не стала открываться, но и отдушины Николай не сделал, отложили это. Елена кричала и хотела снять стул, но Николай запер ее в ванной — снова.

А Николай лег на кровать и начал вздуваться, вздуваться, вздуваться. Прошлой ночью он убил женщину с рюкзаком, а она, видимо, была уже больна, так что не помогла дезинфекция ножа над газом — кроме того, Николай тут же, на улице, над рюкзаком поел концентрата ячменной каши, хотел попробовать и, на тебе, все съел.

Николай все смекнул, но поздно, когда уже стал вздуваться. Вся квартира грохотала от стуков, мяукала кошка, в верхней квартире тоже дело дошло до стука, а Николай все тужился, пока, наконец, кровь не пошла из глаз, и он умер, ни о чем не думая, только все тужась и желая освободиться.

И дверь на лестницу никто не открыл, а напрасно, потому что, неся хлеб, шел по квартирам тот молодой человек, а в квартире Р. все стуки уже утихли, только Елена немного скреблась, исходя кровью из глаз, ничего не видя, да и что было видеть в абсолютно темной ванной, лежа на полу.

Почему молодой человек пришел так поздно? Да потому, что у него очень много было на участке квартир, четыре громадных дома. И второй раз молодой человек пришел в этот подъезд только вечером на исходе шестого дня, через три дня после того, как

затихла девочка, через сутки после исхода Николая, через двенадцать часов после исхода Елениных родителей и через пять минут после Елены.

Однако кошка все мяукала, как в том знаменитом рассказе, где муж убил жену и заложил ее кирпичной стеной, а следствие пришло и по мяуканью в стене разобралось, в чем дело, поскольку вместе с трупом в стене был замурован любимый кот хозяйки и жил там, питаясь ее мясом.

Кот мяукал, и молодой человек, услышав единственный живой голос в целом подъезде, где уже утихли, кстати, все стуки и крики, решил бороться хотя бы за одну жизнь, принес железный ломик, которым дворники скалывают зимой лед,— а теперь он валялся во дворе весь в крови,— и взломал дверь. Что же он увидел? Черная знакомая гора в ванной, черная гора в проходной комнате, две черные горы за дверью, запертой на стул, оттуда и выскользнула кошка. Кошка ловко прыгнула в отдушину, грубо выбитую еще в одной двери, и там послышался человеческий голос. Молодой человек снял и этот стул, и вошел в комнату, усеянную стеклом, сором, экскрементами, вырванными из книг страницами, безголовыми мышами, бутылками и веревками. На кроватке лежала девочка с лысым черепом ярко-красного цвета, точно таким же, как у молодого человека, только краснее. Девочка смотрела на молодого человека, а на подушке ее сидела кошка и тоже пристально смотрела.

БЕДНОЕ СЕРДЦЕ ПАНИ

Я родила своего ребенка довольно-таки поздно, перед этим долго лежала в так называемой патологии, среди женщин, которым предстояли какие-то затруднения, и, кстати, я оказалась не самой старородящей, там была уже совсем пожилая женщина сорока семи лет, ее все звали баба Паня и слегка над ней потешались, над ее манерой говорить по-научному «пойду выделю мочу». Баба Паня была почти неграмотной чернорабочей, морщинистой, с узенькими хитрыми глазками женщиной, и все время ходила по нашему короткому коридорчику вдоль палат, и ждала, и ждала своего часа, как мы все его ждали. Но она ждала, как оказалось, совсем не того, что все мы, брюхатые, стонущие бабы, из которых многие пролежали по семь месяцев неподвижно, только чтобы родить ребенка. Под окнами браво кричали навещающие, мы лежали на втором этаже и при открытой форточке лежали и слушали, как кричат. У одной женщины моего возраста опять ничего не получилось, в какой уже раз, ее увели, все думали, что вдруг обойдется, но под окнами вечером раздался пьяный крик: «Сволочь, сука... паразитка... Ты мне загубила жизнь, ах ты сука, что я с тобой связался...» Это кричал ее несчастный муж, который узнал, узнали и мы, что она опять родила мертвого.

Ну так вот, а баба Паня была вылеплена совсем из другого теста и ждала совсем не того, что мы. Она ходила со своим отвислым животом и ждала, как обнаружилось в дальнейшем, что ей по ее медицинским показаниям, в ее уже огромные сроки сделают аборт, для этого она здесь и находилась — уже довольно долго. Она объясняла, что муж у нее лежит уже полгода с радикулитом, он плотник на строительстве, что-то поднял. У них трое детей, и у нее самой был год назад инфаркт: дали большую инвалидность — второй группы. Что же ты тянула, воскликнули бы все, но никто не воскликнул, потому что знали, что ей сначала поставили другой диагноз, опухоль, и опухоль все росла и росла, пока не начала шевелиться и дрыгать ножками, тогда-то баба Паня, проплутав по районному и областному горздраву, направилась с пачкой бумажек искать правду в министерство в Москву и добилась своего, упорная душа, потому что действительно она могла при своем сердце умереть от родов и оставить троих детей сиротами. Она долго ходила по разным инстанциям, а живот все рос, уже набиралось что-то шесть месяцев или около того, и, наконец, ее положили в тот научно-исследовательский институт, где пребывали все мы в ожидании решения своей судьбы. Баба Паня попала к хорошему врачу Володе, который только что спас жизнь одному задохнувшемуся в лоне матери ребенку, девочке. Он высосал ртом изо рта этого уже почти мертвого ребенка слизь, забившую все дыхательные пути, и ребенок через две минуты после рождения закричал — такие легенды ходили о Володе, и везде его бегала-искала по коридорам мать этой девочки, чтобы вручить ему дорогую зажигалку, но не добилась ничего и с тем выписалась. И еще ходила легенда, что его собственная мать умерла родами, и Володя поклялся, что будет врачом-акушером и стал им по призванию. И тем больше было у всех недоумение и ненависть в адрес ни в чем не повинной бабы Пани, что Володя не торопился делать ей аборт, а все ходил к ней в палату, мерял давление, проверял анализы, а баба Паня все ждала, и уже человека, что ли, собрались убивать все эти врачи, человека на седьмом месяце, но баба Паня твердо ждала и знать ничего не хотела: у нее было направление министерства, а дома ее ждали дети и неходячий муж в домике-засыпушке на далеком строительстве ГРЭС. Баба Паня строила ГРЭС, оказывается, вернее, была сторожихой и инвалидом, и на какие деньги все эти люди жили, неизвестно.

Шло время, проходили недели, я, наконец, убралась из отделения патологии и перекочевала в палату родильниц, мне, наконец, принесли мое дитя, и все муки как будто кончились, как вдруг у меня началась горячка и вскочил нарыв на локте. Тут же меня препроводили через двор в инфекционное отделение, я переправлялась по зимней погоде в чьих-то резиновых сапогах на босу ногу, в трех байковых халатах поверх рубашки и в полотенце на голове, как каторжница, а сзади несли завернутого в казенное одеяло ребенка, которого тоже выселили, ибо и он заболел. Я шла, обливаясь бессильными слезами, меня вели с температурой в какой-то чумной барак и разъединяли с ребенком, которого я уже начала кормить, а ведь известно, что если мать хоть один раз покормила ребенка, то все, она уже навеки связана по рукам и ногам и отобрать у нее дитя нельзя, она может умереть. Такие связи связывали меня, идущую в казенных сапогах на босу ногу, и моего ребенка, которого несли за моей спиной в сером одеяле, накрыв с головой, а он молчал под покрышкой и не шевелился, словно замерев. В чумном бараке его унесли очень быстро, а мои мучения продолжались теперь в палате, где лежали инфекционные больные, то ли с нарывами, то ли с температурой, и где лежала уже и тетя Паня, опроставшаяся, пустая, и принимала огромное количество лекарств и от сердца и от заражения крови, поскольку ей уже сделали аборт, разрезали живот, но шов загноился: все в том научно-исследовательском институте, видимо, было заражено. Но тетя Паня, убийца, сама теперь была на грани смерти и теперь выкарабкивалась с трудом, и я выкарабкивалась с трудом, а родильный дом закрывали на ремонт из-за страшной стафилококковой инфекции. Больные говорили, что сжечь его надо, сжечь, да что толку в разговорах.

Я плакала все дни, мне нужно было сцеживать молоко, чтобы оно не пропало, но руки были заразные, а ходить нас не выпускали в коридор, умываться не могла. Я боялась заразить молоко и просила хотя бы спирту протереть руки, раза три сестра мне приносила ватки, а потом бросила, спирту на руки не напасешься. Тетя Паня молчаливо слушала, как я рыдаю, со своими грязными руками, у нее были собственные дела для размышлений, у нее была высокая температура, которая не снижалась, и наконец пришел доктор Володя, убийца. Он положил руку на лоб тети Пани, осмотрел ее шов и вдруг велел принести лед: у тети Пани пришло молоко для ее убитого ребенка, в этом и была причина температуры.

Наконец, настало время, мои муки кончились, и после долгих переговоров мне принесли ребенка, который за неделю разлуки разучился сосать. Жалкий, худой, прозрачный, он ничего не мог поделать, раскрывал и закрывал рот, а я плакала над ним, пока он кричал.

А убийца тетя Паня начала вставать и ходить, держась за стенку, потому что у нее речь зашла о выписке. Она объясняла, что тренируется, от станции до стройки пешком двенадцать километров, но ее выписали через два дня, не вникая в подробности, и она ушла своим ходом, как могла, на вокзал.

А мой ребенок окреп, начал бойко сосать, и через два дня мы должны были выходить на божий свет из чумного барака, как вдруг случилось происшествие. В палату привели новую пациентку — высокая температура, неизвестный диагноз. Привели и положили в опустевшую палату, где торчала одна только я, ожидая очередного кормления. Моя новая соседка сильно кашляла, на вопросы не отвечала, и я тут же энергично отправилась к дежурной детской сестре и заявила, что туда, где больной человек, нельзя приносить ребенка и т. д. Хорошо, приносить перестали, но теперь я уже знала, где он лежит, где его детская, и стояла под дверью, а он кричал криком. Он был один в детской, как я была одна в своей палате, каждой палате соответствовала своя детская, и я теперь знала, что этот одинокий визг есть визг моего голодного ребенка, и стояла под дверью.

И вдруг добрая медсестра сжалилась надо мной, дала мне белый халат, шапочку и марлевую маску и ввела в детскую кормить. Я села в угол кормить моего дорогого ребенка, он тут же успокоился, а я стала разглядывать детскую. Это была белая, чистая комнатка с четырьмя отделениями, в каждом из которых стояло по кроватке, по числу коек во взрослой палате.

Все кроватки пустовали — у новой пришелицы с температурой еще никто не родился — и только под стеной стоял инкубатор, мощное сооружение, накрытое прозрачным колпаком, и в инкубаторе лежало маленькое дитя, тихо спало, смеживши глазки, совсем как большое. Я кормила своего, любила своего, но дикая жалость к чужому существу вдруг пронзила меня.

Это явно была девочка, аккуратные ушки, спокойное, милое лицо величиной с некрупное яблоко — мальчишки рождаются аляповатыми, я уже нагляделась, и только девочки появляются на свет в таком аккуратном, изящном виде.

У вошедшей сестры я спросила: «Девочка?» — и она кивнула и с любовью сказала: «Она у нас уже из пипетки пьет».

Я вернулась в палату, пошли часы кормлений, на следующий день мы с ребенком вымелись из этой больницы прочь, на волю, а меня все мучает вопрос: а не дочь ли тети Пани лежала там, в инкубаторе? Ведь это была детская нашей палаты, и доктор Володя почему так тянул с тетей Паней — уж не хотел ли этот мученик науки дорастить ребенка хотя бы до семи месяцев, до правильного развития?

Все эти вопросы терзают меня, забивают мне голову, и жалкая тетя Паня в который раз на моих глазах пробирается по стеночке, тренируется, чтобы идти домой, и все видится мне доктор Володя, положивший ей руку на лоб, но как не вяжется тетя Паня с тем существом, которое так мирно спало тогда под крышкой инкубатора, завернутое в розовую пеленку, так тихо дышало, закрыв глаза, и так пронизывало все сердца, кроме бедного сердца тети Пани, сторожихи и инвалида.

«ЛЕГО» — «ОГОНЕК» — ДЕТИ...

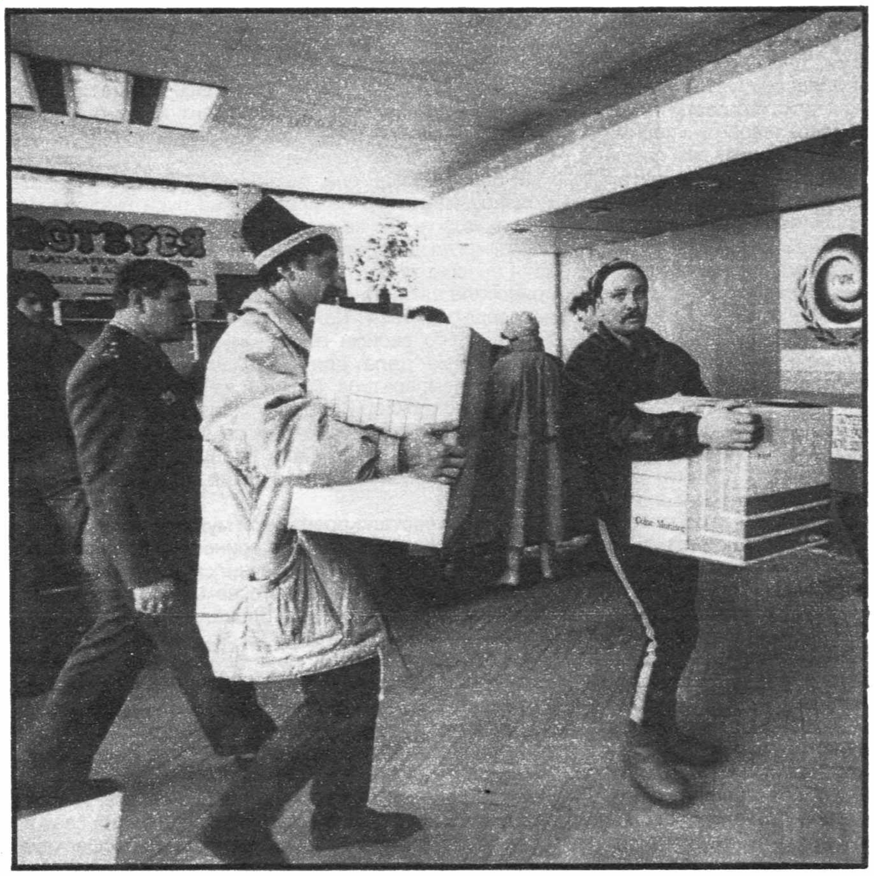
Датская фирма «Лего» появилась на проводимых в Москве международных коммерческих ярмарках — и тотчас выявился огромный интерес к ее детским игрушкам. С вдруг проснувшейся раскованностью наши люди подходили к представителям фирмы с различными вариантами: «бартерные» сделки («не поменяете ли конструктор на водку?», «А на матрешку или на гжель?») и просто просьбы продать что-нибудь.

Переговоры вели не только рядовые посетители. Пришли руководители фирмы «Детский мир». Но вскоре выяснилась их полная несамостоятельность. Уведомив о миллиардном обороте, они никак не могли выложить несколько сот тысяч на закупку; такое может быть решено только в очень высоких торговых сферах. Находчивее и деловитее оказался ГУМ. Его дирекция сдала датской фирме в аренду одну из магазинных витрин, а взамен начнет получать плату, но взять намерена не деньгами, а игрушками и продавать их.

На большее ГУМ не способен, ибо детские товары — монополия (еще одна!) «Детского мира», и другим магазинам в эту вотчину вход запрещен. В многолетней агонии монополисты наши — министерства и ведомства — преуспели лишь в запретах и ограничениях. Стал ли от этого рынок богаче?

И пока игры «Лего» достаются лишь детям тех, кто бывает за границей. К остальным они придут, похоже, не скоро. И потому еще так приятен жест фирмы. Один из ее директоров, Могенс Лаурсен, вручил «Огоньку» пять комплектов игр. Три коробки мы передали детскому дому № 17, а две — больнице, в которой находятся на излечении дети, инфицированные ВИЧ-вирусом...

Спасибо, «Лего»! Дети с увлечением играют. И когда они строят из «кирпичиков» дома и дороги, фантастические сады и придумывают что-то еще (игры «Лего» — простор для фантазии), они, может, забывают о болезни. А это — уже благо.

КОМПЬЮТЕР Я НЕ ВЫИГРАЛ,

но в лотерее участвовал. И не один! Лотерейная волна захлестнула всю Москву.

...Но у меня было преимущество. Обменяв свою затертую, невзрачную десятку на сверкающий тамошними красками лотерейный билет, я тут же передал его собеседнику. А это был доктор Эрих Кольманн, главный, как я понял, лотерейщик. Он представляет компанию, которая и потрудилась, чтобы билеты выглядели так привлекательно и даже празднично. Лотерейную акцию проводил горазный на инициативу Советский фонд культуры при содействии Министерства торговли и исполнителя всей затеи — столичного ЦУМа.

Мы условились с г-ном Кольманном, что он покажет мне, как надо вскрывать билеты. Но, признаюсь, я все же надеялся и на то, что доктор постарается и на мой билет что-нибудь да выпадет. Увы...

— Это лотерея,— назидательно заметил Эрих Кольманн.

Мне бы прислушаться, а я приобрел еще два (тоже оказавшихся пустыми) билета...

А на лестнице ЦУМа выстроилась огромная очередь тех, кто рвался испытать удачу и, не затрудняя себя особо, отхватить «Вольво» или компьютер. У всех были письма-заявки на билеты. А один завод привез и чемодан денег — на этом заводе было, наверное, очень много любителей лотереи. Не смолкали и телефоны. Наиболее привлекательным мне показалось предложение одного срочно прилетевшего в столицу кооператива: «Закупаем все билеты, платим с процентами...»

А мы продолжали беседовать. И я узнал, что билеты выполнены по новейшей технологии, ни подделать, ни подсмотреть, ни высчитать. Главная цель — благотворительная, и г-н Кольманн очень благодарен Фонду культуры за организацию. Что в призах? Теперь это уже всем известно, приятно вспомнить, что были там двадцать «Вольво», 1 200 000 магнитофонных кассет, простенькие часы и фотоаппараты, видео- и просто магнитофоны, телевизоры, калькуляторы, плейеры — все импортное!

Помимо благотворительности, лотерея дала и коммерческий результат. Прямой, законный — ЦУМ получил за свое содействие некую в общем-то скромную сумму (в рублях). И теневой, побочный, пока неизбежный в наших условиях — перед дверями магазинчика, где выдавали призы, тотчас началась обменно-торговая работа: неисчислимы предпринимательские резервы нашего динамичного общества!

Продемонстрировала лотерея и то, как надо вести такие дела — красиво, завлекательно, с размахом. Отечественные денежно-вещевые лотереи пребывают в своей первоначальной закостенелости, убоги и сиры. Еще две-три лотереи типа той, что провели канадская фирма «БАБН текнолоджи корп.» с названными уже организациями (особая нагрузка пала на ЦУМ — он выстоял!),— и не лопнет ли, не сойдет ли на нет наша и без того хилеющая лотерея?

Если кто-то всерьез озабочен тем, чтобы получать деньги с помощью лотерей, надо бы присмотреться к недавно проведенной. Изучить. И кое-что позаимствовать.

Фото С. ПЕТРУХИНА

«ДЕЛОВОЙ МИР», «ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ», «ДЕЛОВОЙ ЧЕЛОВЕК»...

Само по себе неплохое, но импортное слово «бизнес» все чаще соседствует и сотрудничает с русским словом «дело». Мы изрядно подзабыли исконный его смысл, а он по Ожегову: работа, занятие, деятельность... Именно то, чего недостает перестройке. И если перенести эти понятия в нашу практику, если появится деловой (один?) человек, а за ним еще и еще, создастся сообщество деловых людей; они (в свою очередь, не спешите) составят деловой мир. А когда он образуется, у него уже будет свое издание, которое так и называется — «Деловой мир». Динамичная, профессионального уровня газета, появление которой, как мне показалось, встревожило некоторые вальяжные, привыкшие к спокойной бесконкурентности издания.

Привлечет внимание и небольшое издание «Деловой человек». Это будет газета для вас, для меня. Не случаен подзаголовок: «Деловой человек — на работе, дома, в командировке, на улице, в магазине». 16 страниц удобного формата — 16 страниц деловых советов и рекомендаций.

Но наибольшее внимание вызвал журнал «Деловые люди». Пресс-релиз так представляет этот респектабельный журнал: независимый советский экономический ежемесячник призван играть роль информационного моста между советскими руководителями новой формации и западным деловым миром. «Деловые люди», отмечает далее пресс-релиз, имеет элитарную направленность. По своему формату, по качеству оформления и фотографий он ничем не уступает международным изданиям серии «бизнес-журналы».

А по мне так и превосходит! Ибо «ДЛ» уже поступил в киоски, и я могу приобрести (за пять рублей) экземпляр, за западным же такого толка и класса журналом набегаешься. Хотя и тут намечается прогресс. Поговаривают об издании на русском языке журнала «Бизнес уик». И как только это произойдет, у «Деловых людей» окажется очень солидный конкурент, что пойдет на пользу читателям.

Конечно, «Деловой мир» (пробный номер мгновенно разошелся, первый — готовится к печати), «Деловые люди» (тираж 100 тысяч экземпляров, первый и второй номера поступали в киоски «Союзпечати») и огорчительно неспешный «Деловой человек» (первый номер — в печати?) — лишь начало. Наша страна практически не имеет прессы, адресованной деловым людям. «Эко» да некоторые страницы «Экономики и жизни»...

Газеты и журналы такие нужны. Ибо, как известно, вначале было слово. Газетное ли, журнальное ли — не суть... Важно, что это — Слово Делового Человека!

Подборку готовил К. БАРЫКИН.

ИСПЫТАНИЕ ИМПОРТОМ

САГА О ПЕНЕ

Мариам САЛГАНИК

Сначала — документ. «На ваш запрос о качестве индийского моющего средства «Радждут» дополнительно сообщаем, что по основному показателю — моющей способности — средство уступает отечественному аналогу «Эра-А», не содержит химический отбеливатель, имеет очень высокое содержание пылевидной фракции, что может способствовать возникновению аллергических заболеваний у потребителей... «Радждут» содержит большое количество соды (57 процентов), что также отрицательно действует на кожу и верхние дыхательные пути. Уменьшенное количество активного вещества и триполифосфата натрия в синтетическом моющем средстве «Радждут» позволяет сделать предположение о применении его в качестве средства для замачивания белья или для предварительной стирки. «Радждут» не был рекомендован нами к закупке. Директор сертификационного исследовательского центра СМС Б. Н. Угаров».

Значит, так: купив этот якобы стиральный порошок, белье вы не выстираете, зато рискуете получить аллергию. Я не раз слышала, что с индийскими стиральными порошками не все в порядке. А когда уточняла, какие именно порошки лучше не брать, называли два: «Радждут» и «Спейс». И вот подтверждение — письмо специалиста. А затем я встретилась с индийским бизнесменом Хардевом Сандхом. В 1974 году Хардев Сандху основал торговый дом «Чинар», который сегодня ведет экспортно-импортные операции с 50 странами мира. «Чинар» — посредник. Нам он продает около тридцати наименований товаров: чай, табак, текстиль, стиральные порошки и прочее. Мне было интересно узнать: как мог попасть «Радждут» на наш рынок?

— Есть вызывающие у меня недоумение некоторые формы обмена знаками внимания между индийскими бизнесменами и советскими представителями,— сказал Хардев Сандху,— когда наши дельцы этим злоупотребляют, а ваши товарищи будто и не замечают ущерба, причиняемого советской стороне.

— Вы говорите о взятках?

— Я говорю об избыточном дружелюбии одной стороны и о поощрении этого другой стороной. Я прекрасно понимаю, что ваши товарищи многое делают для нас во имя дружеских отношений Советского Союза и Индии. Это прочная дружба, она основана на сердечной тяге двух народов друг к другу, и, поверьте, нельзя укреплять ее подобным образом. Дело есть дело. Взять хотя бы советские закупки моющих средств в Индии. Вам эти моющие средства потребовались срочно и в большом количестве. В первых числах января прошлого года «Чинар» заключил контракт на поставку 10 000 тонн стирального порошка. Я начал связываться с предприятиями и узнал, что Советский Союз уже разместил в Индии заказы на 80 000 тонн моющих средств. в то время как экспортные возможности нашей страны составляют 40 000 тонн!

Начался ажиотаж, подскочили цены, с предложениями ринулось всяческое жулье, готовое продать вам что угодно под видом стиральных порошков. Увидев такую ситуацию, я немедленно обратился в Москву в «Новоэкспорт» и в «Разноэкспорт». Обрисовал положение дел и сказал, что мой заказ придется уменьшить наполовину. Уменьшили мой заказ до 5000 тонн, но... еще пять тысяч тут же передали другой индийской компании.

— А потом?

— Пошли разговоры о махинациях с порошками, о ловкачах, которые под видом стиральных порошков отгружают вам смесь мела с содой, к которой добавлено красящее вещество, обладающее аллергенными свойствами.

Стиральные порошки поставляет множество индийских компаний, среди них, возможно, не все действуют достойным образом.

— Кто продает «Радждут» и «Спейс»?

— Две разные фирмы. Одна называется «Радждут», вторая — «Спейс интернешнл», она организована недавно.

— Что вы слышали о махинациях с моющими средствами?

— Мне однажды позвонили и предложили купить партию мела. Я ответил: мне мел не нужен. И получил «разъяснение»: у вас есть советский контракт на стиральные порошки? Так вот...

— Рекламации с советской стороны поступают?

— Не слышал. Но что творилось в Индии с вывозом закупленных товаров, знаю...

А творилось вот что. Грузы заполонили склады и причалы Кандлы, Бомбея, Мадраса. Моющие средства были объявлены приоритетным грузом, поэтому ими стали загружать контейнеры, предназначенные для чая и кофе. А чай и кофе повезут в ящиках, а может, в мешках — прямо как в романтические времена парусных клиперов? Потери при этом неизбежны — не романтические, а фантастические...

Хардев Сандху озабочен:

— Пока товары лежат, я должен платить за складирование, за хранение. Что делать? Неразрешимых ситуаций не бывает, выход найти можно, но его надо искать. А сейчас один партнер ищет решение, исходя из здравого смысла, а другой беспокоится, как бы не нарушить какую-то инструкцию, которая для него важнее дела.

Хардев Сандху свои проблемы решит — не будет же он торговать себе в убыток. А мы?

...В Министерстве внешних экономических связей работают люди, которые должны знать, где, как и почем что-то купить или продать. За это им идет зарплата. Многим — в валюте. Почему же их застал врасплох стирально-порошковый бум? Каким образом мыльная пена превратилась в общегосударственную проблему, а потом потребовала таких валютных трат? Почему в Индии разместили заказ, вдвое превышающий экспортные возможности этой страны?

АВТОПРОБЕГОМ ПО БЕЗДОРОЖЬЮ!

Автопробеги — дело серьезное, и мода на них берет начало с времен ильфо-петровских, если не раньше. Только со временем значительно выросло количество целей, которые ставят перед собой организаторы подобных мероприятий. И, конечно, как и на всем, что мы делаем сегодня, на них стоит печать нашего шумного, пестрого времени, времени поисков новых путей и методов, новых знакомств и связей.

Автопробег, о котором пойдет речь, имеет солидный маршрут — от Тихого океана до Атлантического, через весь Евроазиатский континент. Маршрут этот — не только посещение крупнейших и интереснейших городов мира, но еще и преодоление тысяч километров тяжелейших дорог. Как известно, на территории нашей страны есть места, например, в Забайкалье, где никто и никогда не проезжал на обычной машине, преодолеть эти участки можно было только на вездеходе. Участники данного пробега разработали вариант маршрута с объездом таких участков через Китай.

Среди его организаторов — журнал «За рулем», ВАЗ, совместное предприятие «Кворри Мастер-Лама» и... некая американская фирма, которая должна была оплатить валютные расходы, и вдруг в последний момент, когда пробег уже практически был готов стартовать, отказалась это сделать.

Помимо стран, названия которых звучат так заманчиво, автопробег должен охватить и огромные территории Советского Союза, обладающие мощной промышленностью, талантливыми учеными и способными коммерсантами, но, как правило, выпадающие за рамки мероприятий, проводимых для установления международных торговых, промышленных, коммерческих связей. Установление прямых контактов с фирмами — спонсорами пробега — это и есть основная его цель. К этому должны привлекаться руководители промышленных предприятий, организаций, местные власти городов, через которые пройдет автопробег. Это уникальная возможность установления именно прямых контактов, без помощи центра; это возможность, наиболее полно отвечающая интересам как спонсоров, так и деловых людей нашей страны.

За ходом автопробега будут наблюдать журналисты. Вместе с репортажами о ходе пробега будет даваться реклама фирм-спонсоров. Будет использована и так называемая «бортовая» реклама — на всех шести автомобилях «Лада», которые примут участие в пробеге. В течение всего пробега будет сниматься рекламный фильм. Все это даст фирмам, которые захотят принять участие в пробеге, неповторимую возможность представиться деловым кругам нашей страны и отыскать себе оптимальных партнеров.

Поведут машины высококлассные гонщики, в том числе от журнала «За рулем» О. Богданов и В. Понярский, те самые, которые пересекли Сахару на «Нивах» и в рекордно короткое время (45 часов) на «Ладах» покрыли расстояние от Москвы до Лиссабона; от ВАЗа — четверо гонщиков-профессионалов.

Всем фирмам, готовым поделиться валютой и заинтересованным в рекламе и установлении новых контактов, сообщаем адрес, по которому они могут обратиться с предложениями: «Кворри Мастер-Лама» — советско-финское совместное предприятие — 121151, Москва, а/я 414
Телефон: 240-43-47
Телекс: 4117700 КМЛ
Факс: 2002216 КМЛ
2002217 КМЛ

НИКТО НЕ ХОТЕЛ ПРОИГРАТЬ

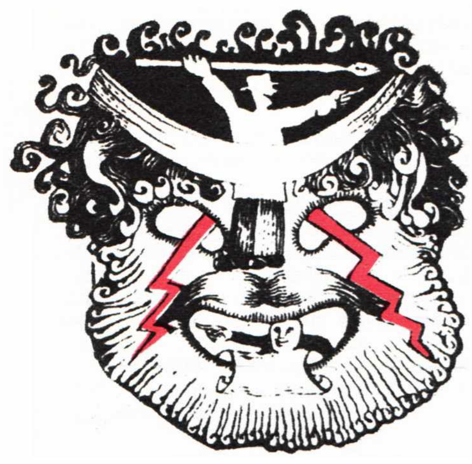
К старту нас собралось сорок два экипажа, готовых на сорока двух машинах выехать отсюда, со стадиона «Динамо», преодолеть стокилометровую трассу и сюда же, на «Динамо», вернуться. Что это за трасса — никто не знает: судьи всего за пятнадцать минут до старта раздали участникам «легенды», или, для простоты сказать, шпаргалки, на которых стрелками, пометками, условными знаками вся эта дорога по Подмосковью расписана вплоть до каждого поворота, каждого дорожного знака, каждого препятствия. Да еще и скорость указана: вот этот участок надо проехать ни на секунду быстрее, ни на секунду медленнее! Каждая секунда отклонения — штрафные очки... В общем, обычное авторалли, только сильно упрощенное: ведь большинство экипажей выходит сегодня на старт впервые. А без опыта ни водительский стаж, ни сноровка, ни амбиции в авторалли не помогут. К примеру, если на старт поставить лучшего московского таксиста без соответствующей подготовки, то до финиша он, может, и доедет, но привезет штраф, равный (соотнося потерянное время с деньгами) всей своей дневной выручке!

Журналисты, кстати, заплатили немногим меньше — право участия в соревнованиях стоило 25 рублей... Московскую прессу представляли экипажи «Правды», «Труда», «Известий», ТАСС, АПН,. «Огонька», «Советского цирка», Центрального телевидения, других газет и журналов, из гостей были прибалтийская «Советская молодежь», итальянская «Репубблико», болгарская газета «Труд», работники чехословацкого телевидения... Образовались и семейные экипажи, и так называемые смешанные, причем в иных машинах женщины сидели за рулем, доверив мужчинам функции штурмана.

Так или иначе, но все журналисты справились с трассой и выдержали экзамен авторалли. Но и этот несложный эксперимент показал, что с автомобильными делами у нас в столице еще очень далеко до порядка, а уж в автоспорте — полный застой: например, ДОСААФ, для которого пропаганда авторалли — хлеб насущный, не пожелал уделить «Репортеру-90» никакого внимания. Спасибо, спонсоры помогли — Автобанк АЗЛК, торговая фирма «Автомобили», 1-й Московский часовой завод, научно-производственный кооператив «Аспект» и еще ряд предприятий и фирм, поддержавших идею соревнований.

Б. СМИРНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Поскольку пресса не слишком объективно оценила даже технические результаты авторалли «Репортер-90», мы вынуждены добавить: первое место завоевала команда «Огонёк», экипаж с представителем нашего журнала — в числе призеров. Успеха добились раллисты из еженедельника «Советский цирк», газеты «Московский телефонист», журнала «Охрана труда и социальное страхование», экипаж факультета журналистики МГУ. Пользуясь случаем, поздравляем всех наших коллег-журналистов!

Михаил УСПЕНСКИЙ

КОМАРОВ, АНГЕЛ МЩЕНИЯ

Век бы не ездить Комарову в этот профилакторий! Вечером играли на бильярде, курили в форточку, обсуждали тяжелое международное положение окружающих стран, потом искусство. Как водится среди людей, коснулись нравов, процветающих в этом мире. Научным работникам сперва бы под собой, как говорят, разгрести, а потом уж и вякать, но завлаб Минеев сказал:

— Распущенность-матушка царит в этих рядах. Взять, к примеру, популярный ансамбль советской пляски и лично его заслуженного руководителя, прославленного земляка Бобруся Анатолия Палыча. Дед седой, а что вытворяет! Ведь в этот коллектив ни одна девушка не влилась, чтобы не оказать ему, дедушке, некоторые знаки внимания...

Посмеялись над заслуженным с известной даже хорошей завистью и забыли. Не забыл один Комаров, начальник отдела. Он ни с того ни с сего услышал за спиной грозное железное лязганье, начал мазать по шарам и много курить, а потом засобирался домой, хотя ехать было через весь город. И над Комаровым стали посмеиваться: бабу, что ли, проверять поехал? Кому-кому, да не ему. Комарова баба сто сот стоит: пятнадцать лет живут — и ни-ни.

Жена Комарова, Таня, была все еще красавица. Как раз такие девушки в упомянутом ансамбле и пляшут по четыре штуки в ряд — высокие стройные блондинки, одна к одной. Сейчас Таня учила танцам детей во Дворце культуры, но несколько лет, пока дочка не родилась, отбухала на большой сцене под руководством этого самого Бобруся Анатолия Палыча, именуемого местным журналистом, постоянно пребывавшим в последнем градусе холуйства, «маэстро».

Таня перепугалась, что Комаров приехал в неположенное время. Она подумала, что мужики в профилактории сбросились, а их накрыли и выгнали с грядущей ябедой в институт.

Но от Комарова ничем плохим не пахло. Зато он задавал странные, пугающие вопросы, похвалил ужин, сходил поглядел на спящую дочку.

— Ты чего, Саша? — спросила жена.

— А вот чего! — закричал Комаров.— А вот чего! — И пересказал реплику завлаба Минеева.

— Дураков всяких слушаешь, дак и вот,— сказала жена.— Минеев сам кругом рогатый, вот и говорит. Сам подумай: какая у нас могла быть аморалка? Кто бы нас при аморалке за границу выпускал?

— Да я не только от Минеева слышал,— сказал Комаров.— Вот и Голков с телевидения рассказывал — уж он-то знает...

— И Голков твой сплетник хуже бабы,— сказала Таня.— Как у нас все-таки принято поливать грязью таланты! Да какое ваше дело, кто с кем живет? Если человек на виду — значит, давай, выворачивай его наизнанку! Как будто талантливый человек не имеет права на личную жизнь.

— Может иметь и имеет, да не с моей женой! — снова закричал Комаров.

— Во-первых, мы еще не были тогда женаты...— сказала Таня и поздно закрыла рот.

Потом она плакала, говорила, что в чужой коллектив со своим уставом не лезут, что существуют устоявшиеся традиции и что, наконец, не попади она в ансамбль — кто бы привозил из-за кордона шмотки и тянул его, Комарова, с его диссертацией и лаборантской его ставкой? И квартиры бы этой не было, и много чего еще. И если кому обижаться, то не Комарову, а ее первому мужу, и вообще — почему Комаров так долго догадывался и так резко догадался?

— Я тебе надоела,— говорила Таня.— Вот ты и нашел смехотворный предлог! Мы, слава богу, не в Японии еще живем! Это там, если жена храпит, ее из дому погнать можно...

Комаров решил, что японец на его месте устроил бы харакири. А, в самом деле, что это я развыступался? Я что, один такой?

— Таня,— сказал он,— а что, радость моя, Светка-то у Кузубова тоже у вас ногами топала?

— Топала, а что?

— А ничто,— сказал Комаров и поехал к Кузубову. Тот был тренер футбольной команды высшей лиги. С Комаровым они встречались только по праздникам. Кузубов удивился, что Комаров приехал среди ночи. Кузубов подумал, что Комаров совершил наезд и теперь хлопочет, чтобы за это ничего не было. Такие дела Кузубов улаживал в два счета. Но Комаров рассказал совсем другое. Кузубов расхохотался.

— Ну ты даешь! Как в анекдоте: ты еще мать вспомни! Да я рад без ума, что через Светку на Палыча вышел! У Палыча в федерации, знаешь, какие связи! Я бы хрен тренером стал, кабы не он, был бы у меня потолок — «Кожаный мяч»...

— Юра,— сказал Комаров,— а тебе это все как — ничего?

— В каком смысле — ничего?

— В смысле — разве так можно?

— Саша,— сказал Кузубов,— да если бы я такой принципиальный был, где бы моя команда была?

Комаров прикинул и ответил:

— Да там же, где остальной отечественный футбол!

— А ничья в Барселоне? — оскорбился Кузубов.— А эскимосов кто раскатал? Козел ты!

— Я убью его,— просто сказал Комаров и пошел вниз. Но внизу его на лифте догнал Кузубов.

— Убивать не надо,— попросил он.— На-ка тебе стартовый пистолет — напугаешь старого гада! Что он, в самом деле,— феодал, что ли, какой... Только не говори никому, что пистолет у меня взял. Скажи: в магазине, мол, купил, в спорттоварах по безналичному...

Комаров отказался от пистолета и пошел домой. Таня не спала, говорила, что Комаров сумасшедший, что работа его доконает, что она вызовет милицию, что она любит только Комарова и за эти пятнадцать лет ни разу, даже в мыслях...

Комаров слушал внимательно до рассвета, а на рассвете собрал дорожную сумку, зашел в кладовку, где была мастерская, и, подумав, положил в сумку большие ножницы по металлу. «Пусть прочувствует, осознает»,— решил он и улыбнулся. Только бы при досмотре не отобрали инструмент.

И билет взял, и инструмент не отобрали. Девушка в милицейской форме вместо того, чтобы спросить: «А зачем это вы ножницы по металлу взяли? Не нашего ли прославленного земляка увечить намылились?» — ласково улыбнулась и пропустила Комарова в накопитель, где он стал накапливаться для посадки в самолет вместе с остальными пассажирами, без ножниц.

В самолете он задумался всерьез и представил: Комаров, до сих пор мягкий, добрый человек, оглушивши маэстро кулаком по сединам, достает ножницы и... Чушь собачья. Ничего такого он делать не будет. Или будет? В самом деле, не в местком же писать, да и где найдешь такой местком? Кто же даст в обиду маэстро Бобруся — организатора крупнейших массовых зрелищ и частых народных праздников? И вспомнил Комаров, как на огромном поле стадиона образуются из живых людей узоры, картинки, символы, лозунги — до такого и в Древнем Риме озверевшие рабовладельцы не додумались. Что для Бобруся и его заказчиков человек — точка определенного цвета в этих узорах и символах... Не знаю, решил Комаров. Погляжу в глаза, а там видно будет. Да его и дома-то поди нету, а в подъезде милиционер, да и адреса пока нет... Комаров засовывал руку в сумку и страшно лязгал ножницами — так было легче, и в этом лязге слышалось ему хлопанье железных крыльев некоего сурового ангела...

Судьба же крепкой рукой двигала Комарова, как проходную пешку на одинокого короля противника. Адрес и телефон дали ему в горсправке за умеренную мзду. Комаров позвонил. Бодрый голос маэстро сообщил: «Заставляете себя ждать, Танечка!» Комаров грязно, как уж мог, выругался и шумно повесил трубку.

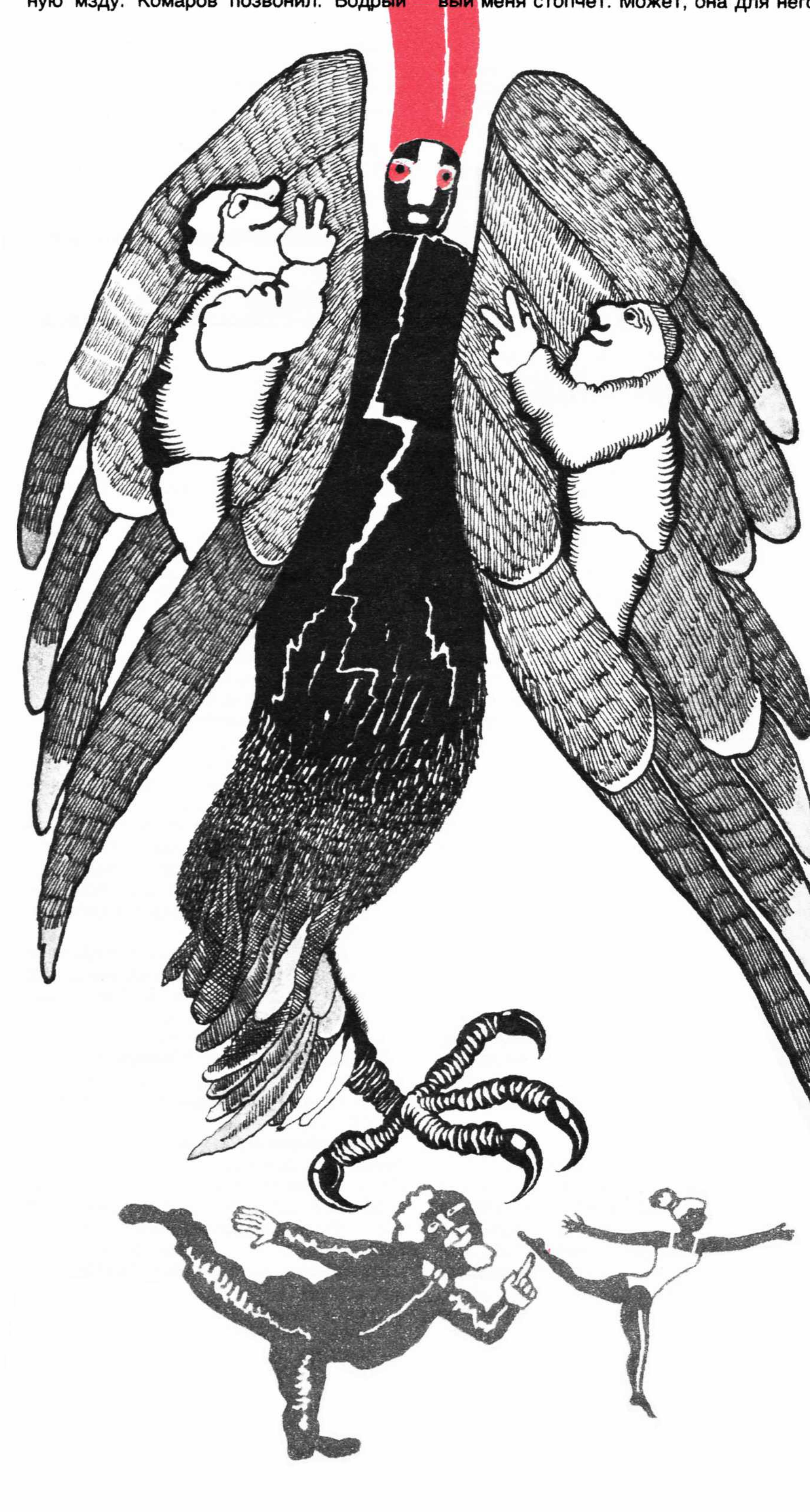
Таксист доставил его во двор, обставленный шестнадцатиэтажными домами. Милиционера не было, а шифровой замок на двери подъезда был. Правда, и код был тут же написан для беспамятных первоклассников. Но Комаров сразу не пошел, решил погодить и отдышаться. Сел на лавочку и сидел, перебирая варианты возмездия. «Выйдет во двор, плюну в глаза — и делов,— думал он.— Ножницы зачем-то приволок, болван... Господи, да зачем я здесь-то? И ведь пьян не был!»

К лавочке подошли парень и девушка в бесформенных куртках и штанах — статные, ладные, веселые.

— Сиди здесь и будь умницей,— сказала девушка и поцеловала парня в щеку.— И не психуй.

Парень кивнул. Лицо у него было сонное — лицо человека, вовсе не склонного психовать. Да он и не слышал спутницы — у него уши были заткнуты наушниками плейера.

Комаров подумал, что девушка и есть Танечка, заставляющая себя ждать. И зашла в тот самый подъезд. «Иди-иди,— молчком напутствовал ее Комаров.— Что я, один такой должен быть? Или побежать, возмутиться, скандалу наделать? Так этот же парнишка первый меня стопчет. Может, она для него

и старается — в космонавты, скажем, устраивает... Нет, в космонавты вроде так еще не устраивают... Или в дипломаты... Или во врачи...»

Хлопанье железных крыльев почти усыпило мстителя, но завыла сирена. Во двор влетела «скорая». Оттуда выскочила бойкая пожилая женщина и два санитара. Бабушки стали подтягиваться к подъезду, чуя новую тему для бесконечной своей беседы. А железные крылья в последний раз хлопнули и повисли бессильно...

«Э, так ведь... Нет, он мой! Он мой!» — чуть было не закричал Комаров и поднялся с лавочки. Санитары вынесли носилки. Из-под простыни видны были седая голова и обнаженное плечо маэстро. Комаров подошел ближе. Старик бессмысленно улыбался перекошенным ртом и пускал пузыри. «Кондратий, Кондратий»,— заговорили бабушки. Давешняя девушка рыдала. «Внучка, наверное»,— заблуждались бабушки. От старика дурно пахло. «Два века никто не живет»,— успокаивали бабушки друг дружку. Комаров вернулся к лавочке, достал из сумки ножницы по металлу и перестриг парню провод от плейера.

— Ты чего, мужик? — заорал парень, пораженный внезапной тишиной. Комаров улыбнулся и протянул ему ножницы.

— На фиг они мне? — удивился парень.

— У тебя девушку Таней звать? — спросил Комаров.

— Таней...— ответил парень.

— Ну так и пригодятся,— сказал Комаров и пошел прочь. Ножницы за его спиной несколько раз задумчиво лязгнули.

Красноярск.

АНЕКДОТЫ ОТ НИКУЛИНА

К нам поступило много писем и телефонных звонков: почему, дескать, уважаемый Юрий Владимирович Никулин узурпировал право печатать у вас анекдоты, среди которых немало с «бородой». У меня, мол, тоже есть коллекция из сотен анекдотов — у нас сейчас на дворе плюрализм и демократия, печатайте и мои анекдоты... Объясняем. Юрий Никулин — это не просто человек, который коллекционирует анекдоты. Своей работой в кино, в цирке, на эстраде, всей своей жизнью, притягательностью своей личности он пришел к ситуации, когда анекдоты сами стали находить Никулина. Каждый, кому посчастливится с ним встретиться, считает своим долгом рассказать Никулину анекдот или веселую историю «из жизни» и радуется, если рассказ доставил удовольствие и паче чаяния попал в никулинский «кондуит». Так собирается его уникальная коллекция анекдотов. Сам Никулин говорит: «И вот я публикую анекдоты из своей копилки... Наверное, вот так, напечатанные кучей, где современные, злободневные мешаются со старыми, они в печати много теряют. Но я все-таки предлагаю их, зная, что юмор все равно проявляется и в этом варианте. А некоторые читатели, настоящие любители анекдотов, возьмут их на вооружение и будут их рассказывать. В умелых руках анекдоты снова будут смешить слушателей». Чего мы и вам желаем.

* * *

Когда американцы высадились на Луне, Л. И. Брежнев вызвал в Кремль наших космонавтов и сказал:

— Американцы на Луне. Нужно их переплюнуть, мы решили послать вас на Солнце.

Космонавты заволновались:

— Готовы выполнить любое задание... Но мы же там все сгорим!

— Вы что же думаете, в правительстве дураки сидят? Полетите ночью!

* * *

По раскаленной зноем пустыне катится нолик и под одним из кактусов замечает восьмерку:

— Ну надо же! Такая жара, а они любовью занимаются!

* * *

В купе сидят два пассажира. Один долго рассматривает второго, а потом говорит:

— Вы знаете, если бы не усы, вы были бы страшно похожи на мою жену.

— Да, но у меня нет усов!

— Зато у жены есть.

* * *

— Рабинович, говорят, вы большой интриган.

— Да, а кто это ценит?

ПАРОДИЯ

Александр ИВАНОВ

ГЕНЫ АБОРИГЕНОВ

Чтобы достать до наших генов,
нас спаивали столько лет,
как всяческих аборигенов.
То корчмари, то шинкари,
то теоретики Госплана...

Довольно. Мы не дураки.
Пусть упрекают нас враги,
что мы квасные патриоты.

Станислав КУНЯЕВ

Всегда был трезвым наш народ,
пьянчуг и ныне презирает.
Но кое-где наоборот:
спивается народ, хворает.
Я сам не пил бы никогда,
проверено — душа не просит...
Однако ж денешься куда,
что делать, если враг подносит?!
Все реже отвечают «нет»
непьющие землепроходцы.
Нас спаивали столько лет
Госплан, спасая госбюджет,
и всяческие инородцы.
Непросто жажду утолить,
а мы испытаны судьбою:
враги торопятся налить,
рюмашку примешь — и в запое
всем уговорам вопреки...
Так из седла недолго выбить!
Довольно. Мы не дураки,
хоть мы не дураки и выпить.
Мы пьем отныне только квас
до посинения, до рвоты.
Плевать. Пусть упрекают нас,
что мы квасные патриоты.
Все те, кто некогда алкал,
лелеять трезвость дали слово.
Уже нельзя поднять бокал
в честь академика Углова.
В чести коварные умы.
Масоны нас алкоголизмом
споить пытаются, а мы
их всех — квасным патриотизмом.

Материалы подготовил
Игорь ДВИНСКИЙ.
Рисовал Виктор КОВАЛЬ.

«МЫ ГОВОРИМ»

- **Политическая мощь... Экономическая мощь... Оборонная мощь... Кругом одни мощи.**
- **Журнал «Проблемы мыла и социализма».**
- **Принцип невмешательства во внутренние дела своей страны.**

Александр БОТВИННИКОВ

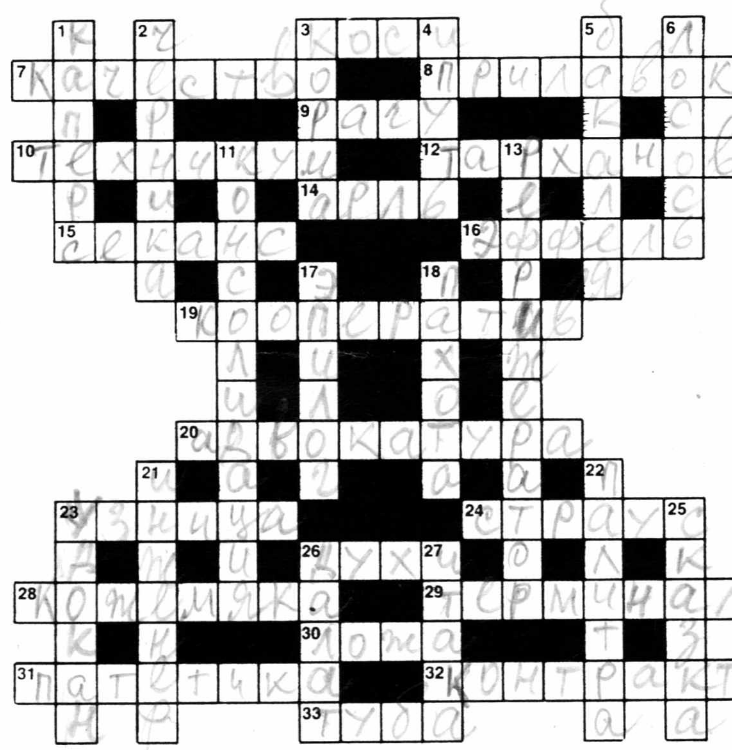
- **Прокурор работал по принципу: «Истина в вине».**
- **Да здравствует отделение милиции!**

Игорь ДВИНСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ

Владимир АЛЕКСАХИН

- **Проблема консолидации окладов и прикладов.**
- **Проблема всеобщей воинской невинности.**
- **Проблема отпущения грехов на свободу слова.**
- **Проблема перехода с диалога на диамат.**
- **Проблема отцепления спальных вагонов от высших эшелонов власти.**
- **Проблема верховного совета депутату.**

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Приток Ганга. 7. Мера полезности продукта в удовлетворении потребности. 8. Стол в магазине для продажи товаров. 9. Мясное или овощное кушанье. 10. Среднее специальное учебное заведение. 12. Народный артист СССР, выступавший на сцене МХАТа. 14. Промышленный город на юго-востоке Франции. 15. Тригонометрическая функция. 16. Французский график, карикатурист, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 19. Добровольное коллективное производственное или торговое объединение. 20. Коллегия защитников, занимающаяся юридической консультацией. 23. Песня композитора С. И. Танеева. 24. Самая крупная птица, обитающая в Африке. 26. Парфюмерное средство. 28. Герой русской народной сказки. 29. Оконечное устройство в вычислительной системе. 30. Места в зрительном зале. 31. Страстный, взволнованный тон. 32. Договор. 33. Самый низкий по звучанию духовой инструмент.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Южное растение, почки которого употребляются как приправа. 2. Лесное ягодное растение. 3. Задняя часть судна. 4. Приток реки Сож. 5. Продовольственные товары. 6. Ценная промысловая рыба. 11. Объединение, сплоченность в борьбе за общие цели. 13. Транспортное средство с холодильной установкой. 17. Заключительная часть художественного произведения. 18. Взрыхленная для посева почва. 21. Специалист с высшим техническим образованием. 22. Дощечка для смешивания красок в живописи. 23. Хребет в Забайкалье. 25. Жанр фольклора. 26. Город на юго-востоке Вьетнама. 27. Один из Ионических островов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 27

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. «Варяг». 4. Марти. 7. Ватерлиния. 10. Амбар. 11. Клеть. 12. Пилястра. 14. Фарман. 15. Акация. 16. Клюз. 18. Изобретатель. 21. «Амок». 22. «Вольво». 24. Корнет. 25. Оператор. 26. Басов. 28. Флинт. 30. Аллегретто. 31. Лайка. 32. Шпиль.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Виза. 2. Рембрандт. 3. Гавр. 4. Маяк. 5. Репетилов. 6. Июнь. 8. Тмин. 9. Нера. 12. Пароходство. 13. Акселератор. 1[illegible] 19. Облонский. 20. «Черевички». 23. Опал. 24. Корт. 26. Б[illegible] Тюль.

40 коп.
Индекс 70663